

ЗАРЕВАНД

Турція
и
Пантуранизм

ВВЕДЕНИЕ А. Н. МАНДЕЛЬШТАМА

(Члена Института Международного Права)

ПАРИЖ

1930

ЗАРЕВАНД

Турція
и
Пантуранизм

ВВЕДЕНИЕ А. Н. МАНДЕЛЬШТАМА
(Члена Института Международного Права)

ПАРИЖ
1930

О Т И З Д А Т Е Л Я .

Автор введения, доктор международного права С. Петербургскаго Университета, Член Института Международнаго Права, АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ, автор многих трудов по международному праву, прошел большую часть своей дипломатической службы в российском Посольствѣ в Константинополь (1898-1914), дойдя до поста Перваго Драгомана. В 1917 году, Временным Правительством был назначен на пост Директора Правового Департамента Министерства Иностранных Дѣл. Перу А. Н. Мандельштама принадлежат , между прочим, книги «Le sort de l'Empire Ottoman», 1917; «La Société des Nations et les Puissances devant le probleme armenien», 1926. Оценка книги г. Зареванда бывшим русским дипломатическим дѣятелем на Ближнем Востоку , являющимся вмѣстѣ с тѣм теоретиком международного права, нам представляется интересной для русской читающей публики.

Printed in France

СЕРИЯ КНИГ

№ 3

Факсимильная репродукция

Издатель—Комиссия АЙ ДАТ
Армянской Революционной партии
ДАШНАКЦУТЮН

Ереван 1991

ВВЕДЕНИЕ.

§1. Книга г. Зареванда будет прочитана с величайшим вниманием всеми теми, кто интересуется судьбами Востока. Но для русских читателей она важна особенно тем, что обнажает настоящие корни пантуранизма, которые оказываются не в Турции: главный толчок к пантуранскому движению дан был не турками Османской Империи, а тюрко-татарскими элементами России. Автор обстоятельно излагает роль, сыгранную в этом отношении тюркскими вождями этого движения, как в самой России, где их деятельность особенно широко развилась под влиянием революции 1905 года, так и в Турции, куда вожди переселились после наступившей в России реакции. Нет никакого сомнения, что идейными основоположниками пантуранизма нужно считать российских выходцев — татар *Ахмеда Агаева, Юсуфа-Акчуру, Али Гуссейна Задэ, Измаила Гаспринскаго* и др. Об этом свидетельствуют как приводимые автором извлечения из писаний этих лиц, так и описанная им агитационная их деятельность в России.

§2. Нужно однако сказать, что если проповедь российских пантуранистов восторжествовала в Турции, то благодаря тому, что нашла там благодарную почву. Автор, конечно, прав, когда указывает, что османские турки долгое время и не подозревали о существовании зарубежных братьев и

узнали о них из сочинений Леопольда Вагнера и других знаменитых европейских ориенталистов. Так напр., младотурецкий министр *Талаат Бей*, еще в 1909 году, говорил мнѣ, что только недавно узнал о существовании турецких братьев в средней Азии. — Но все же почва, на которую упали съмена российских пантюркистов, оказалась необыкновенно благодарной.

Дѣло в том, что, — как правильно отмѣчает и автор — в критическій для пантюризма момент, т. е. вскорѣ послѣ установленія младотурецкаго режима, новые господа Турціи разочаровались в *оттоманизмъ*, т. е. в политической системѣ равноправія всѣх разношерстных элементов Оттоманской Имперіи и об'единенія их в одну оттоманскую націю.*) Напомним, что система эта лежала в основѣ извѣстнаго Хатга Хумайюна 1856 года и что этот Султанскій Указ, хотя и был издан под давленіем великих держав и зарегистрирован в Парижском мирном трактатѣ 1856 года, соответствовал настроеніям интеллигентской части турецкаго общества эпохи *танзимата* (реформ). Но реформы эти, как хорошо извѣстно, в жизнь проведены не были и административный произвол Порты привел к русской-турецкой войнѣ, Берлинскому трактату 1878 года и отторженію от Турціи части ея европейских владѣній. «Красный Султан» Абдул-Гамид не пожелал воспользоваться этими уроками, а наоборот развил до крайней степени всѣ отрицательныя черты старой турецкой государственности: *деспотизмъ*, по отношенію ко всѣм подданным; особенно жестокое *притѣсненіе* христіан; поддержаніе в народѣ *невѣжества* и *религіознаго*

*) Ср. нашу статью «Младотурецкая Держава» въ «Русской Мысли» за 1915 годъ.

фанатизма. Такой внутренней политикѣ Султана Абдул-Гамида соответствовала, во внѣ, усиленная пропаганда воинствующаго *панисламизма*.

Младотурецкіе революціонеры, работавшіе в теченіе гамидовскаго періода как в подпольѣ, так и за границей (особенно во Франціи), были убѣжденными сторонниками *оттоманизма* и насчитывали поэтому в своих рядах многих христіан, в особенности армян. К панисламизму Абдул-Гамида они относились отрицательно, не желая вызвать недружелюбное отношеніе к новой Турціи великих держав (Россіи, Англіи, Франціи) с многомилліонным мусульманским населеніем. Поэтому, как только они пришли ко власти, немедленно ввели в дѣйствіе фактически упраздненную Абдул-Гамидом либеральную конституцію 1876 года, построенную на равноправіи всѣх граждан единой оттоманской націи.

Автор отмѣчает (стр. 59-61), что младотурецкіе вожди очень быстро отонли от оттоманизма, не встрѣтив со стороны инородческих элементов того довѣрія и сочувствія, на которое они считали себя в правѣ рассчитывать. Эту жалобу я лично неоднократно слышал из уст самых видных младотурецких дѣятелей, как напр., *Талаата*, *Назима* и *Бега-Эддинъ Шакира*. Со своей стороны, как очевидец этой эпохи, я должен признать, что в этих жалобах была извѣстная доля правды. Положеніе, в котором очутились младотурки, было дѣйствительно очень тяжелым. На наслѣдствѣ, полученном ими от старой Турціи, лежало слишком много крови, а революція дала толчек к окончательной потери Босніи, Герцеговины и Крита и к провозглашенію независимости Болгаріи. Помимо того, задача обращенія турецкой деспотіи в оттоман-

ское правовое государство была в началѣ XX вѣка несравненно труднѣе, чѣмъ в эпоху танзимата. Оставшіяся у Турціи европейскія владѣнія окаймлялись теперь новыми молодыми націями, являвшимися естественными центрами притяженія для сородичей — греческих, болгарских и сербских подданных Порты. Поэтому, когда инородческіе элементы Турціи почти всецѣло вошли в состав либеральной партіи (ахраров) и стали требовать *децентрализаціи*, младотурки увидѣли в этой программѣ начало своего конца и воспротивились ея осуществленію.

Такая политика свидѣтельствовала, однако, о полном отсутствіи гражданскаго мужества. Дарованіе разумной децентрализаціи, а в извѣстных случаях даже автономіи, представляло всетаки шанс для спасенія остатков европейских вилаетов, так как отняло бы у балканских государств повод к вмѣшательству и позволило бы младотуркам опереться на сочувствіе великих держав, только что доказавших свое довѣріе к молодой Турціи отказом от контроля над Македоніей и не желавших, в эту пору, ея дальнѣйшаго расчлененія. Но вмѣсто децентрализаціи, младотурки скоро прибѣгли к системѣ террора, затмившей своей жестокостью диктатуру Абдул-Гамида и, в отличіе от послѣдней, распространившейся уже на мусульманских инородцев — албанцев и арабов. Результатом такой безумной политики явилась, как извѣстно, балканская война 1912 года, а за нею новая ампутація Турціи.

Съ любопытными фактами в руках, автор показывает, как умѣло полная растерянность младотурок перед инородческой проблемой была использована энергичными русскими пантуранистами, интерес коих не допускал торжества в Турціи ни оттоманизма, ни панисламизма. К тому же, в

самой Турціи выдвинулись свои пантуранисты, и среди них знаменитый *Зія Гек Альп*, член Центральнаго Комитета Партіи «Единенія и Прогресса.» Еще до балканской войны, в 1911 году, конгресс партіи отказался от оттоманизма, а вскорѣ послѣ конгресса нѣкоторые лидеры русскаго пантуранизма — *Гаспринскій*, *Али Гуссейн Заде* и *Акчура* были избраны в Центральный Комитет партіи.

Вмѣстѣ с тѣм, в 1910 и 1911 г., пантуранская пропаганда усилилась, как в Турціи, путем устройства *«турецких очагов»*, так и в Россіи, посредством созданія различных *культурных обществ*. Несчастливая балканская война дала послѣдній толчок к окончательному торжеству пантуранизма. Балканская война, говорит автор, «перевернула весь уклад мысли турок, всѣ их понятія о государствѣ и націи. Турки поняли, наконец, что они не оттоманы, а турки»... они стали радоваться «тому, что умерла старая «больная» Оттоманская Имперія и на ея мѣстѣ возродилась новая Турція. Правда, они потеряли вслѣдствіе этого нѣсколько европейских вилаетов, но за то приобрѣли свое настоящее отечество, свою «родную землю» — в Азіи.

§3. *Въ каких предѣлах должен осуществиться идеал пантуранизма?*

Автор проводит любопытную параллель между вожденіями татарских и турецких пантуранистов. Знаменитый Агаев включает в «тюркскій мір» Балканы, Малую Азію, Крым, Кавказ, Дагестан, Астрахань, Поволжье, Саратов, Самару, Казань, Уфу, Оренбург, Сибирь, Монголію, Китайскій и русскій Туркестан, Бухару, Хиву, Хорасан, южно побережье Каспійскаго моря и два Азербейджана (стр. 84). Болѣе скромны турецкіе пантуранисты, ограничивающіеся

лишь территорией населенной *тюркской* группой туранских народов, в которую входят тюрки Сибири, Центральной Азии, Поволжья, Черноморья, Ирана и б. оттоманской империи; поэтому они предпочитают свое движение называть *пантюркизмом* (стр. 86).

Зия Гек Альп, основоположник пантюркизма, напечатывает в своей известной книге «*Основы тюркизма*» 1923 г., три ступени осуществления своего идеала.

1) *Тюркизм в самой Турции* — что означает ассимиляцию или, в случае отказа от неся, удаление всех нетурецких элементов; параллельно с этим — очищение турецкого языка от арабских примесей и приближение его к туранским корням, а также создание турецкой национальной культуры. В то же время тюркизм антирелигиозен; он борется против ислама, поворачивая турка «от Мекки к Алтаю» (стр. 100).

2) Второй ступенью является т. наз. *огузианизм*, т. е. объединение стран, населенных потомками *Огуза* — Турции и двух Азербейджанов, персидского и русского. (стр. 92).

3) Наконец, что касается других тюркских народностей (татар, киргизов, башкир, якутов, алтайских турок), то Гек-Альп допускает, что они стремятся к созданию собственных культур. Но все же и они, в конце концов, должны войти в общую туранскую федерацию (стр. 92).

§4. *Что сделано до сих пор для осуществления пантюркизма?*

Во время великой войны турки вполне обнаружили свое пантуранское лицо. Учиненную ими в 1915 г. ужасную

резню армян несомненно нужно рассматривать как одно из подготовительных действий к осуществлению пантуранской программы; нужно было уничтожить *инородный клин*, возникший между Турцией и Азербейджаном. С другой стороны, приводимый автором циркуляр Комитета партии «*Единения и Прогресса*» прямо говорит об объединении всех туранских народов, как об одной из целей войны; о том же свидетельствуют обращение российских татар к Вильсону в 1916 г. Побьды русской армии разсвляли было все эти надежды, но русская революция окрылила их вновь, и слвдующие один за другим общемусульманские съезды 1917 г. проявляли все болге растущую антирусскую и туркофильскую тенденцию. Большевицкая революция и Брест-Литовский мир принесли пантуранистам уже реальные плоды — в видв Карса, Ардагана и Батума. Но и послв Брестского мира с Советской Россией турки продолжали свое наступательное движение в Закавказье и заняли Баку, горлчо приввтствуемые азербейджанскими татарами. Только побьда союзников заставила турок вернуться в Анатолию.

Что касается *кемалистского движения*, то нам кажется, что автор прав, об'ясняя его успх вврою в пантуранский идеал, которая овладвла военной и гражданской молодежью Анатолии. *Кемализм*, говорит он, «был выкристаллизировавшимся стопроцентным тюркизмом.» Этим автор и об'ясняет совершенно правильно, что отказываясь от Сирии, Месопотамии, Аравии, Западной Фракии, турецкие националисты главнвйшим лозунгом своей борьбы выставили удержание армянского плоскогорья и недопущение создания на нем армянского государства. Врно также, что проведение в жизнь этого лозунга могло осуществиться только благода-

ря поведенію держав-побѣдительниц, которыя заключили странное перемиріе в Мудросѣ, не разоружившее турок и позволившее им укрѣпиться как раз в Турецкой Арменіи.

Другую причину успѣха кемалистов автор видит в их угрозахъ поднять весь туранскій и даже мусульманскій міръ против союзников, и главным образом, против Англій. Автор говорит, что такая угроза в этот момент «была гораздо реальнѣе, чѣм до и во время войны, и это потому, что лозунг освобожденія народов, ставшій таким популярным по окончаніи войны, коснулся и сознания туранских и вообще восточных мусульманских народов, пробудив в них чувство національнаго самосознанія. Первым его выраженіем было подчеркнутое высказываніе с их стороны симпатій к Турціи и к турецкому національному движенію» (стр. 124). Это, конечно, вѣрно. Все же нам кажется, что броженіе среди мусульманских масс в Индіи и Сѣверной Африкѣ, с которым только и считались в Лозаннѣ союзники, было главным образом вызвано грозившей *всему* мусульманскому міру опасностью потерять столицу халифата — Константинополь. Это броженіе и имѣло своим конечным результатом сохраненіе за Турціей Константинополя и частей Европейской Турціи. Что же касается сохраненія за турками армянской территоріи, хотя и без армян, то оно объясняется, на наш взгляд, не боязнью держав перед панисламизмом или пантуранизмом, а другими очень сложными причинами.

Как извѣстно, во время великой войны, союзники неоднократно и самым торжественным образом заявляли о своем рѣшеніи избавить армян от турецкаго ига. Правда, Севрскій трактат 10 Августа 1920 г. создал независимую Арменію из

земель, входивших в состав не Турціи, а *Императорской Россіи*, все же 89 статья договора предоставляла Президенту Вильсону опредѣлить границы этой независимой Арменіи с Турціей, иными словами, включить в нее части турецкой территоріи. Но постановленія Севрскаго трактата, как и третейскаго рѣшеніе Президента С. А. Соединенных Штатов, присудившее Арменіи большія части Ванскаго, Витлискаго, Эрзерумскаго и Трапезундскаго вилайетов, остались на одной бумагѣ. «Главныя союзныя державы» (Франція, Англія и Италія) не только не привели их в исполненіе, но даже воспротивились вступленію Арменіи в Лигу Націй, заявив, что не могут взять на себя гарантію ея границ, к которой, в случаѣ принятія Арменіи в Лигу, обязывала бы всѣх членов Лиги знаменитая 10 статья Пакта. В результатѣ этой политики, оставленная на произвол судьбы независимая Арменія весьма скоро была раздавлена соединенными усилиями Совѣтов и кемалистов и подѣлена между ними. Что же касается судьбы турецких армян, то для них на Лондонской Конференціи 1921 года союзники выговаривали еще созданіе «національнаго очага» на восточной границѣ Турціи; но уже на Парижской Конференціи 1922 года указаніе на мѣстонахожденіе этого очага *на восточной границѣ* отпало; а на Лозаннской Конференціи Державы, под напором турок, отказались *вообще* от идеи армянскаго очага. Таким образом, армянское плоскогорье осталось в руках турок, не отягощенное никакими сервитутами — кромѣ развѣ гарантіи общих прав меньшинств, принятой Турціей для всей своей территоріи.

Столь безславное сворачиваніе союзнических знамен перед побѣжденной Турціей в армянском вопросѣ не оправдывается,

конечно, с точки зрѣнія международного права, в виду данных армянской націи общаній, подтвержденных Севрским трактатом. Нельзя в защиту держав привести и довод «непреодолимой силы» — т. е. оправдать их поведение всеобщим утомленіем народов, не допускавшим новой войны: ибо союзники не сдѣлали даже попытки произвести на Турцію давленіе путем *финансоваго* и *экономическаго* бойкота. Тѣм болѣе интересны *политическія* причины, помѣшавшія державам исправить тактическую ошибку, допущенную при заключеніи Мудросскаго перемирія.

К числу этих причин нужно отнести тренія между союзниками. Севрскій трактат вызвал серьезное недовольство Франціи и Италіи, считавших, что их національные интересы, в особенности при распределеніи *мандатов*, принесены в жертву интересам Англій; вслѣдствіе этого эти двѣ державы сочли удобным пойти на сепаратныя соглашения с Турціей, весьма выгодныя для послѣдней. Англія одна продолжала держаться антитурецкой оріентаціи, но пораженіе покровительствуемой ею Греціи и мусульманская агитація в Индіи заставили ее пойти на уступки. На Лозанской Конференціи мало спѣвшіяся державы поступились в пользу побѣжденной ими Турціи весьма существенными собственными интересами и, между прочим, отказались от капитуляцій. На ряду с этим, отказ от армянских прав и оставленіе армянскаго плоскогорія в руках турок показали, очевидно, союзникам уступкой гораздо менѣ тяжелой для их самолюбія и их интересов.

При всем том, нам кажется, что страх перед *пантурсизмом* едва ли являлся в глазах союзников одним из мотивов, побуждавших их к уступчивости по отношенію к кемалистам.

Вѣдь наличіе такого страха должно было, наоборот побудить державы, в собственных же интересах их, воспротивиться оставленію армянскаго корридора между Ангорой и Тураном в руках турок... Главным двигателем политики держав в турецком вопросѣ было, конечно, желаніе *помѣшать сближенію кемалистов с большевиками*. Поэтому, Англія заключила в 1921 г. сепаратное соглашеніе с Совѣтами, а Франція и Италія — с Ангорой. Но такая разрозненная политика союзников привела только к еще болѣе тѣсной спайкѣ турок и большевиков, об'единенных одинаковой ненавистью к державам Согласія.*)

§ 5. Автор совершенно правильно оцѣнывает значеніе *поддержки*, которую большевики оказали кемалистскому движенію, с самаго его возникновенія. В 1919 г. в Москвѣ при Наркоминдѣлѣ была основана «Лига Освобожденія Ислама», и совѣтскіе делегаты участвовали в первых конгрессах кемалистов. Правда, послѣ ухода союзников из Закавказья, турки согласились на совѣтизацію «освобожденнаго» ими Азербейджана, зная, что симпатіи населенія все равно останутся на их сторонѣ. Но за эту кажущуюся, чисто временную уступку они получили согласіе большевиков на разгром и раздѣл Арменіи, а по Московскому договору 1921 г. приобрѣли Карскую, Ардаганскую и Сурмалинскую области, да еще обезпечили себѣ на всякій случай корридор к татарским со-

*) Желающих подробнѣе ознакомиться с политикой державъ в армянском вопросѣ позволяю себѣ отослать к моей книгѣ «La Société des Nations et les Puissances devant le problème Arménien.» 1926, Paris, Pedone.

родичам путем из'ятія Нахичеванскаго района из под власти Совѣтской Арменіи и передачи его под протекторат Азербейджана. Нельзя не согласиться с автором, что от турецко-большевицкой «дружбы» в выигрыш остались одни турки: большевики не достигли своей главной цѣли — «совѣтизации» Турціи, и в концѣ концов не смогли даже удержать «друзей» от заключенія мира с державами. Турки, наоборот, используя большевицкій козырь, заключили столь блестящій для них Лозанскій мир, и сверх того укрупнили свой престиж как в Азербейджанѣ, так и в других созданных Совѣтами турецко-татарских автономных образованиях.

Пожалуй, самой интересной для русских главой в книгѣ г. Зареванда является послѣдняя — «Пантуранизм в наши дни.» В ней автор наглядно показывает, что Мустафа Кемаль, хотя *официально* и принужден иногда отречься от пантуранизма, на практикѣ уже осуществил большую часть пантуранской программы: сюда относится насильственное отуречиваніе населенія, отказ от халифата и мусульманских прав, реформа языка путем приближенія к нарѣчіям туранских кочевников, уничтоженіе арабскаго шрифта... Остальное впереди. Пантуранская пропаганда уже сейчас ведется среди русских тюрко-татар. «Турція», говорит автор, «является подлинной политической Меккой для них всѣх, а Мустафа Кемаль истинным пророком» (ст.154). Все ирочнѣе устанавливается связь между русскими тюрко-татарами и турками; турецкіе учителя преподают в совѣтских школах Азербейджана, Дагестана, Туркестана, Поволжья, Крыма — а тюркская молодежь Совдепіи часто получает высшее образованіе в Турціи (стр. 155).

Автор утверждает, что «есть много оснований думать,

что даже у русских большевиков раскрылись глаза перед той опасностью, которую представляет пантуранизм.» Это отречение он объясняет тѣм, что за послѣднее время пропаганда эмигрантов из русских тюрко-татар, обосновавшихся в Турціи, приняла слишком уже откровенный характер. Споры между ними касаются исключительно *формы* объединенія всѣх тюркских народов, вопроса о том, должна ли связь с Турціей носить характер федераціи или же безоговорочно к ней присоединенія. Но всѣ тюрко-татарскіе вожди «объединились на платформѣ, включающей в себя слѣдующіе основные принципы: «признаніе необходимости культурнаго и политическаго единенія всѣх тюрко-татар Россіи и Турціи, признаніе исключительной роли за *новой* Турціи и в частности за ея вождем Кемаль-Пашою при осуществленіи этой великой національной миссіи и, наконец, отказ от старых «иллюзій» на счет возможности добиться удовлетворенія своих національных требованій при помощи русской демократіи и в случаѣ перехода власти к ней.» (стр. 156).

§ 6. Книга г. Зареванда выдержана в совершенно объективных тонах. Автор не нападает на пантуранизм, не осуждает его, а только дает картину его возникновенія и развитія, на основаніи, главным образом, пантуранских же источников. Г. Зареванд просто задается цѣлью развернуть перед читателем фазы недавно только зародившагося и еще мало извѣстнаго пантуранскаго движенія. Он не судит, а констатирует. Появленіе этой прекрасной книги слѣдует поэтому всячески привѣтствовать и пожелать ей широкаго распространенія среди русской публики, в недостаточной мѣрѣ освѣдомленной о ростѣ и силѣ современнаго пантуранизма, имѣющаго столь большое зна-

чение для развития в том или ином направлении государственности будущей свободной России.

В заключение позволю себѣ высказать нѣсколько соображений по поводу проблем, неизбежно встающих послѣ чтения книги г. Зареванда перед каждым русским, любящим свою родину.

I.

Первый, основной, вопрос, конечно слѣдующій: Дѣйствительно ли тюрко-татарскіе народы Россіи тяготеют к Турціи?

В свободной Россіи, организованной на началах федерализма и областных автономій, тюрко-татарскіе народы будут, конечно, надѣлены крайней степенью политической самостоятельности, совмѣстимой с сохраненіем единой російской государственности. Но удовлетворятся ли этим тюрко-татарскіе народы? Правда ли, что, как говорит пантуранист *Исмаков*, «среди зарубежных турок никогда не было движенія, стремившагося к отдѣльному от Турціи объединенію. — Никогда не стремились «свить свое гнѣздо»: Сѣвер — вокруг Казани, Туркестан — вокруг Бухары, Крым — вокруг Бахчисарая и Азербейджан — вокруг Баку. Эти центры в своей дѣятельности всегда исходили из сознанія, что являются лишь вѣтвями великаго тюркскаго дерева, что тот воздух, которым всѣ они дышат, есть турецкій воздух.» (стр. 161). Правда ли это? Личное ли это только мнѣніе осѣвших в Турціи и отуречившихся лидеров пантуранизма, или же эти слова выражают глубокое настроеніе тюрко-татарских масс Россіи? Дѣй-

ствительно ли эти массы, в наш вѣкъ крайняго націонализма, не желают сохраненія своего, хотя и маленькаго, но собственнаго лица, — татарскаго, киргизскаго, узбекскаго, башкирскаго, — а неудержимо стремятся к полному растворенію в чисто-турецком морѣ? И далѣе, *если* эти народы стоят за сохраненіе своих особенностей, то желают ли они, слѣдующимъ завѣтам *Зи Гек Альпа*, федерироваться по племенному признаку с Турціей, или же быть равноправными членами Россійской державы, в которой они найдут, в большей степени, чѣм в Турціи, удовлетвореніе всѣх своих экономических потребностей?

Несмотря на всѣ утвержденія пантуранистов, этот вопрос о подлинности стремленія *россійских тюрко-татарских масс к отуреченію* остается далеко не выясненным, и на него книга г. Зареванда не дает и не может дать — в нынѣшних русских условіях — исчерпывающаго отвѣта. По отношенію тюрко-татар к *Совденіи* нельзя судить об их будущемъ отношеніи к возродившейся *Россіи*.

II.

Второй вопрос можно формулировать слѣдующимъ образом: намѣчаются ли уже *постоянныя линіи новой политики Турціи по отношенію к Россіи*, политики, стремящейся к освобожденію тюрко-татарских народов из под власти Россіи, подобно тому, как в теченіе столѣтій Россія стремилась к освобожденію балканских народов из под власти Оттоманской Имперіи.

Этот вопрос о новой политикѣ Турціи мы не связываем

с политикою нынѣшней кемалистской Турціи, а ставим его гораздо шире. Прочность нынѣшняго турецкаго режима еще не окончательно выяснилась. *Гази Мустафа Кемаль Паша* не только радикально измѣнил политическій и религиозный облик Турціи. Он не только упразднил султанат и халифат и обратил Турцію в республику. Благодаря его исключительной энергіи, ему удалось провести в Турціи социальныя реформы, от которых младо-турки отказались послѣ первых же неудачныхъ попытокъ в 1908 г. Эмансипация женщины; отдѣленіе ислама от государства; отмѣна средневѣковаго мусульманскаго законодательства, совершенно не соответствовавшаго сложнымъ требованіямъ современной жизни, и введеніе европейскихъ кодексов; переход от арабской азбуки к латинской; попытки очищенія турецкаго языка, загроможденнаго арабскими и персидскими примѣсами — вот главныя вѣхи, характеризующія современную турецкую реформу. Но всѣ эти новшества проведены желѣзной волей одного человѣка, опирающагося на армию и в руках котораго парламент является послушнымъ орудіемъ. И все та же единоличная воля, проникшись, повидимому, пантуранскимъ идеаломъ, направляетъ исподволь турокъ к созданію большого пантуранскаго государства за счетъ Россіи. Но прочна ли эта диктатура? А если она когда нибудь будетъ замѣнена инымъ режимомъ, то переживетъ ли ее пантуранизмъ? Связан ли онъ только с кемализмомъ, или онъ действительно присущъ національной душѣ современнаго турка-османлиса и соответствуетъ его подлиннымъ интересамъ?

Отвѣтить на эти вопросы вряд ли возможно в настоящее время, когда движеніе пантуранизма насчитываетъ всего два-три десятка лѣтъ, а кемализмъ — одно только десятилѣтіе.

Турецкій народ, не выходявшій, начиная с 1911 года, из цикла войн и нуждающійся прежде всего в покоѣ, вряд ли одушевленъ в настоящее время широкими завоевательными замыслами. В виду его исключительной дисциплинированности, Мустафа Кемаль сможет, в случаѣ новаго русскаго кризиса, бросить турецкихъ аскеровъ на Закавказье и на Туркестан. Но такое случайное наступленіе, такое использование русской смуты, не явится еще твердымъ доказательствомъ новой, болѣе или менѣе *постоянной пантуранской политики Турціи* в русскомъ вопросѣ...

III.

Тѣмъ не менѣе, самая *возможность* постоянной пантуранской политики Турціи заставляетъ насъ поставить *третій и послѣдній вопросъ*. В случаѣ, если бы *какая либо болѣе или менѣе прочно установившаяся турецкая государственность повела сознательную пантуранскую политику, какъ должна будетъ реагировать на нее воскресшая Россія?*

Не имѣя возможности отвѣтить на этотъ вопросъ сколько нибудь исчерпывающимъ образомъ в рамкахъ краткаго введенія, мы позволимъ себѣ только высказать нѣсколько мыслей о *международной обстановкѣ*, в которой онъ встанетъ передъ русскимъ обществомъ и русскимъ государствомъ, так какъ обстановка эта, на нашъ взглядъ, будетъ имѣть огромное значеніе для разрѣшенія проблемы.

До *великой войны* агрессивный пантуранизмъ имѣлъ бы только одного главнаго противника — *Россію*; при этомъ онъ могъ бы, конечно, рассчитывать на сочувствіе ея недруговъ,

— а может быть, и некоторых ее друзей. Но в настоящее время международное положение значительно изменилось. Не только создана Лига Наций, не только действует Гаагский Международный Суд, но неудержимо растет среди народов отвращение к войне. Отвращение это вызвано не столько нравственным усовершенствованием, сколько все больше крепнущим сознанием человечества, что при условиях современной военной техники и взаимной экономической связи народов, война не может больше служить средством разрешения международных споров. Она уже не только безнравственна, но и невыгодна для всех воюющих. Поэтому человечество начинает все больше и больше относиться к войне отрицательно. Заключение Парижского Пакта 1928 г. об «отказе от войны как средства национальной политики» (Пакт Бриана-Келлога), к которому прикнули все решительно страны мира, является ясным тому указанием.

Такая международная атмосфера позволяет надеяться, что обновленные русский и турецкий миры не неизбежно осуждены на новые кровавые столкновения. Если Россия и Турция войдут в Лигу Наций, то оба будут, конечно, связаны ее постановлениями о мирном разрешении международных споров. Но если бы этого даже и не случилось в течение ближайшего времени, все же Лига Наций, в силу 11 ст. Пакта может вмешаться в русско-турецкую распрю, в интересах сохранения всеобщего мира. В самом деле, эта 11 статья гласит:

«Сим твердо объявляется, что всякая война или опасность войны, независимо от того, касается ли она непосредственно или нет одного из Членов Лиги, затрагивает интересы все Лиги, и что эта последняя должна принять меры, способные

обеспечить действительным образом мир между народами. В подобных случаях, Генеральный Секретарь созывает немедленно Совет, по требованию всякого члена Лиги.»

«Помимо того объявляется, что каждый Член Лиги имеет право дружеским образом обратить внимание Собрания или Совета на всякое обстоятельство, могущее повлечь за собой международные отношения и угрожающее в дальнейшем нарушить мир или же доброе согласие между народами, от которого зависит мир.»*)

Но международная жизнь не только вырабатывает новые формы разрешения международных конфликтов (Лига Наций, Гаагская Постоянная Палата Международного Суда, Третейские Суды); постепенно создается и новое международное право, применяемое этими инстанциями. И в интересующем нас вопросе о размерах прав национальностей уже вырисовываются принципы, позволяющие примирить права государства и населяющих его народностей.

Это нарождающееся новое международное право отнюдь не клонится к признанию права каждой национальности на самоопределение. В своей абсолютной форме этот лозунг

*) Article 11: Il est expressément déclaré que toute guerre ou menace de guerre, qu'elle affecte directement ou non l'un des Membres de la Société intéresse la Société tout entière et que celle-ci doit prendre les mesures propres à sauvegarder efficacement la paix des Nations. En pareil cas, le Secrétaire général convoque immédiatement le Conseil, à la demande de tout Membre de la Société.

Il est, en outre, déclaré que tout Membre de la Société a le droit, à titre amical, d'appeler l'attention de l'Assemblée ou du Conseil sur toute circonstance de nature à affecter les relations internationales et qui menace par suite de troubler la paix ou la bonne entente entre nations, dont la paix dépend.

не оказался жизнеспособным. Президент Вильсон, выставивший принцип самоопределения в его абсолютной форме 27 Мая 1916 г., очень скоро от него отказался, признав уже в своей известной речи 22 Января 1917 г. за всеми народностями только *право на известный минимум культурной и социальной самостоятельности*. Вообще же доктрина Президента окончательно выкристаллизовалась в его послании от 11 Февраля 1918 г., где он провозглашает необходимость считаться с «существенной правдой каждого отдельного случая» и утверждает, что «все ясно определившиеся национальные стремления должны получить самое полное удовлетворение, какое только возможно им дать, не вводя новых и не увеличивая старых элементов беспорядка или раздора, способных, со временем, нарушить мир Европы, а стало быть и всего мира.» Таким образом, если исходить из теории Вильсона, то разрешение конфликтов между государствами и нациями, входящими в его состав, не будет производиться по однообразному рецепту самоопределения народов. Иногда решение придется вынести в пользу государства, иногда — в пользу народностей, в зависимости от того, чего потребуют высшие интересы человеческого общества в каждом данном случае.

Теория Вильсона не вошла в пакт Лиги Наций, но Совет Лиги Наций проникся ее духом, как вытекает из его решения по знаменитому *Аландскому вопросу*. 24 июня 1921 г. Совет Лиги признал суверенитет Финляндии над Аландскими островами, населенными исключительно шведами, но обязал за то Финляндию дать островам политическую автономию. Решение Совета Лиги Наций основано на весьма интересных заключениях двух комиссий ученых международников.

Доклад *Первой Комиссии* констатирует прежде всего, что принцип самоопределения народов не фигурирует в Пакте Лиги Наций, и признан только некоторыми международными трактатами, чего недостаточно для признания его правилом действующего международного права. В *нормальное* время, право распоряжаться национальной территорией есть атрибут суверенитета каждого окончательно образовавшегося государства (*Etat definitivement constitue*); поэтому право на отделение от государства известной части его населения не принадлежит ни этой части, ни какому либо другому государству. От этого общего правила Комиссия отступает только для переходных эпох, вызванных революциями и войнами. В таких смутных эпохи создание новых или преобразование старых государств затрагивает интересы всего международного общения, каковые могут привести к признанию права народного самоопределения. Но и в таких случаях это право не применяется однообразно. Так например оно должно быть сообразовано с принципом защиты меньшинств. Помимо того, заключает первая Комиссия, не следует терять из виду, что даже если предоставить принципу самоопределения преобладающее значение среди всех принципов, влияющих на образование государств, все же соображения географического и экономического характера и другие могут помешать его «интегральному признанию.»

Вторая Комиссия юристов, в полном согласии с первой, заявляет, что право самоопределения народов есть «начало справедливости и свободы, выраженное в неопределенной и общей формуле, которая подала повод к самым разнообразным пререканиям.» Далее Доклад Комиссии говорит:

«Возможно ли провозгласить как абсолютное правило,

чтобы меньшинство населения государства, окончательно образовавшегося (*definitivement constitue*) и вполне способного исполнить свою задачу, имело право отдѣлиться от него с цѣлью присоединенія к другому государству или же об'явленія своей независимости? Отвѣтъ может быть только отрицательный. Признание за языковыми или религиозными меньшинствами или за фракціями населенія права выхода из общенія (*communaute*), к которому онѣ принадлежат, потому только, что такова их воля или доброе желаніе (*bon plaisir*) — было бы равносильно уничтоженію внутренняго порядка и устоев государств и введенію начала анархіи в международную жизнь; это равносильно было бы защитѣ теоріи, несовмѣстимой с самой идеей государства как единицы территориальной и политической.»

«Надлежит разумным образом приложить идею справедливости и свободы, заложенную в формулѣ самопредѣленія, к отношеніям между государствами и меньшинствами, которыя они в себѣ содержат. Справедливо, чтобы этнической характер и вѣковыя традиции этих меньшинств уважались, насколько это возможно; в особенности необходимо, чтобы эти меньшинства имѣли право свободно исповѣдывать свою вѣру и развивать свой язык. Этот постулат является одним из самых благородных достижений новѣйшей цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣм, — так как вѣтъ справедливости нѣтъ прочнаго мира, — он представляется одним из наиболее дѣйствительных средств для упроченія мира и для укрощенія ненависти и раздоров как внутри государств, так и в международных отношеніях. Но по каким причинам слѣдовало бы позволять меньшинству отдѣлиться от государства, с которым оно связано, если это государство предоставляет тѣ гарантіи, которыя

меньшинство в правѣ требовать для сохраненія своего социальнаго, этническаго или религиознаго характера? Такое разрѣшеніе — помимо всяких политических соображеній — явилось бы в высшей степени несправедливым по отношенію к государству, расположенному идти на уступки...»

«Отдѣленіе меньшинства от государства, в состав коего оно входит, и присоединеніе его к другому государству не могут разсматриваться иначе как крайнее и совершенно исключительное средство, примѣняемое тогда, когда это государство не желает или не в состояніи создать и обезпечить справедливыя и дѣйствительныя гарантіи.»

Нам кажется, что только принявъ вышеизложенную точку зрѣнія Лиги Націй на значеніе принципа самопредѣленія народов, можно будет безболѣзненно разрѣшить *проблему пантюранизма*. Вопрос о выходѣ из предѣлов Россіи тюркотатарских племен должен получить *не одностороннее рѣшеніе*, исходящее из одних интересов этих народностей, а рѣшеніе, основанное также на интересах русской государственности. Мы глубоко убѣждены в том, что каждое, даже самое незначительное, національное меньшинство имѣет право на культурную автономію, что народам, входящим сплошными массами в предѣлы какого либо государства нужно предоставлять самыя широкія политическія автономіи, и что введеніе федеральной системы является в извѣстных случаях актом величайшей государственной мудрости. Но мы отрицаем *абсолютное* право народности на выход из государства в том случаѣ, когда выход приносит этому послѣднему несомнѣнный вред, тогда как всѣ политическіе, экономическіе и культурные интересы этой народности могут получить полное удовлетвореніе в предѣлах этого государства. С этой точки зрѣ-

ния. напр. Ирландія имѣла полное право на статут «свободнаго государства», Free State, а Англія на сохраненіе с Ирландіей извѣстной связи. Возможно, что Каталонія имѣет извѣстные права на самостоятельность, но, весьма вѣроятно, что полный разрыв с Испаніей не был бы признан международной инстанціей совмѣстимым с интересами испанскими, заслуживающими вѣдь не меньшаго уваженія, чѣм интересы каталонскіе. Точно также не в интересах человеческого коллектива было бы разрывать живое тѣло Россіи *только потому, что та или иная народность требовала бы полной независимости или вхожденія в состав другого государства*. Интересы государства и входящих в него націй должны разграничиваться с точки зрѣнія *высшаго интереса человечества*, и в зависимости от особенных условий каждаго даннаго случая.

К этим соображеніям необходимо присоединить еще слѣдующее. Понятіе *полнаго, абсолютнаго суверенитета государства* все больше выходит не только из терминологіи специалистов междунаrodnаго права, но и из обихода народов. Оно замѣняется понятіем *относительнаго суверенитета*, или, по просту, *исключительной компетенціи* в той, весьма, конечно, широкой сферѣ, в которой свободно проявляется воля государства. Такая постепенная утрата идей полнаго суверенитета своего *практическаго* значенія совершается не только под вліяніем созданія Лиги Націй и, хотя и медленно, роста ея компетенціи. Параллельно с развитіем Лиги Націй идет движеніе в пользу созданія *других, болѣе тѣсных, организаций, имѣющих цѣлью совмѣстную защиту интересов отдѣльных группировок держав*. Так, нѣсколько лѣтъ тому назад возникло *пан-европейское* движеніе, возглавляемое графом Куденкове-Кал-

лерги, которое несомнѣнно вдохновило только что объявленный план *Бриана о европейском союзѣ*. Пан-европейское движеніе стремится к созданію европейской конфедераціи (Pанeuropa), без Великобританіи и Россіи. Такое исключеніе на наш взгляд, совершенно естественно. Великобританія — т. е. Англія вмѣстѣ с доминионами и колоніями — сама представляет из себя маленькую лигу націй, имѣющую особые интересы, не совпадающіе с интересами Европы. И то же нужно сказать о Россіи, географическое положеніе которой не позволяет ей войти ни в европейскую, ни в азиатскую лигу. Не вдаваясь здѣсь ни в какія «евразійскія» доктрины, мы не можем не считаться с фактом, что существует комплекс общероссійских интересов, требующій общей защиты и не допускающей отпаденія входящих в Россію туранских народов.

Нам кажется, таким образом, что человечество идет к слѣдующей схемѣ будущей юридической конструкціи міра.

I) *Союз всех народов* (Лига Націй), вѣдающій общими интересами всего человечества.

II) Въ предѣлахъ этого союза, большія *группировки государств*, связанных общими интересами, (напр., европейская, американская, великобританская, россійская группировки).

III. Наконец, *отдѣльныя автономныя государства* в предѣлахъ каждой группы народов, в компетенцію коих входит защита чисто мѣстных государственных интересов.

Нам сдается, что при такой конструкціи всемірной организациі, к которой, по всемъ признакам, идет человечество, спор между Россіей и Тураном может быть улажен *без кровопролитія*. Россійское государство не может отказаться

от туранских территорий, находящихся в его предѣлах, ибо это противорѣчило бы всѣм его экономическим и политическим интересам. Но не соглашаясь на отложеніе туранцев, Россія должна будет, со своей стороны, удовлетворить их экономическія, политическія и культурныя требованія. Наконец, если бы *сама Турція* нашла, в виду наличія в Россіи милліонов ея соплеменников, что ея культурные и экономическіе интересы болѣе совпадают с интересами Россіи, чѣм с интересами Европы или Азии, она могла бы войти в состав *россійско-турецкой группировки*, имѣющей такое же особое лицо, как и европейская и американская группировки народов, и входящей, на равных началах с ними, в Лигу Націй. Быть может, к такой группировкѣ со временем примкнута бы и Персія.

Высказанная нами мысль может показаться смѣлою — но нам кажется, что она *реальнѣ пантуранизма*. и уже, во всяком случаѣ, болѣе в духѣ нашего вѣка. Пантуранизм может повести к новой войнѣ, созданіе россійско-турецкаго блока — к исключенію ея на всегда из отношеній между обѣими расами.

Русская демократія может только привѣтствовать обновленіе молодой Турціи и горячо желать довершенія этого обновленія. Но она не может не возстать против утопій воинствующаго *пантуранизма*. Освобожденный от большевизма русскій народ с'умѣет стовориться с туранскими народами относительно условій дальнѣйшаго политическаго сосуществованія в предѣлах Россіи. Но он не откажется добровольно от россійской государственности. Въмѣсто отказа от своих туранских земель, Россія может протянуть Турціи руку для мирнаго сближенія русскаго міра с туранским

в новых формах, вырабатываемых современной международной жизнью.

В заключеніе, позволяем себѣ еще раз привѣтствовать появленіе книги «Турція и Пантуранизм». Труд г. Зареванда заслуживает величайшаго вниманія со стороны как русских, так и турок, желающих не насильственнаго, а безболѣзненнаго разрѣшенія назрѣвающей великой туранской проблемы.

АНДРЕЙ МАНДЕЛЬШТАМ.

Член Института Международнаго Права,
б. Первый Драгоман Императорскаго
Россійскаго Посольства в Константинополь,
б. Директор Правоваго Департамента
Министерства Иностранных Дѣлъ при
Временномъ Правительствѣ.

I.

ТУРАН.

Туран — географическое название страны, лежащей между Каспийским морем, Иранской и Акмолинской возвышенностями и истоками рѣк Сырь-Дарья и Иртыш.

Из Турана вышли полчища Атиллы, Чингизхана, Тамерлана, Эртогрула и др. и наводнили, одно время, Россію, весь Ближній Восток и часть Европы.

Потомки этих племен, разсѣянные в Азіи и в Европѣ, извѣстны под общим названіем туранских народов.

К ним в настоящее время относятся: турки Константинополя и Малой Азіи, татары южной Россіи и Кавказа, туркмены и тюрки Персіи и средней Азіи, узбеки, киргизы, монголы, тунгузы и тачики, туземцы Сибири, а также финны, болгары и венгры.

С захватом Турана турко-татарами к этим послѣдним перешло названіе «туранское», которое и стало синонимом названія «турко-татарское».

Пантуруанизмом называется то политическое теченіе, которое ставит своей цѣлью національное и государственное объединеніе туранских народов.

Бъглый взгляд на географическую карту показывает, что не всѣ перечисленные выше туранскіе народы живут сплошной массой и на одной территоріи; затѣм они отличаются друг от друга по языку, вѣроисповѣданію и по культурѣ и, наконец, нѣкоторые из них, как, напримѣр, финны, болгары и венгры оторваны от племенного корня. Это обстоятельство и дѣлает невозможным политическое объединеніе всѣх без исключенія туранских народов.*)

Но среди этих народов есть одна группа родственная по языку, вѣроисповѣданію и культурѣ, занимающая, притом, *сплошной цѣлью**)* пространство от Средиземнаго моря до Китайских стѣн. Это — турко-татарская группа туранских народностей. К их объединенію и стремится политическое теченіе, называемое пантуранизмом.

*) Не лишне будет указать на два факта, идущих как бы в разрѣз с вышеизложенным положеніем. На пантуранистическом сѣздѣ, имѣвшем мѣсто в Константинополѣ за год до великой войны, приняли участие и делегаты от болгар и венгров. С другой стороны, знаменитый центрально-европейскій Zollverein, проектированный во время войны, должен был объединить три туранскія страны — Турцію, Венгрію, Болгарію — тѣсной экономической связью. (См. Lothrop Stoddard. Panturanism. The Amer. Pol. Science Rev. 1917 vol. XI. 12-23).

**) Эта цѣль прерывается лишь в одном мѣстѣ — в маленькой Арменіи. Не этим ли об'ясняется непримиримая вражда турок к армянам и періодическія рѣзни этих послѣдних со стороны всѣх турецких правительств?

II

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ПАНТУРАНИЗМА.

Пантуранизм, являющійся в настоящее время господствующей в Турціи политической доктриной, возник не в Константинополѣ и не в Ангорѣ, а в сосѣдней с Турціей Россіи, среди волжских и крымских татар. Основоположниками пантуранизма и распространителями его идей среди анатолійских турок были російскіе мусульмане.

И в этом нѣтъ ничего страннаго.

Національное чувство и, в особенности, его разновидность — націонализм возникает и развивается раньше всего в народѣ, лишенном политической самостоятельности. Пантуранизм, как своего рода крайняя національная доктрина, естественно должен был скорѣе и прежде всего зародиться среди подвластных царю-«гяуру» російских мусульман, а не среди живущих самостоятельной политической жизнью анатолійских турок.

Пантуранистическое движеніе в начальной стадіи своего возникновенія мало чѣм отличалось от обычнаго національнаго движенія мелких, подвластных народов. Національное пробужденіе російских мусульман началось с

противопоставленія — в дѣлах самозащиты — своих бытовых и культурных особенностей наступающей культурѣ господствующей націи. И так как в то время религиозный момент еще преобладал в сознаніи мусульман, то и тюрко-татарскіе патріоты начали свою дѣятельность с выставленія лозунга защиты «шеріата» и мусульманской религіи от опасности, грозившей ей со стороны православія, как религіи господствующей націи. В этой борьбѣ взоры образованных руководителей російских мусульман были, естественным образом, обращены на Константинополь, гдѣ возсѣдал религиозный глава всѣх правовѣрных, всемусульманскій Халиф. Таким образом на первых порах своего возникновенія національное движеніе тюрко-татар носило *панисламистскій* характер.

Во главѣ этого движенія стал извѣстный татарскій публицист Исмаил Гаспринскій. Он еще в 1879 г. начал издавать в Бахчи-Сараѣ газету «Терджиман», которая считается первым серьезным печатным органом, посвященным защитѣ національно-религиозных интересов російских мусульман. На Кавказѣ аналогичную работу вел в то время Мирза Фет Али Ахундов.

Эти пионеры мусульманскаго движенія, ведя с одной стороны борьбу против руссофикаторской политики агентов правительства, старались, с другой стороны, реформировать религиозно-культурную жизнь своих соплеменников и распространять просвѣщеніе среди них. Таким образом возникает реформаторское движеніе, которое, однако, в первый період своего развитія, встрѣчает довольно сильное противодействие со стороны консервативных слоев татарскаго общества. Между этими двумя теченіями разгорается борьба,

сильно напоминающая ту, которая имѣло мѣсто во время Реформаціи.

Гаспринскій и его послѣдователи об'являются «кяфирами» (невѣрующими), посягающими на чистоту мусульманской вѣры.

В этой борьбѣ двух мусульманских теченій русское правительство того времени встает на сторону консервативно-клерикальных элементов. Об'являя себя защитником принципа «стаціонарнаго ислама», оно подвергает преслѣдованію реформистов, вносивших якобы «нечестивыя ученія» в мусульманскую религію. Арестовывается и высылается в Сибирь ряд сторонников Гаспринскаго, как напримѣр, бр. Бобинскіе, Ахмед Тухтабасъ и др.

Но эти правительственные преслѣдованія, как обычно бывает в таких случаях, только усиливают начавшееся движеніе, которое вскорѣ переходит с религиозно-просвѣтительнаго в чисто національное.

Этот переход совпадает во времени с началом усиленія революціонных и оппозиціонных настроеній в средѣ самой русской интеллигенціи и совершается в значительной мѣрѣ под вліяніем русскаго революціоннаго движенія.

Как ни была отстала татарская масса, не со временем русская культура коснулась и ея. Татарская молодежь стала посѣщать правительственныя среднія и высшія учебныя заведенія, войдя, таким образом, в общеніе с русской интеллигенціей. В результатѣ такого постояннаго и непосредственнаго общенія она заразилась оппозиціонными и революціонными настроеніями тогдашней интеллигенціи. Но сойдясь с нею в вопросѣ о необходимости борьбы против правительства, татары расходились с русскими в преслѣдуемых

этой борьбой цѣлях. В то время как для русской интеллигенции цѣлью борьбы было политическое и социальное переустройство Россіи, для татар революція была средством лишь для національнаго освобожденія собственнаго народа. Полное же національное освобожденіе почти всегда мыслится в формѣ независимаго устройства собственныхъ судеб, к каким выводам и должно было притти національное движеніе россійскихъ мусульман.

Однако, выступить сразу с откровенно пантуранистской программой татарские националисты не могли — для этого не было еще подходящихъ условий. Русская государственная власть была тогда еще очень сильна, и всякое сепаратистское движеніе неминуемо было осуждено на полное крушеніе. Да и само національное движеніе татар не настолько еще окрѣпло внутренне, чтобы поставить себѣ такія широкіе и сложныя задачи. Национальное чувство только еще пробуждалось в татарскомъ обществѣ, задѣвая лишь его верхніе, интеллигентскіе слои. Массы же были лишены національнаго сознанія, и отдѣльныя группы россійскихъ тюрко-татар, будучи связаны между собою лишь общностью магометанской вѣры, жили какъ религіозныя общины. И прежде чѣмъ говорить имъ о пантуранизмѣ, о необходимости объединенія всѣхъ туранскихъ народов, надо было еще в них самихъ пробудить національное чувство, внушить в ихъ сознаниіе идею племенной общности между крымскимъ татаринимъ, средне-азиатскимъ узбекомъ и туркестанскимъ сартомъ. Надо было еще продѣлать среди самихъ россійскихъ тюрко-татаръ большую культурно просвѣтительную работу.

С этого и начинаютъ татарскіе националисты.

Они обращаются к услугамъ художественной литера-

туры, какъ наиболѣе удобной и менѣе опасной формѣ пропаганды національныхъ идей. Они печатаютъ и распространяютъ среди татар Россіи цѣлый рядъ поэтическихъ и драматическихъ произведеній и в особенности историческихъ романовъ, в которыхъ восгѣваютъ героизмъ и подвиги «славныхъ» предковъ туранскихъ народов, гдѣкогда господствовавшихъ надъ Азіей, и Европой и объединявшихъ всѣ туранскія племена в сильное, независимое государство. Эти тенденціозныя, патріотическія произведенія имѣли своей цѣлью внушить татарскимъ массамъ чувство національной гордости и пробудить в нихъ сознаниіе необходимости національнаго объединенія и политическаго освобожденія отъ чужого ига.

Большую услугу оказали пантуранистамъ в дѣлѣ пропаганды ихъ идей научныя изысканія нѣкоторыхъ европейскихъ и россійскихъ востоковѣдовъ. Труды Вамбери, фонъ ле Кока, Радлова и др., доказывающихъ общность языка, культуры и происхожденія всѣхъ тюрко-татарскихъ народовъ и существованіе у нихъ в прошломъ высокой цивилизаціи и пр. какъ разъ были на руку татарскимъ националистамъ, укрѣпляя ихъ позиціи доводами ученыхъ авторитетовъ.

Этотъ періодъ національно-литературнаго развитія связанъ с именемъ одного улемы — Шехабедина эль Мерджани. Его послѣдователямъ были Абдул Кайумъ эль Насари, Исмаилъ Гаспринскій, жена его Захрѣ ханумъ и др.

В 1895 году начинается новый періодъ в татарской литературѣ, извѣстный подъ названіемъ «Идельской литературы». В ней уже наблюдаются нѣкоторыя тенденціи политическаго пантуранизма. Яркимъ представителемъ этого литературнаго теченія в прозѣ является Айязъ Исхаковъ, а в поэзіи — Токаевъ.

Русская революція 1905 г., открываетъ широкія возмож-

ности пропаганды идей тюрко-татарского национализма. Эта пропаганда ведется уже не только в художественной литературе, но и посредством газет и журналов, в публицистических статьях. Возникает ряд периодических изданий на тюркском языке, в числе которых не мало ежедневных газет. Среди них видное место занимает издаваемая под редакцией Максудова газета «Ильдыз», вокруг которой группируется много видных представителей тюрко-татарской интеллигенции, как например Зиаэддин Кемали, Халимджан Уруев, Кадри Иши, Мусабеков, Айнэддин Ахмаров, Керимов, Гасан Сабри Айвазов, Максудов, Ахмед Орманьев, Шакир и Закир Рамиев и Юсуф Акчурра.

В этой группе исключительное место занимает Юсуф Акчурра, который считается основоположником доктрины пантурсизма и вместе с тем выдающимся поборником проведения в жизнь вытекающей из этой доктрины определенной политической программы.*)

*) Юсуф Акчурра — татарский журналист политический деятель и бывший член Государственной Думы, родился в Идель (Волга). Среднее образование получил в Константинополь, а высшее — в Париж. Находясь накануне первой русской революции в России, Акчурра близко сошелся с прогрессивной частью русской интеллигенции и по организации конституционно-демократической партии (ка-де) вступил в ее ряды. Вместе с Исаковым издавал в Казани газету на тюркском языке под названием «Казан Мухпири». После младотурецкого переворота 1908 г. в качестве корреспондента Казанской татарской газеты «Вакит» поехал в Константинополь, где и обосновался. В 1903 г. в Каирской газете «Тюрк» написал статью: «Три политических системы», в которой излагает основы и принципы пантурсизма. Эта статья для пантурсистов является тем же, чем «Коммунистический Манифест» для марксистов.

На Кавказе центром пантурсизма и татарского национального движения был город Баку. Там при материальной поддержке известного миллионера Зейнала Тагиева издавалась ежедневная газета «Каспий», которая была лейб-органом азербейджанского национализма. Во главе «Каспия» стояли такие видные представители пантурсизма, как Гусейнзаде Али,*) Ахмед Агаев**) и Али Мардан Топчибашев.***)

*) Гусейнзаде Али родился в Сальянах (Баку) 24 февр. 1864 г. Среднее образование получил в Баку, а высшее — в Петербурге. Он первый из татарских деятелей идет в Турцию (1889 г.) для пропаганды там идей пантурсизма. В Константинополь он поступает в военно-медицинскую высшую школу, по окончании которой назначается в 1895 г. главным врачом Гайдарпашипского лазарета. В 1900 году читает лекции в военной школе. В 1905 г. возвращается в Баку, где принимает активное участие в организации армянских погромов в Закавказьи и издает вместе с Агаевым газету «Айят». В 1910 году возвращается снова в Константинополь и работает в пантурсистских организациях, известных под названиями «Тюрк Юрду» и «Тюрк Очаги». На третьем съезде младотурецкой партии «Единение и Прогресс» избирается членом центрального Комитета этой партии.

**) Ахмед Агаев русский татарин из Карабаха (Елизаветопольской губ.), по окончании образования в Петербурге обосновывается в Баку, где редактирует ежедневную газету «Каспий», а потом «Айят». После первой русской революции перебегает в Константинополь, где, примкнув к младотурецкому движению, становится во главе пантурсистского течения в этой партии. Во время великой войны поддерживает в турецких военных кругах те группы, которые стояли за усиление наступательного движения на кавказском фронте. После поражения Турции, в числе видных младотурецких деятелей,сылается английскими властями на остров Мальту, по возвращении примыкает к кемалистскому движению. В настоящее время состоит депутатом Ангорского Нацио-

Но и в Закавказье татарское национальное движение носило в начале панисламистский характер. Подойти к азербейджанскому крестьянину, в котором еще не было развито национальное самосознание, с идеями чистого туранизма было бы очень трудно. Вот почему и в этой среде пропаганда велась на религиозной почве. И тут взоры были обращены на Константинополь, но только как на центр ислама, где на тронъ Пророка возсѣдатель его замѣститель — Халифъ всѣх мусульман. Вот от него и придет освобождение азербейджанскому народу.

Позже религиозный мотив и тут уступает свое мѣсто национальному принципу. Турція не столько единовѣрная, сколько единоплеменная страна. Анатолийскій турок, говорили азербейджанскіе пантуранисты, того же туранскаго корня, что и азербейджанскій татарин. Оба они имѣют общій языкъ и общю культуру. И так как из всѣх туранских народов только турки сохранили свою независимость, то на турецкаго султана и падает высокая честь освобождения тюрко-татарских народов от чуждаго ига и объединенія их в

нальнаго Собранія от Карской области, редактирует офиціоз Кемаля «Хакимет е Миллие» и считается одним из вліятельнѣйших политических дѣятелей «новой» Турціи.

***) Али Мардан бек Топчипашев, бакинскій присяжный повѣренный, бывший член Государственной Думы и русской кадетской партіи. В період 1918-19 г.г. сыграл крупную роль в политической жизни Закавказья, как представитель азербейджанских татар; в числѣ других азербейджанских дѣятелей призвал турок в Закавказье. С 1819 года живет в Парижѣ, как председатель делегаціи Азербейджанской республики при Мирной Конференціи.

одно могучее государство. В числѣ этих народов получают свое освобождение в первую очередь азербейджанцы, потому что они ближе всѣх находятся к Турціи.

Эти идеи пропагандировались в нелегальных кружках, а иногда, в весьма замаскированной формѣ, и в легальной печати. В Закавказьи идеи пантуранизма пользовались несравненно большим успѣхом, чѣм в остальных частях Россіи и это, конечно, потому, что Турція была близка...

III.

ПАНТУРАНИЗМ В РОССИИ ПОСЛѢ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

К началу первой русской революции национальное движение уже охватило сравнительно широкие круги российских тюрко-татар. К нему примкнула не только интеллигенция, но буржуазно-купеческие слои татарского общества. Долголетняя и упорная агитация татарских националистов дала свои результаты, и в мусульманской массе начала пробуждаться национальное чувство и сознание единства всех тюрко-татарских групп, разбросанных по России. Среди руководителей этих отдельных групп уже ощущалась потребность столкнуться по некоторым общим вопросам и установить более тесную связь между этими группами. Пока что речь шла об объединении тюрко-татарских народностей, живших в пределах России, и к созданию единой руководящей организации для российских мусульман.

Наступившая революционная свобода и ослабление правительственного нажима благоприятствовали осуществлению давно желанной татарскими националистами мысли — созыву общемусульманской конференции. В августе 1905 г.,

был созван первый мусульманский конгресс. Не надбывая получить на это разрешение, мусульманские деятели решились использовать Нижегородскую ярмарку и съехаться в Нижн. Новгородъ под видом посетителей ярмарки. Собравшиеся с разных концов России представители мусульман сняли частный пароход и на этом волжском пароходе устроили свой конгресс, который потом получил название «мусульманского конгресса на водах».

Нѣсколько позже собирается третий всероссийский съезд мусульман в Макарьеве близ Нижнего Новгорода. На этом съезде принимают участие около 800 делегатов. Председателем избирается видный пантуранист Али Марданбек Топчибашев.

В официальной части программы конгресса стояли главным образом вопросы культурно-просветительного характера, но съезд имел и свои частные совещания, где обсуждались уже национально-политические вопросы. Впрочем, и принятые по первым вопросам решения проникнуты явно политическими и пантуранистскими тенденциями. В них красной нитью проходит основное требование пантуранизма — стремление к установлению тесной связи с Турцией. Так например, по вопросу об установлении обще-литературного для всех российских тюрко-татар языка съезд вынес довольно оригинальное решение. Он постановил, что таким языком должен стать не употребляемое российскими тюрко-татарами то или иное наречие, а язык константинопольских *турок*. Равным образом, объявляя отменным обязательное преподавание русского языка и школьную программу министерства народного просвещения, съезд постановляет *вести во все тюрко-татарские школы России школьную*

программу Турции и преподавание турецкого языка сделать обязательным во всех мусульманских школах России.*) —

В таком же духе прошло обсуждение всех остальных вопросов и были приняты по ним решения.

Постановление съезда о применении турецкого языка стало после этого применяться в жизни. В ряды российских городов, как например в Петербург, в Тифлис, в Оренбург, в Томск, в Астрахань и в городах Крыма начали издаваться газеты на турецком языке, развивавшие соответственно с этим постановлением такую явно туркофильскую агитацию, что она вызвала внимание со стороны правительства и закрытие им некоторых из этих газет.

Вообще в первый и последующие годы русской революции национальное движение татар пошло далеко вперед по пути своего развития, все больше и больше обнаруживая пантуранистские тенденции. Идея национального объединения российских тюрко-татар, как предварительное условие к более широкому объединению всех туранских народов, стала достоянием не только интеллигентских, но и широких буржуазно-купеческих кругов. Вот что пишет по этому поводу Вамбери по возвращении из своего путешествия в Центральную Азию.

«В политических вопросах все партии были единодушны. В газетах непрерывно пропагандируется идея тесного объединения и в этой пропаганде принимают участие те учителя, которые работают в качестве тайных агентов в самых далеких уголках мусульманского мира... «Единение» является на самом деле лозунгом дня для мусульманских

подданных царя. О нем говорят везде и при всяком случае и воодушевлением этой идеей надо объяснить начавшееся недавно национальное пробуждение татар.»*)

Этими чувствами национального единства всех тюрко-татарских народов был воодушевлен и член Думы Максудов, когда он с трибуны Государственной Думы заявлял от имени «двадцати миллионов» мусульман, что «у нас есть, господа, своя общая религия и особое национальное лицо. Мы дорожим и тем, и другим и будем их оберегать и защищать всеми средствами, предоставленными нам цивилизацией». Далее, отрицая существование сепаратистских стремлений у различных народов Империи, Максудов прибавляет, что если когда-нибудь они и возникнут, то вина за это будет лежать на правых членах Думы.

Все эти выступления татарских националистов свидетельствуют об усилении и укрупнении движения, готового при первом удобном случае перейти к действиям.

Однако, этот случай не только не пришел, но даже случилось совершенно обратное. — Потрясенная неудачной войной и революционным движением 1905 года русская государственность очень быстро собрала вновь свои силы и восстановила свои старые методы управления. Начались преследования всего того, что имело отношение к революции и ликвидировались все ее завоевания. Эта реакционная политика коснулась и, так называемых, национальных меньшинств в том числе и тюрко-татар. Подвергнуто было преследованию и пресечению в корне всякое их стремление не только на от-

*) La Revue Politique Internationale, vol. 13, Jan.-Mars, 1920. стр. 65. Revue du Monde Musulman. vol. LVI. Dec. 1923. тр. 140.

*) A. Vambery. XIX Century and After. London, 1906.

дѣленіе от Имперіи, но даже на культурно-національное самоопредѣленіе в предѣлах Россіи.

Такой нѣсколько неожиданный оборот дѣл заставил призадуматься и россійских пантуранистов. Для них стало ясно, что даже объединенныя силы всѣх россійских тюрко-татар недостаточны для осуществленія своих національных цѣлей; что без внешней помощи невозможно ни их освобожденіе от русскаго ига, ни объединеніе с соплеменными им народами.

И гдѣ же, если не в Турціи, искать этой помощи?

Надо поѣхать туда, надо убѣдить Турцію взять на себя руководство пантуранистским движеніем. Она одна, как сильная туранская держава, в состояніи выполнить высокую миссію освобожденія и объединенія соплеменных тюрко-татарских народов.

И, придя к такому убѣжденію, переѣзжают в Турцію один за другим всѣ видные представители россійских пантуранистов: Юсуф Акчура, Ахмед Агаев, Али Гусейнзаде, Исмаил Гаспринскій и др.

IV.

ПАНТУРАНИЗМ В ТУРЦІИ ДО МЛАДОТУРЕЦКАГО ПЕРЕВОРОТА.

В Турціи, как мы указали, пантуранистское движеніе возникло послѣ того, как оно уже получило широкое распространеніе среди россійских татар. К моменту пріѣзда в Константинополь Акчуры и его друзей в большинство турецкаго общества господствовали совершенно иныя политическія настроенія. Правда, пантуранистское давленіе оказывалось на руководителей политики Турціи еще и до пропаганды Акчуры и его друзей, но это давленіе оставалось без вниманія.

Так, напримѣр, еще в 1842 г. знаменитый Мольтке — тогда еще молодой полковник и инструктор оттоманской арміи — в разговорѣ с турецкими государственными дѣятелями указывал на тѣ преимущества, которыя представляет для Турціи пантуранистская политика. Мольтке совѣтовал туркам обратить свои взоры на Азію, на миллионы туранских народов и объединить их в одно могущественное государство. Он даже убѣждал перевести столицу из Константинополя в Конію или куда-нибудь еще дальше к востоку, доказывая,

что лишь на этой родной почвѣ может возродиться оттоманская Имперія. *)

Но тогдашній султан — Абдул Мечид, сильно занятый урегулированием внутренних и внешних осложнений в странѣ, не имѣл ни времени, ни возможности думать об коренном измѣненіи политики Имперіи и выборѣ какого-то новаго курса. Кромѣ того, турки еще недостаточно были биты на западѣ, чтобы отказаться от него и окончательно повернуться к востоку. Даже, наоборот, Константинополь тогда переживал період очередного увлеченія западной цивилизаціей, и всѣ в один голос кричали о необходимости «модернизации» Оттоманской Имперіи. И, наконец, — что главное — турки тогда еще понятія не имѣли о том, что есть какая-то связь, что-то общее между ними и тюрко-татарскими народами Азии. Знаменитый тюрколог Арменіус Вамбери рассказывает любопытный эпизод из своего путешествія на Восток. Когда он в 1856 г. перед высшим обществом Константинополя развивал свою теорію об единствѣ происхожденія всѣх туранских народов, то с удивленіем замѣтил большое недовольство на лицах своих собесѣдников. «Цивилизованные» эфенди Константинополя были даже обижены, ибо для них «тюрчюлюк» (тюркство) был синоним дикости и брутальности. «Но, надѣмся, вы нас не ставите в один ряд с киргизами и бездомными кочевниками Туркестана», — говорили Вамбери изнѣженные бен Востора**) —

В этот період реформ Танзимата турецкое общество

*) Roger Labonne. — La crise Orientale et la Nationalisme en Asie «Le Correspondant». 1922. стр. 385.
**) A. Vambery. La Turquie d'Aujourd'hui et d'Avant Quarante Ans. стр. 11,12.

было увлечено не племенным (этническим), а территориальным патриотизмом. Хатты Умаум 1839 г. положил начало оттоманской націи и пробудил идею реального отечества, в определенных территориальных границах. Этот новый оттоманскій патриотизм нашел свое отраженіе даже в литературѣ. Так напримѣр, ученик заменитаго Шинаси — поэт Кемаль воспѣвает «оттоманское отечество» и «національную гордость оттоманов». «Мы — тот народ, — пишет Кемаль, — который создал цѣлую имперію из одного лишь племени».

Чтобы понять значеніе совершившагося поворота в умах, надо помнить, что до того господствующая нація в Оттоманской Имперіи разсматривала себя не как націю, а как «гуммет и Мухамет», т.е. общину Магомета, противопоставляя себя, таким образом, христіанам, организованным также по религиозному признаку в свои самостоятельныя общины. Турки, не имѣя тогда ни національнаго самосознанія, ни національной культуры, не пытались ассимилировать подвластные народы и довольствовались лишь тѣм, что господствовали над ними и их эксплуатировали.

Абдул - Гамидовская реакція, быстро смѣнившая безкровную и бесплодную революцію 1879 г., задушила оттоманское движеніе. Лишь в началѣ царствованія Абдул Гамида, когда реакція не была еще так сильна, нѣкоторые академическіе круги, под влияніем изученія трудов европейских тюркологов, пробовали заниматься весьма робкой проповѣдью тюркизма. Так напримѣр, преподаватель турецкаго университета Ахмед Вефик паша и инспектор военных училищ Константинополя Сулейман паша в своих лекціях и выступлениях, популяризируя выводы тюрколога Де Гинье, доказывали, что неправильно называть турок

оттоманами, что они по языку и по генеологии туранско-тюркского происхождения и что их родословная доходит до знаменитых в истории гуннов и до китайских хсиунг-ну.

Но эти выступления, заключавшія уже нѣкоторые элементы пантуранизма, никакого успѣха не имѣли и никакого пантуранистскаго движенія не создали.

Движеніе это возникло, как мы уже указали, лишь благодаря пропагандѣ переѣхавших в Константинополь русских пантуранистов и связано оно с именами Акчуры, Гусейнзаде и др.

В 1889 г. из Баку пріѣзжает в Константинополь Гусейнзаде Али и берется за пропаганду идей пантуранизма. Он печатает в турецких газетах стихотвореніе, носившее заголовок «Туран», которое является первым криком, извѣщающим рожденіе новаго политическаго илюда. Этот крик находят надлежащій отголосок в сердцах тогдашней турецкой молодежи и очень скоро вокруг колыбели новорожденнаго собирается солидная группа пантуранистов.

Восемь лѣтъ спустя, а именно в 1897 г., появляется другое стихотвореніе перваго «поэта-турка» Мемеда Эмина, носившее боевой заголовок: «Я турок» («Бен бир тюрк им»).

Эти два стихотворенія знаменуют весьма важный поворот в умонастроеніях турок. Намѣчается постепенный переход от *оттоманизма* к *тюркизму*, от государственнаго патриотизма к племенному націонализму. Уже в 90-х годах за господство над умами молодого поколѣнія борются в Турціи три теченія: оттоманизм, панисламизм и пантюркизм (пантуранизм). Соответственно с этим и возникают три политических организацій: «Оттоманское Единеніе»

(Османлы Иттихат*), «Панисламистское Единеніе» («Ислам Иттихат») и «Пантюркское Единеніе» («Тюрк Иттихат»).

Абдул Гамид был ярким противником всякаго націонализма, будь он оттоманскій или тюркскій. Он признавал только ислам (религію) и считал, что всякій націонализм неминуемо приведет к либерализму. Гамид был послѣдовательным и убѣжденным панисламистом. Он мечтал о созданіи великой теократической Имперіи от Алжира до Индіи, знаменем которой должно быть «санджак и шерифѣ» (знамя Пророка), столицей — Константинополь и Халифом — он сам. *) Его взоры были обращены не на Восток, а на Запад, гдѣ шла сложная дипломатическая игра, в которой он так любил принимать участіе. Для этой игры ему скорѣе нужна была связь с единовѣрными Алжиром, Тунисом, Египтом и Индіей, чѣм с единокровными Туркестаном, Татаріей, Узбекистаном, Башкиріей. и пр.

Турану Абдул Гамид противопоставлял Коран и не особенно баловал часто обращавшіяся к нему делегаціи русских татар. Пантуранизм при Абдул Гамидѣ занимал в Турціи жалкое положеніе. Два-три филолога, занимавшихся тюркологіей, нѣсколько молодых людей, тайно читавших нелегальную пантуранистскую литературу и сочиненія Вамбери, Де Гинье и Каэона и, наконец, ряд выступавших под маской панисламизма татарских дѣятелей. И это было — все.

*) Le Pantouranisme turc en Afrique et en Arabie et la Presse Arabe. L'Asie Française. Paris. Fev. №71. 1907.

Борьба между пантуранизмом, панисламом и оттоманизмом шла и за рубежом Турции. Там в защиту пантуранизма выступал Юсуф Акчура, доказывая преимущества этой политической системы с точки зрения возрождения и процветания Турции. В своей знаменитой статье: «Три политических системы», напечатанной в Каирской газете «Тюрк», Акчура впервые дает ясную и исчерпывающую формулировку пантуранизма.

Приведем основные положения этой статьи.*)

Акчура говорит, что оттоманизм, являющийся главной целью младотурецкой политики и стремящийся из разноплеменных народностей Турции создать одну нацию, как это было сделано в Америке, — неосуществимо.

И по следующим соображениям:

1) Оттоманизм идет в разрыв с желаниями и устремлениями турок, ибо, провозглашая равенство всех народов в Турции, он этим самым лишает турок положения господствующей нации и равняет их с «райями» — христианами.

2) Он идет в разрыв с учением Магомета, ибо ставит на одну доску правовѣрных и неѣрных.

3) Он идет против желаний и самих подвластных народов, которые стремятся к независимости и не желают жить совместно с своими завоевателями.

4) Оттоманизм идет в разрыв с панславянскими и завоевательными программами России, претендующей на Константинополь и на роль защитницы восточных христиан.

5) Наконец, он не согласуется с общественным мнением

*) Panislamisme et Panturquisme. Revue du Monde Musulmane. vol. XXII. Mars. 1913.

Европы, требующей изгнания «варваров» — турок из Европы и освобождения христиан от их ига.

Что же касается панисламизма, продолжает Акчура, то он, с одной стороны, сталкивается с все более и более усиливающимся национальным чувством во всех мусульманских странах, а с другой — с интересами больших и маленьких колониальных держав. Таким образом панисламизм не может считаться реальным фактором возрождения и усиления Оттоманской Империи.

Остается, таким образом, третья политическая система — пантуранизм. В оттоманской Империи, с точки зрения интересов государства, единственным верным элементом являются турки. Лишь на них базируясь, государство может идти по пути возрождения и усиления своей мощи. Будущее и, вместе с тем, спасение Оттоманской Империи надо искать в турецких народах, к национальному и государственному объединению которых, говорит Акчура, должны быть направлены все наши усилия.

Путь пантуранизма свободен от всех тех препятствий, на которые наталкиваются панисламизм и оттоманизм. Пантуранизм направлен преимущественно против России, которая хотя и велика, но не непобедима. Акчура думает, что европейские державы, в виду противоположности их интересов на Востоке, не только не окажут сопротивления, но и будут всячески способствовать осуществлению Турцией пантуранистических планов.

Статья Акчуры вызвала возражения со стороны сторонников оттоманизма. Первым против него выступает редактор газеты «Тюрк» Али Кемаль. Он защищает в своей

статье идею оттоманизма, высмеивая «мечты и иллюзии турецких империалистов»...

Не лишен интереса и ответ Ахмеда Фериды, члена младотурецкой партии «Единение и Прогресс». Он очень характерен для оппортунистической политики младотурок.

«Панисламизм, пишет Ферид бей, неосуществим и не имеет будущего. Но в настоящее время он нам дает некоторые преимущества, и мы должны их использовать.

Пантуранизм имеет блестящую будущность, но сейчас он реально не существует, а ведь нельзя использовать то, чего нет.

Политика оттоманизма, если и не обещает хорошего, но за то, является лучшей, полезнейшей, необходимейшей политикой для наших дней. Кроме того, оттоманизм является тем единственным условием, на котором возможно дальнейшее существование Турции.

Таково было настроение руководящих кругов турецкого общества накануне младотурецкой революции.

V.

ПАНТУРАНИЗМ ПОСЛЕ МЛАДОТУРЕЦКАГО ПЕРЕВОРОТА.

Младотурецкий переворот и установившиеся вслед за ним конституционные порядки оживили политическую жизнь Турции. С объявления гражданских свобод начали возникать разные политические союзы и организации, получившие возможность свободно пропагандировать свои идеи и программы.

Этой новой обстановкой широко воспользовались в первую очередь пантуранисты. Они со всех сторон съехались в «свободную Турцию», превратив ее столицу Константинополь в центр пантуранистской пропаганды. Турецкие панисламистские органы широко открыли перед ними свои страницы и таким образом, было положено начало открытой и организованной пропаганде в Турции пантуранистских идей.

Но модой дня все еще продолжал оставаться оттоманизм — официальная доктрина правящей партии «Единение и Прогресс».

Слово «единение» у младотурок отнюдь не означало

единение тюрков всего мира; им провозглашалась только единение инородных и иновѣрных народностей Турціи. Младотурки пытались объединить всѣх их в одну «прогрессивную» *оттоманскую* націю, думая, что со временем создастся и единый язык с единой культурой, как это имѣло мѣсто в Америкѣ.

Но историческія условія Турціи многим отличались от американских. В Оттоманской Имперіи между господствующей народностью и подвластными народами вѣками шла борьба, временами принимавшая форму жестоких погромов и кровавой рѣзни. И как теперь ни старались младотурки переложить вину этих «прискорбных недоразумѣній» на Абдул Гаида и на султанскій режим, все же представителей малых народностей они такими объясненіями не убѣждали: для них было ясно, что борьба носила расовый характер и измѣненіе режима сразу ее не прекратит. И потому они относились очень сдержанно и даже недоувѣрчиво как к перевороту младотурок, так и к провозглашенным ими лозунгам: *единение* и *прогресс* и, в особенности, к первому из них. Младотурки, в свою очередь, были недовольны такого рода отношеніем к произведенной ими революціи и к ним самим. Они ждали большого патріотизма в отношеніи к «оттоманизму» со стороны инородных элементов Турціи и думали, что единение и сліяніе произойдет очень быстро. И когда, послѣ годичнаго опыта, они не добились тѣх результатов, которых ждали, их охватило разочараніе — как в принципах так и, в особенности, в политических методах...

Послѣдовавшую этому новому настроенію политику младотурок весьма правильно характеризует турецкій журналист Ахмед Эмин в одной своей книгѣ. «Слѣпой и

наступающій империализм, — говорит Ахмед Эмин, — вот движущая сила младотурецкой политики. Хотя еще повторялись такія слова, как «оттоманизм» и «единение всѣх народов Турціи без различія вѣроисповѣданія и этническаго происхожденія», но они уже больше не означали, что всѣ эти народности должны объединиться с турками на общей и нейтральной почвѣ, в силу взаимных уступок и в качествѣ равноправных граждан Оттоманской Имперіи; они просто означали, что не-турецкіе элементы должны были быть поглащаемы и ассимилированы, и, если потребуется, даже насильственными мѣрами»*).

Болѣе откровенно это новое настроеніе младотурок проявляется в словах виднѣйшаго лидера партіи «Единение и Прогресс» доктора Назыма, сказанных наканунѣ армянскаго погрома в Аданѣ. «Государство должно стать исключительно тюркским, говорит доктор Назым, ибо существованіе у нас других народностей дает повод к постоянному вмѣшательству Европы; надо насильно отуречить эти элементы»**).

Но, несмотря на все это, правящая партія «Единение и Прогресс» в 1909 г. еще не рѣшалась *официально* провозгласить «тюркизм», как руководящій принцип своей политики. Этому, видимо, мѣшала боязнь потерять тѣх многочисленных арабов, албанцев, курдов, черкезов и других инородцев, которые входили в партію «Иттихат ве Тераг» («Единение и Прогресс»), а может быть и то, что иттихатисты

*) Ahmed Emin. — The Development of Modern Turkey as Measured by its Press. 1924. New York. Стр. 100.

***) См. M. Pinon, Revue des Deux Mondes, Sept. 1919.

еще не совсем потеряли надежду ассимилировать — буде американским, буде турецким методом — инородческіе элементы Имперіи. Вотъ почему, когда на салоникскомъ съѣздѣ партіи представитель константинопольской организаци, — уже тогда подпавшей подъ вліяніе пантуранистов, — Кемаль бей пытался было заявить, что цѣлью партіи должно быть и наше *національное* развитіе, его прервали возгласами со всѣхъ мѣст, что «наша цѣль — конституція и другой цѣли у насъ нѣтъ».

Но эти возгласы не вполне были искренни, ибо, как мы указали выше, тогда уже у многихъ членовъ партіи существовали серьезныя сомнѣнія насчетъ правильности и осуществимости младотурецкой конституціи, основнымъ принципомъ которой, как мы сказали, было единеніе всѣхъ народовъ Имперіи в одну оттоманскую націю. Оттоманизм, правда, терял почву под собою, но официально все еще продолжал господствовать, какъ руководящая политическая доктрина. Он окончательно уступилъ свое мѣсто пантуранизму (пантюркизму) лишь тогда, когда в итогѣ систематической и длительной пропаганды идеи этого послѣдняго стали достояніемъ широкихъ круговъ турецкой интеллигенціи. Мы выше уже указали, какую важную роль сыграли в этой пропагандѣ російскіе тюрко-татары. Но успѣшность ихъ пропаганды объясняется не одной энергіей Акчуры, Гусейнзаде, Агаева и др. В самой Турціи была почва для нея, потому и движеніе, получивъ первые толчки извнѣ, очень быстро пошло вперед.

Какъ в Россіи, такъ и в Турціи пантуранизмъ возникъ в результатѣ пробужденія національнаго самосознанія турокъ и сталъ высшей и крайней формой ихъ національнаго движенія.

И опять таки, какъ в Россіи, онъ и в Турціи ставилъ себѣ вначалѣ очень скромныя задачи, вродѣ того, какъ реформа турецкаго языка, развитіе національной культуры и пр. Но потомъ, конечно, онъ очень быстро превратился в движеніе чисто политическое.

Послѣ младотурецкаго переворота, но еще до начала Балканской войны, в Салоникахъ возникаетъ литературный органъ, подъ названіемъ «Генч Галемляр» («Молодыя перья»). Собравшіеся вокругъ него молодые литераторы и журналисты ставятъ себѣ цѣлью очистить турецкій языкъ и вообще турецкую культуру от инородныхъ вліяній. В результатѣ ихъ пропаганды вскорѣ в тѣхъ же Салоникахъ основывается общество «Ени Лиса» («Новая Рѣчь»), которое выступаетъ со слѣдующей программой:

1. Очистить турецкую жизнь от чуждыхъ и тлѣтворныхъ вліяній. Эмансипировать и націонализировать турецкій языкъ, литературу и религію. Возродить старотюркскую культуру до оттоманскаго періода. И такимъ образомъ возбудить в народѣ чувство національнаго самосознанія и національной гордости.

2. Научно обосновывать и доказывать этническую и культурную общность всѣхъ туранскихъ народовъ, укрѣпить в нихъ чувство единенія и солидарности и выростить в нихъ общій и единый духъ.

«Ени Лиса» нашла много сторонниковъ среди молодыхъ писателей. Но къ ней примкнули и нѣкоторые извѣстные литераторы старшаго поколѣнія, какъ напримѣр, Ага Гюндузъ, Абдуллахъ Джевдетъ, редакторъ «Танина» Гусейнъ Джахидъ и

Халиде Эдлб Ханум. Роман этой последней «Ени Туран», по отзыву министра народного просвещения Ангоры, является «евангелием» пантуранизма.

Но «Ени Лиса» возстает против себя и целый ряд не менее видных представителей старого поколения, которые находят, что предлагаемая реформа языка лишает его гибкости, богатства и благозвучия, т. е. тех свойств, которыми была одарена «оттоманская речь». Один из видных сторонников «оттоманизма» философ Риза Тефик утверждал, что во всей Турции нет ни одного *чистокровного турка*, за исключением членов Императорской фамилии. Он называл пантуркизм «искусственным империализмом» и всячески осуждал его. На стороне противников «Ени Лиса» были и представители партии «Ахрар»: Али Кемаль, Джелал Нури, Луфти Фикрет и др.

Но самую сильную и серьезную оппозицию этому молодому движению составило духовенство, орган которого «Сират е Мюстакам», имевший громадное распространение и пользовавшийся большим влиянием, вел яростную борьбу против новаторов. Это заставляло «енилисанстов» быть очень осторожным в вопросах религии, не вступать с духовными лицами в открытый конфликт и пр. Одновременно они делали всевозможные попытки притянуть на свою сторону симпатии софтов (молодое духовенство).

Движение «енилисанстов», как мы указали, преследовало вначале литературно-культурные цели. Однако, в дальнейшем своем развитии, оно превратилось в чисто политическое движение, усваивая принципы пантуранизма. В этом деле громадная роль принадлежит одному из редакторов «Генч

Галемляр» — Зия Гек Альп.*) Основоположник и главный идеолог турецкого пантуранизма («пантуркизма»), Зия Гек Альп с первого же дня вступления в состав редакции «Генч Галемляр», берется за откровенную и открытую пропаганду пантуранистских идей. Он, пользуясь своими связями в литературном мире, собирает вокруг своего журнала всех национально настроенных литераторов, главным образом из числа молодежи, и создает таким образом литературную группу, которая по праву считается первой пантуранистской группой в Турции. Многие члены этой группы позже сыграли большую роль в кемалистском движении и в настоящее время занимают весьма видное положение в политической жизни Турецкой Республики.

Чтобы дать представление о том, какого рода пропагандой занимались «Генч Галемляр», мы приводим перевод напечатанного в этом журнале одного из стихотворений Гек Альпа, носившего неизбежное название «Туран».

«В биении моего пульса я слышу отголоски звуков,

*) Зия Гек Альп (настоящее имя Мехмед Зия) родился в Дيارбекире, в 1876 г. Происходит из курдского племени заза, но был отуречен. Элементарное и среднее образование получил в Дيارбекире, а высшее — в Ветеринарном Институте Константинополя. Еще 17-летним мальчиком он во время какого-то торжества отказался кричать: «падишах чок якши» (да здравствует падишах), за что был так сильно избит, что пытался покончить жизнь самоубийством. Приехав в Константинополь, он прежде всего приобрел книгу Леона Каэона, а потом пошел знакомиться с Гусеин Заде, большим почитателем которого был еще в Дيارбекире. С ученической еще скамьи вступает в молодотурецкую партию, деятельным членом которой продолжает быть и после свержения Абдул Гамида. В 1909 г. выбирается в ЦК этой партии и становится во главе пантуранистского течения в ней.

идуших из глубин древѣйших вѣков. Не на страницах книг, а в самой моей крови, в бѣненіи моего бурнаго сердца читаю я о былых побѣдах, одержанных моим честным и избранным народом.

Нѣтъ, не на страницах книг, гдѣ образы Аттилы и Чингиза, — покрывших мой народ славой побѣд, — вставлены в терновую рамку клеветы и злословія, хотя их слава равна славѣ Цезаря и Александра Македонскаго; нѣтъ, не там, а в бѣненіи моей крови, ибо сердце мое познало Огуз хана, остающагося малоизвѣстным в наукѣ. Но он живет в моей крови, великій и почитаемый.

Огуз хан!.. Он говорит моему сердцу: не Турція родила турок и даже не Туркестан... а далекая, извѣчная и великая страна — Туран!..*)

Туран — вот родина турок. Это хотя и сказано в поэтической формѣ, включает в себѣ подлинную политическую программу. Программа эта уже высказана и выставлена, но она еще не принята руководящим органом турецкаго государства — Центральным Комитетом партіи «Единеніе и Прогресс». Многое было сдѣлано пантуранистами в этом направленіи, но полного торжества своих идей они добились лишь послѣ Балканской войны.

*) См. Tekin Alp. Turkismus und Panturkismus. стр. 15-16.

VI.

ПАНТУРАНИЗМ ПОСЛѢ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Незадолго до Балканской войны в Македоніи произошли событія, которыя нанесли первый и довольно чувствительный удар идеѣ оттоманизма. Балканскіе революціонеры, борвшіеся до того против Абдул Гамида за свои національныя права, не пожелали сложить оружія и при младотурках. Выставленный новыми хозяевами Турціи лозунг объединенія всѣх оттоманов не внушал им никакого довѣрія, и они на него смотрѣли, как на искусно придуманный младотурками маневр для ассимиляціи инородческих элементов Турціи. Младотурецкій центр, имѣвшій тогда еще свое пребываніе в Салониках, слѣдил близко за этими событіями и будучи в курсѣ македонских настроеній, дѣлал из них необходимые выводы...

Не лучше было положеніе и в других населенных нетурецкими элементами областях. За македонцами, греками, сербами, болгарами Балканскаго полуострова и армяне восточных вилайетов ни за что не хотѣли отказаться от своих религіозно-національных установленій и слиться в единой оттоманской семьѣ. Наконец, возстанія в Йеменѣ,

Аврамъ и Албанін говорили о том, что и нѣкоторыя магометанскія народности не особенно благонадежны с точки зрѣнія вѣрности принципамъ оттоманизма. Потерявшие головы младотурки, перед лицомъ такихъ грозныхъ симптомовъ, не находили ничего лучшаго, кромѣ усиленія репрессій по отношенію к не-турецкому населенію. И в этомъ направленіи они, в концѣ концовъ, пошли такъ далеко, что возбудили недовольство даже со стороны нѣкоторыхъ турецкихъ круговъ. Вотъ какъ оцѣниваетъ результаты этой политики выше цитированный журналистъ Ахмедъ Эминъ. «Такая политика, говоритъ редакторъ «Ватана», не могла имѣть успѣха; она лишь углубила пропасть между турками и не-турками... значительное большинство не-турецкихъ элементовъ стало еще болѣе агрессивнымъ и враждебнымъ даже к существованію самой Имперіи»^{*)}.

Всѣ эти межнаціональныя тренія и внутреннія затрудненія доказывали явную несостоятельность младотурецкой доктрины, являясь вмѣстѣ с тѣмъ полнымъ подтвержденіемъ того, что писалъ Акчура еще в своей знаменитой статьѣ: «Три политическихъ системы». Оттоманизмъ, какъ государственная система, трещалъ по всѣмъ швамъ и этимъ не приминули пользоваться пантуранисты. Они не хотѣли устроить никакого переворота; ихъ цѣлью было лишь склонить в свою сторону всесильный ЦКъ младотурецкой партіи. Мы уже указали, что ярый пантюркистъ Зія Гекъ Алыпъ былъ уже членомъ ЦКъ «Единенія и Прогресса». И онъ, и другіе его единомышленники ведутъ систематическую атаку противъ остальныхъ членовъ партіи, и имъ удастся на пленумѣ ЦКъ 1911 г. провести ре-

^{*)} Ibid.

золюцію, согласно которой партія отказывается отъ доктрины оттоманизма и становится на точку зрѣнія, если и не чистаго пантуранизма, то во всякомъ случаѣ тюркизма с примѣсью исламизма.

«Имперія, говорится в этой резолюціи, должна стать мусульманской, должны быть обезпечены почетъ и уваженіе к мусульманскимъ учрежденіямъ и традиціямъ. Надо отказать инородческимъ элементамъ в правѣ имѣть особыя національныя организаціи. Они являются *quantite negligeable*. Распространеніе турецкаго языка есть превосходное средство для установленія господства мусульман и для ассимиляціи инородческихъ элементовъ»^{*)}.

В этой резолюціи нарочно спутаны понятія и введены противорѣчія в родѣ того, что *турецкій языкъ* является средствомъ для установленія господства *мусульман* (?). Объясняется это тѣмъ, что младотурки пока еще считались с не-турецкой частью мусульманскаго населенія и склоненіемъ слова «мусульмане», «мусульманскій» и пр., хотѣли внушить арабамъ, албанцамъ и др., что они в ихъ глазахъ являются равноправными гражданами Имперіи. Но что истинный смыслъ резолюціи заключался именно в подчеркиваніи необходимости *отуреченія* Имперіи и всего инородческаго населенія, явствуетъ хотя бы и изъ того, что резолюцію эту сами младотурки долгое время держали в секретѣ отъ членовъ партіи не-турокъ. И когда она все же стала имъ извѣстной, то получила отъ нихъ должную квалификацію. Такъ, напримѣр, арабы называли младотурецкую политику,

^{*)} L'Asie Française, Oct.-Dec. 1917. № 171, стр. 171.

проведенную согласно этой резолюции, «панисламом без ислама».

Но важнее этой резолюции, может быть, было то, что после конгресса в Центральный Комитет партии были избраны все три лидера российского пантуранизма: Исмаил Гаспринский, Али Гусейнзаде и Юсуф Акчура.

К этому времени относится и переход ЦК партии из Салоник в Константинополь, который, как мы указали, был центром кипучей деятельности пантуранистов. Там еще с 1910 г. группа Акчура-Агаев развивала довольно значительную деятельность, направленную к организации пантуранистских элементов и к объединению двух групп тюрко-татарских народов. С этой целью был основан ряд обществ и союзов, как, например, общество татарских эмигрантов в Константинополе, общество российских студентов, союз крымских студентов, Бухарское благотворительное общество и т. д.*).

Целью всех этих обществ, носящих различные наименования, была пропаганда пантуранистских идей в Азербайджане, Туркестане, Центральной Азии, в Крыму и других населенных тюрко-татарами частях России. Издавался и печатный орган «Тарюф и Муслими», который поставил себе целью — способствовать «взаимному ознакомлению мусульман Турции и России».

Среди пантуранистских деятелей больше всех отличался своей энергией Ахмед Агаев, который постоянно разъезжал из Константинополя в Россию и обратно, руководил работой и там и тут. Так, например, в том же 1910 г. вслѣд

*) Revue du Monde Musulmane, tome X, 1910, стр. 106.

за Константинополем он создал в Астрахани «Общество вспомоществования культурному развитию мусульман», под названием «Иттифак юль Мюслимин («Федерация Магометан»), которое, как видно и из названия, стремилось к культурному и политическому объединению мусульман. Во главе этой Федерации кроме Агаева стоял и бакинский деятель Али Мардан Топчибашев. В том же 1910 г. Агаев назначается генеральным инспектором всех учебных заведений Константинополя, что открывает перед ним широкую возможность вести пропаганду среди учащихся и в особенности учащихся Константинополя.

От Агаева не отставал и другой столп пантуранизма — Юсуф Акчура. Он в 1911 г. основал клуб и двухнедельник под названием «Тюрк Юрду» («Тюркский Дом»). В этом органе сотрудничали все видные пантуранисты, как российские, так и турецкие. Из российских татар в «Тюрк Юрду» участвовали: Ахмед Агаев, Исмаил Гаспринский, Али Гусейнзаде и редактор тегеранской газеты «Иран Азат» Расул Заде,*), а из турок: Ахмед Хикмед, Амдуллах Супхи, Халиде Эдиб Ханум, Мехмед Эмин, Джелал Нури, Риза Тефик, Иззет

*) Мамед Эмин Расул Заде — русский татарин, получивший образование в Константинополе. В качестве всемусульманского деятеля он работал в Персии, Турции и России. В начале 1917 г. основал азербайджанскую национальную партию «Мусават», которой он руководит и до сих пор, оставаясь ее призванным лидером. В период независимости Азербайджана он был председателем парламента и фактическим руководителем политики этой «тюркской» республики. После прихода в Баку большевиков он спас свою голову, благодаря личному вмешательству Сталина, назначившего его инспектором мусульманских школ. Через некоторое время он, однако, эмигрирует в Константинополь, где издает журнал «Азери Тюрк»

Алеви и спустя нѣкоторое время — и основоположник турецкаго пантуранизма Зія Гек Альп.

Вот в такую среду попал младотурецкій Ц. К., уже достаточно разочаровавшийся в своих прежних вѣрова іях и сильно склонявшійся в сторону пантуранизма. Для окончательнаго перехода его на позиціи пантуранизма нужен был послѣдній толчек, чѣм и явилась Балканская война. Ея влияние на младотурок и на измѣненіе всей турецкой политики было рѣшающим. Если урок македонских событій был понят только руководящей турецкой интеллигенціей, то Балканская война открыла глаза и широкой массѣ. Отложение почти всей Европейской Турціи от Имперіи ясно показывало, что ни революція, ни конституція — с которыми было связано столько надежд — не в силах остановить процесс распада оттоманской Имперіи. Удар Балканской войны был особенно чувствителен для турок потому, что он шел на этот раз не от великих европейских держав, а от вчерашняго «рая», которым младотурецкая революція дала «равноправіе» и в объединеніи с которыми иттихатисты надѣялись возродить общую родину — Оттоманскую Имперію. И когда эти надежды рухнули, наступила реакція, принявшая, как обычно бывает в таких случаях, самую крайнюю выраженія. Турки начали смотрѣть на инородцев уже не с недобріем только, а с ненавистью, обвиняя их в вѣроломствѣ, в измѣнѣ и прочих грѣхах. Дѣло дошло до

(одно время назывался «Ени Кавказія»). Расул Заде стоит на точкѣ зрѣнія федеративнаго союза Турціи и Азербайджана, входит в состав учрежденнаго в Константинополѣ «Кавказскаго Комитета», органом котораго является издающійся в Парижѣ журнал «Прометей».

того, что в турецком обществѣ стали громко раздаваться голоса сожалѣнія о том, почему султан Фатих узаконил существованіе в имперіи малых народностей, почему он выказывая по отношенію к ним «преступное великодушіе», а его преемники упустили благоприятный момент и не вырѣзали их всѣх, как требовал того дух времени. Многие из новонспеченных «революціонеров» даже не стѣснялись вполголоса высказывать одобреніе и оправданіе Абдул Гамиду за его «твердую» по отношенію к инородцам политику и даже за его армянскіе погромы. Не мало доставалось и партіи «Единеніе и Прогресс» за то, что она так долго и наивно вѣрила, что из этих «чуждых и враждебных элементов» можно образовать единую націю и воспитать в ней единый патриотизм.

Эти настроенія создавали весьма благоприятную психологическую атмосферу для пропаганды пантуранистов. Вѣдь всѣ их предсказанія сбылись, и совершилось как раз то, что они давно предвидѣли: оттоманизм обанкротился, имперія шла к полному разложенію, а не-турецкіе элементы искали спасенія в отдѣленіи от государства. В самую трудную минуту жизни Имперіи турки остались одни, покинутые всѣми своими согражданами. И единственная помощь, которая шла им, это была помощь братьев извнѣ Турціи, которых до того времени турки не хотѣли признавать. И пантуранисты были правы, в особенности, в этой послѣдней части своего утвержденія. В тяжелые дни Балканской войны — и послѣ нея, — от далеких тюрко-татарских групп Крыма, Кавказа, Казани, Хивы и Туркестана шли в Константинополь слова ободренія, сочувствія и утѣшенія. И за словами послѣдовали дѣла: вереницей шли с тѣх же мѣст всевозмож-

ныя депутаціи, везя с собою крупныя суммы для Краснаго Полумѣсяца, для военныхъ госпиталей и другихъ нужд. Наконецъ, не мало было и предлагавшихъ свои личныя услуги, в качествѣ добровольцевъ, медицинскаго персонала и даже сестер милосердія.

Совершилось, такимъ образомъ, чудо, которому рѣдко кто вѣрилъ до того: духовное объединеніе турокъ запада и востока стало фактомъ. Но Балканская война принесла не только это. Она перевернула весь укладъ мысли турокъ, всѣ ихъ понятія о государствѣ и націи. Турки поняли, наконецъ, что они не оттоманы, а турки и что страна, гдѣ они живутъ, — не Оттоманская Имперія, а Турція. И руководящей политикой внутри этой Турціи должно быть созданіе однороднаго государства, базировавшагося на одномъ лишь турецкомъ элементѣ. Лишь очистившись внутренне и освободившись отъ чужеродныхъ наростовъ, Турція можетъ стать на ноги, можетъ вернуть себѣ былую мощь и потерянную славу. И ухватившись за эту новую идею, турки стали по иному расцѣнивать и значеніе постигшей ихъ балканской катастрофы, которая, какъ имъ казалось теперь, не была лишена и нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ.

Вотъ что мы читаемъ по этому поводу у того же Ахмеда Эмина.

«Эти области (отошедшія отъ Турціи), населенныя преимущественно неспокойнымъ инородческимъ элементомъ, находились со всѣхъ сторонъ подъ угрозой внѣшней опасности, требуя для своей защиты большихъ матеріальныхъ затратъ и многихъ хлопотъ. Онѣ поглощали наибольшую часть турецкой энергіи, препятствуя народу направлять ее въ иную, кромѣ борьбы за собственное существованіе, сторону.

При такомъ положеніи вещей развитіе и обновленіе Турціи становилось возможнымъ лишь при условіи освобожденія Имперіи отъ этой обузы. Фактически такъ и вышло. И Турція, о которой думали, что погибнетъ еще въ концѣ 18-го вѣка, вышла изъ всѣхъ территоріальныхъ потерь еще больше усилившейся».

Такимъ образомъ расчлененіе Турціи, считавшееся до сихъ поръ несчастьемъ для націи, рассматривалось теперь какъ полезная для больного организма операція, способствующая его выздоровленію и укрѣпленію.

На самомъ же дѣлѣ турки радовались тому, что умерла «старая больная» — Оттоманская Имперія и на ея мѣстѣ возродилась новая Турція. Правда, они потеряли вслѣдствіе этого нѣсколько «европейскихъ вилаѣтовъ», но за то приобрѣли свое настоящее отечество, свою «родную землю» въ Азіи.

Потребовалось такимъ образомъ полстолютія, чтобы турки, наконецъ, постигли подсказанную Мольтке мысль о томъ, что Турція является не европейскимъ, а азіатскимъ государствомъ и что турецкій народъ долженъ черпать изъ Азіи живительные соки для своего дальнѣйшаго развитія. И, понявъ это, руководители турецкаго народа сознательно повернули его «взоры и шаги» на тотъ путь, который онъ прошелъ, идя въ Европу. И Турція уходила изъ Европы уже не съ болью въ сердцѣ и не пятившись назадъ, какъ дѣлала со временъ пораженія подъ Вѣной. Нѣтъ, она повернулась рѣшительно спиной къ ней и шла на Востокъ, гдѣ ее ждали и откуда шли ей навстрѣчу «милліоны туранскихъ народовъ». Знаменитыя слова Гладстона: «вонъ изъ Европы съ bag and baggage!» сталъ лозунгомъ паломничества для изгоняемыхъ. Вѣчному отступленію

последовало психологическое наступление на Азию, которое через некоторое время должно было стать наступлением реальным, наступлением церемониальным маршем. И несмотря на факт постыдного и тяжелого поражения в сердцах турок раздавался гром победы. «Балканская война, писал редактор «Танина» Гусеин Джахид, с точки зрения дальнейшего бытия турецкого народа, был физическим поражением, но моральной победой».

Эта моральная победа заключалась в зарождении в сердцах турок того нового чувства, которое заставило известную турецкую писательницу Халиде Эдиб Ханум воскликнуть: «Я хочу, чтобы все тюркские народы были политически и культурно велики и независимы».

Эти новые настроения выразились во всем в ряды шумных митингов и демонстраций. Характерно, что в них довольно активное участие принимали турецкие женщины, которые как во имя лежащих на них «обязанностей перед находящейся в опасности родиной», так и во имя «туранских национальных традиций», требовали себе права участия в политической жизни.

По инициативе турчанок был организован грандиозный митинг в Константинопольском университете. На нем присутствовали представители высшего общества столицы, в том числе и некоторые члены султанской фамилии. В пространной речи, посвященной пантурсизму, Халиде Эдиб Ханум объяснила сущность этой политической доктрины и наметила путь ее дальнейшего развития. От имени русских татарок выступила Гюльсим Ханум, развивая те же мысли о необходимости объединения турков востока и запада. Были произнесены речи и другими ораторами. После речей

состоялось угощение, причем на первом месте фигурировал «национально-турецкий напиток» — кумыс.

Для воспитания масс в духе турецкого национализма были основаны так называемые «турецкие очаги». Центральный «очаг» был учрежден в Константинополе еще в 1912 г. По случаю основания первого «очага» был организован спектакль, в котором приняли участие и женщины. В члены «турецкого очага» в первый же день записалось много офицеров, учителей, литераторов, адвокатов и пр. Одних докторов записалось 700 чел. Число членов этих очагов вскоре дошло до 3.000 чел., а число отделений — до 25.

«Очаги» ставили своей целью: «просвещение турецкого народа, усовершенствование его языка и содействие его умственному, социальному и экономическому развитию». Двери «турецких очагов» были с самого начала закрыты перед турецкими элементами, в том числе и мусульманскими. В собственных залах Константинопольского очага читали лекции и доклады профессора высших учебных заведений столицы, рассказывая о «славных периодах» турецкой истории, о ее «героях и гениальных вождах». Говорили и о далеких тюркских народах, их быте и обычаях.

«Очаги» развили усиленную работу среди студентов богословского института («софты»). Благодаря этой пропаганде софты, бывшие во время Абдул Гамида ярыми защитниками панисламизма, перешли в большинстве на сторону пантурсистов, которые через этих софтов приобрели влияние на духовенство, а через это последнее на простой народ.

Волна национализма докатилась и до заграничных студентств. Существовавшие в университетских городах

Европы оттоманские студенческие клубы закрывались и на их место возникали «Тюрк юрду» (Дом турок), членами которых могли быть только студенты турецкого происхождения.

Та же работа совершалась и в прессе. Многие журналисты и литераторы, боровшиеся до того против тюркизма, публично отказывались от своих оттоманских взглядов и примыкали к пантуранизму. Так, например, газета «Икдам», до сих пор яростно боровшаяся с панисламизмом, перешла к тюркизму и даже свою редакцию стала называть «Икдам Юрду». Переименовала свое название и другая — не менее энергично боровшаяся против тюркизма — газета «Сирте Мюстаким», которая теперь стала называться «Силье юль Решад». В ней теперь начали сотрудничать видные представители пантуранизма: Акчура, Агаев и Расул Заде.

Начался настоящий тюранистский психоз, принимавший иногда даже смеховые формы. Так, за наименование одной газетой Чингиз-хана «кровожадным», толпа устроила демонстрацию и заставила закрыть газету. Та же толпа, оскорбленная в своих национальных чувствах, напала на выступившего в пьесе «Тамерлан» артиста Мнакяна и избила его за то, что в этой пьесе «монгольскому герою приписана была (?) жестокость».*) Вообще под новым углом зрения стали рассматриваться исторические факты и исторические лица. Трагически погибший султан Байзед больше не вызывал к себе сочувствия, и его даже стали осуждать за

*) Revue du Monde Musulmane. 1913. vol. XX. II Panislamisme et Panturquisme par «X».

то, что он выступил против главы туранских племен «великого» Тамерлана.*)

Эти новые настроения находят свое выражение и в той агрессивной политике, которую турки начинают проводить по отношению к остальным национальностям Империи. Христианские меньшинства, бывшие и всегда безправными, не особенно чувствуют эту происшедшую в турках перемену. За то другие мусульманские народности (арабы, черкесы и пр.) ни за что не хотели примириться с нею. Характерный в этом отношении эпизод, происшедший накануне войны между преподавателем военной школы турком и офицером-арабом, рассказан в журналѣ L'Asie Française.**)

Профессор обратился к офицерам запаса с такой речью: «Друзья мои, вскоре предстоит вам вступить в действующую армию и командовать нашими героями-солдатами. Научите их, что они турки и что если будут бороться за Турцию и под ее знаменами, победа будет обеспечена за ними. Турецкий народ выше магометанской религии и величайшая из добродетелей — это национальная гордость».

Здесь офицер-араб прерывает профессора:

— Не всё оттоманы, говорит он, являются турками. Если империя будет считаться исключительно турецкой, то всё остальные не-турецкие народности окажутся не равно-

*) Елдирым Байзед был оттоманским султаном, воевал с Тамерланом и попал к нему в плен. Монгольский завоеватель заключил султана Байзед в клетку и держал его там восемь месяцев; не перенес унижений и моральной пытки, Байзед умер в клетке. До пантуранистского психоза турки считали Байзед мучеником, а Тамерлана варваром.

***) L'Asie Française, Avril-Juin, стр. 72.

правными членами государственного организма, а чуждыми и чужими элементами».

На этот протест араба поступает резкий отвѣтъ профессора турка.

— *Вы и ваш народ, говорит профессор, являетсясѣ подданными Турціи.* Не надо забывать, что турки мечом завоевали вашу страну... Оттоманизм, о котором вы говорите — просто политическій обман, которым вы прикрываетесь для достиженія своих цѣлей. Что же касается религіи, она не имѣет никакого отношенія к политикѣ. Мы скоро вступим в бой *во имя Турціи и под ея знаменем.* оставляя в сторонѣ религію, являющуюся индивидуальным и второстепенным дѣлом. Вы и ваш народ должны понять, что вы — турки, и что *нѣтъ* вообще арабскаго народа и арабской родины».

И этот профессор выражал общее настроеніе...

VII

ПРОГРАММА И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПАНТУРАНИЗМА.

Прежде чѣм перейти к дальнѣйшим этапам развитія пантуранизма, постараемся резюмировать в этой главѣ его главные програмные пункты и основные принципы.

Что проповѣдывали, в сущности, всѣ эти «Генч Галемляры», «Тюрк Юрду» и пр. и чего добивались пантуранистскіе дѣятели, начиная с Казани и Баку и кончая Константинополем и Салониками?

Они, основываясь на доводах этнологіи, социологіи, исторіи и политики, требовали *освобожденія туранских народов от иностраннаго ига, требовали культурнаго и политическаго объединенія в одном государствѣ.*

Всѣ эти доводы, как бывает в таких случаях, были взяты из научных трудов западных ученых — тюркологов Макса Мюллера, Вамбери, Радлова, Де Гинье и др. Именно от них узнали поверы пантуранизма, что всѣ тюрко-татарскіе народы, как по языку так и по происхожденію, являются отдельными вѣтвями одной и той же нации, имѣющей

когда-то свою «славную историю» и свою национальную культуру.

В настоящее время часть этих народностей находится под чужой (русской) властью, которая всячески старается их ассимилировать. Но рост просвещения, с одной стороны, и политическія преслѣдованія — с другой, пробудили татарскій міръ, который, сознавая свое единство, стремится къ свободѣ и объединенію.

Татары одни не в силах осуществить эти свои цѣли; им нужна помощь их туранскаго собрата, анатолійскаго турка, сохранившаго свое независимое существованіе. Проникнутые ненавистью къ поработителю, любовью къ свободѣ и къ будущей славѣ, вооруженные научными и историческими данными, выступили на арену пантуранистскіе дѣятели и стали проповѣдывать братство и единство туранских народов, восгѣвать их общую, абстрактную родину — Туран, восхвалять великих героев прошлаго Турана: Аттилу, Альи Аслана, Тугрила, Тамерлана и Чингиз-хана. Они открыли перед молодым поколѣніем заманчивыя перспективы сильнаго и возрожденнаго Турана.

Этой перспективой увлеклось и новое поколѣніе Турціи, гдѣ Коран уступал свое мѣсто Турану, ставшему источником новых чаяній и надежд.

Теперь обратимся къ «научным данным» пантуранистов.

I. **Этнологическія** данныя: Турки, татары, туркмены, узбеки, монголы и др., являются родственными по крови и по происхожденію народами и, слѣдовательно, они — братья.

II. **Соціологическія**: Большинству этих народностей свойственны однѣ и тѣ же черты характера, одни и тѣ же нравы и обычаи, почти все они исповѣдуют магометанство и говорят на нарѣчійх одинаго тюркскаго языка. Имѣя общій язык, общую религію и культуру, они, как это утверждают Дюркгейм, Лебон и др., не только этнически но и соціологически, составляют одну и ту же націю.

III. **Историческія**: Исторически установлено, что все туранскіе народы являются различными группами одного и того же племени. В прошлом они были объединены, составляя «Золотую Орду» Имперіи Хсіунгнунов и Чингиз-ханов. То, что было в историческом прошлом, может повториться и в наши дни.

IV. **Психологическія**: Все эти народы уже сознают, что они турки и являются членами одной націи. С этим самым важным фактором нельзя не считаться.

V. **Политическія**: На Турціи, как на единственно независимом из всех туранских стран государствѣ, лежит обязанность содѣйствовать укрѣпленію національнаго самосознанія и упроченію солидарности между туранскими народами. Турція должна поддерживать стремленіе братских народов къ независимости и объединенію. Она должна говорить, Зія Гек Альп, сыграть по отношенію къ тюркским народам ту же роль, что сыграла Пруссія по отношенію къ германским народам, создав из них одну сильную и федеративную имперію.

Турція должна это сдѣлать не только из чувства долга,

но и в собственных своих интересах, для укрѣпленія своего дальнѣйшаго существованія; ея спасеніе — в пантуранизмѣ. Османская Имперія, говорили пантуранисты, находится на краю гибели; ее не спасут ни устарѣвшія религиозныя концепціи, ни противоестественныя идеи солидарности турок с иноплеменными народами. Спасеніе анатолійскаго турка — в тюркизмѣ.

Турція должна обратиться вновь к своему племенному источнику, к той 50-и миллионной тюрко-татарской массѣ (эта «научная» цифра мѣнялась сообразно степени воображенія того или иного пантуранистскаго дѣятеля), которая живет в Центральной Азій; оттуда должна она черпать новыя силы для своего дальнѣйшаго существованія. То, что предлагал Мольтке в первой половинѣ 19-го вѣка, то сегодня должно быть непосредственной цѣлью государственной политики Турціи.

На какія территоріи претендовали пантуранисты? В этом отношеніи не было между ними единогласія. Чтобы дать общее представленіе об этих претензіях, укажем границы Турана, начертанныя Ахмедом Агаевым и Качензаде.

«Тюркскій міръ» Агаева начинается с Балканскаго хребта и доходит до Манѣчурин, включая в себя: Балканы, Малую Азію, Крым, Кавказ, Дагестан, Астрахань, Поволжье Саратов, Самару, Казань, Уфу, Оренбург, Сибирь, Монголію, китайскій и русскій Туркестанъ, Бухару, Хиву, Хорасан, южное побережье Каспійскаго моря и два (русскій и персидскій) Азербейджана.*)

*) I. Stoddard. The American Pol. Science Review, vol. XI, 1917. стр. 12-23.
«X». Le Panislamisme et le Pantouranisme. Revue du Monde Musulman vol. XXII. Mars 1913 стр. 203-204.

Качензаде требует, чтобы в туранское или тюрко-татаро-монгольское объединеніе вошли: Малая Азія с Константинополем, Месопотамія с Моссулом, Азербейджан с Баку. Далѣе в нее должен войти собственный Туран, т. е. пространство от Крыма до Закаспія, находящіяся между Волгой и Уралом Оренбургская и Уфимская губерніи, Киргизскія степи, находящіяся между Аралом и Байкалом Туркестан, возвышенность от Алтая то Памира и пространство от Монгольских гор до Сибирских степей, вплоть до Иркутска и берегов Амура. В эту «федерацию», говорит Качензаде, должны войти всѣ болѣе или менѣе крупныя группы тюркскаго населенія, оставшіяся со времен средневѣковых нашествій. Одним словом туркам должно принадлежать все, гдѣ ступала когда либо нога тюрка...*)

Еще болѣе рѣшительно настроенные пантуранисты включали в предѣлы Турана и другія пограничныя и мусульманскія страны — в особенности, если царствующая там династія была туранскаго происхожденія, как напримѣр Персія при Каджарах, Афганистан и т. д. Мы не говорим об аппетитах Энвера паши и ему подобных, потому что пантуранизм Энвера, в особенности в началѣ, носил панисламистскій отпечаток. Энвер стремился создать Арабскую Имперію, и сдѣлать ее вассалом Турціи, другими словами, хотѣл «использовать Коран для Турана». Границы Энверовской Имперіи начинались в Марокко и кончались..... Кореей.

Наконец, претендующая на «научность» часть пантуранистов ограничивалась лишь территоріей, населенной *тюркской* группой туранских народов.

*) Roger Labonne. La Crise Orientale... Le Correspondant, 1922, стр. 399.

Урало-Алтайская или Туранская семья, как известно, дѣлится на пять групп: Угро-финская, самоѣдская, тунгусская, монгольская и *тюркская*.

Въ послѣднюю *тюркскую* группу входят: тюрки Сибири (якуты), тюрки Центральной Азіи (казаки, узбеки, киргизы, туркмены и пр.), тюрки Поволжья (кипчаки, татары, башкиры), тюрки Черноморья (татары Крыма и Кавказа) и тюрки запада (Ирана и Оттоманской Имперіи). Къ об'единенію всѣхъ этихъ *тюрков* и стремилась умѣренная группа пантуранистов. Исходя изъ этого, они и движеніе свое предпочитаютъ называть не *пантуранизмом*, а *пантюркизмом*; всѣхъ, принадлежащихъ къ пятой группѣ народовъ (татары, узбеки, киргизы, башкиры, якуты и пр.) они считаютъ *турками*.*)

Для обоснованія пантуранизма, кромѣ вышеупомянутыхъ «научныхъ» доводовъ, приводится и рядъ другихъ соображеній. *Пантуранистскій идеал*, говорятъ эти пантуранисты *вытекаетъ изъ духа времени*. «Уже нѣсколько столѣтій, пишетъ напримѣръ Текин Альп, національный принципъ является руководящимъ въ мірѣ политическихъ идей и событій. Отказавшись отъ оттоманизма и принявъ тюркизмъ, турки выйдутъ изъ ненормальнаго положенія и войдутъ въ ряды современныхъ цивилизованныхъ народовъ».

Пантуранисты позаимствовали изъ Европы еще одну идею, идею «ирриденты». «То что мы проповѣдуемъ, говорили они,

*) В 1910 г. член Государственной Думы елисаветпольскій татаринъ Хасмамедовъ внесъ въ Думу предложеніе разрѣшить татарамъ называться впредь *тюрками*. Дума отвергла это предложеніе, считая его тенденціозно-пантуранистскимъ. При большевикахъ татары добились своего и теперь всѣ они называютъ себя *турками*.

является не имперіализмомъ, а «ирридентой». «Всѣ новѣйшія націи имѣютъ свою ирриденту». «Освобожденіе братьевъ, стонущихъ подъ игомъ сосѣдней страны, стало для нихъ *національнымъ идеаломъ*». При этомъ приводятся примѣры Италіи, Румыніи и пр. «Ирридента» является важнымъ факторомъ международной политики — турки не могли составить въ этомъ отношеніи исключенія. Туранская ирридента или идеалъ независимой и об'единенной Тураніи вполне соответствуетъ духу времени, носящему преимущественно національную окраску.

Для осуществленія національнаго идеала у турокъ, говорили пантуранисты, есть всѣ необходимыя данныя. Въ первую очередь ихъ можно найти въ особенностяхъ характера турецкаго народа. Турки храбры, героичны и талантливы въ военномъ дѣлѣ; это лучшіе солдаты въ мірѣ. У нихъ властный характеръ и они, какъ будто, созданы для господства надъ другими. Всѣ восточные завоеватели вышли изъ нѣдр турецкаго народа.*)

Вопреки мнѣнію нашихъ недоброжелателей, говорили пантуранисты, турецкій народъ обладаетъ и большими умственными способностями. Онъ далъ человечеству много ученыхъ, которые благодаря тому, что писали на арабскомъ языкѣ, извѣстны міру какъ арабы. Турки, благодаря ихъ древней цивилизаціи и способностямъ воспринимать новую цивилизацію, не только не отстали отъ другихъ народовъ, но идутъ впереди многихъ изъ нихъ.

Путая ученія Монтескье и Спенсера, пантуранисты создали новую своеобразную философію.

*) С. U. Clark, Greater Rumania, стр. 121.

Народы, говорили они, имѣют тоже періоды рожденія, развитія и упадка или эпохи своего восхода и заката. На примѣр, историческія націи Южной Азіи и Сѣверной Африки (персы, египтяне) прожили свою жизнь и теперь выродились. Европейскіе народы уже достигли кульминаціонной точки своего расцвѣта и своей славы и теперь, растраивши в огнѣ капитализма свои силы, вступают в період упадка. Даже Англія, доживает послѣднія десятилѣтія своего имперіалистическаго могущества.

Теперь настал час народов Центральной Азіи. Туранцы, благодаря своей природной храбрости и мужественности, благодаря крѣпким и не растрепанным европейской цивилизаціей нервам, станут великой и руководящей силой будущаго. В будущей борьбѣ народов побѣда останется за турками, ибо их мускульныя и нервныя силы неисчерпаемы.

Таким образом пантуранистской идеологии не была чужда и идея кичливаго «мессіанизма», в особенности в первый період своего возникновенія.

Как мы выше указали, пантуранизм, как политическая доктрина, был первоначально формулирован татарскими дѣятелями, преслѣдовавшими ильи освобожденія своих народов от русскаго ига. Перенесенный на турецкую почву, пантуранизм стал для турок одним из средств возрожденія и усиленія Турціи. Но турки, в отличіе от татарских дѣятелей, имѣли опыт государственной дѣятельности и считались в своих стремленіях с условіями географическаго, политическаго, культурнаго и пр. порядка. Это заставляло турок быть немножко осторожнѣе в их пантуранистских увлеченіях. Благодаря этому, турецкая версія пантуранизма (пантюркизм) нѣсколько отличалась от татарской.

Это отразилось и в книгѣ основоположника пантюркизма Зіи Гек Альпа «Основы тюркизма», изданной в 1923 г. В этой книгѣ автор представляет сущность пантуранизма в довольно осторожной и завуалированной формѣ. В книгѣ Гек Альпа со всѣми оговорками дано серіозное и систематическое изложеніе сущности новаго тюркскаго движенія.*)

Книга Зіи Гек Альпа состоит из двух частей, первая из которых носит названіе: «Сущность тюркизма», а вторая — «Программа тюркизма». В первой части излагается теорія, во второй — конкретная программа тюркизма.**)

Первая часть подраздѣляется на слѣдующія главы: Исторія тюркизма. — Что такое тюркизм? — Тюркизм и туранизм. — Культура и цивилизація. — К народу. — К Западу. — Историческій материализм и социологическій идеализм. — Усиленіе національнаго сознанія. — Усиленіе національной солидарности. — Культура и воспитаніе.

Во второй части трактуются связанные с тюркизмом вопросы о языкѣ, искусствѣ, этикѣ, религіи, правѣ, экономикѣ, философіи и политикѣ.

*) Кроме книги Зіи Гек Альпа, которая по турецки называется «Тюркчюлюн эсасларе», тому же вопросу посвящены: «Тюркизм и Пантюркизм» — Текин Альпа; «Ярынки Туран Девлеты» — Эомер Сейфетдина; «Теорія о націи и національная жизнь» проф. Мехмета Иззета.

**) G. Dery, Zia Goek Alp, Revue du Monde Musulman. Vol. LXI. 1925. Troisième trimestr. Grundlagen des Turkischen Nationalismus. Orientalischen Literaturzeitung. Sept.-Okt. 1925.

См. также слѣдующія турецкія періодическія изданія: «Хакиміет и милліет» 16 мая, 1923 г.; «Аншам», 22 мая 1923 г.; «Тюрк Юрду», 3 апрѣля 1913 г., стр. 368-377; «Тени Гюн» 16 мая, 1923 г.

Эти заголовки дают уже достаточное понятие о содержании книги Зия Гек Альпа. Подробно останавливаться на ней, к сожалѣнію, мы не имѣем возможности и должны ограничиться изложеніемъ относящихся к нашей темѣ положеній.

Зия Гек Альп очень подробно говорит о том, что такое *нація*. По мнѣнію оттоманистов, говорит он, существует *оттоманская нація*, которая заключает в себѣ все разнообразное население Оттоманской Имперіи. Эта точка зрѣнія в корнѣ неправильна, так как в состав народонаселенія всякой большой имперіи входят различныя націи, с своей особой культурой. Таким образом *оттоманской націи нѣтъ и быть не может*.

По мнѣнію панисламистов, продолжает свои разсужденія Гек Альп, оттоманская нація — это совокупность всѣх мусульман. Но, связанные между собою общностью религіи, люди составляют не націю («миллет»), а религиозную общину («уммет»).

Отвергая эти опредѣленія, Зия Гек Альп дает свое. По его мнѣнію, нація является совокупностью людей, связанных между собою общностью языка, религіи, этики и эстетики, иначе говоря — общностью культуры и воспитанія. Исходя из этого опредѣленія, Зия Гек Альп переходит к основному вопросу: что такое турецкая нація, из кого она состоит и какія существуют взаимоотношенія между тюркизмом и туранизмом?

К группѣ, имѣющей единую тюркскую культуру, или, иначе говоря, к турецкой націи, принадлежат *огузиане*, т. е. турки и туркмены. «Турки Азербайджана и Персіи, как и мы, говорит Гек Альп, происходят от Огуз-хана. Еще нѣ-

сколько столѣтій тому назад всѣ они жили дружно вмѣстѣ, как члены одной семьи, как потомки Огуз-хана. Еще и сегодня общи у нас всѣх: язык, литература, культура, нравы и обычаи. Цѣлый ряд книг, посвященных Коркуд Атаѣ, Исмаил-шаху, Ашык Керибу, Кер-Оглы и др. являются любимыми книгами для всего огузскаго міра. Тюркскій поэт Фюзули принадлежит нам всѣм. Таким образом, заключает Альп, *границы турецкой націи шире географических границ Турціи*».

«Что же касается Турана, говорит Гек Альп, то он не есть, как многіе склонны думать, сборище народов, гдѣ, кромѣ турок, живут еще монголы, тунгузы, финны и венгры. Эта группа в наукѣ извѣстна под названіем Урало-Алтайской». Границы Туранизма гораздо уже. Якуты, киргизы, узбеки, кичаки, татары и огузиане составляют одну лингвистическо-этническую группу. *Туран* и является общим названіем всѣх этих тюркских народов. Территориально Тураном называется та громадная тюркская страна, гдѣ живут различныя племена единой тюркской націи.

Исходя из этих положеній, Зия Гек Альп намѣчает два идеала, к осуществленію которых должна стремиться политика Турціи. Первый и ближайшій идеал — *огузианизм*, второй и гораздо болѣе далекій — *туранизм*. Предпосылкой к осуществленію этих двух идеалов является ближайшая и конкретная задача, стоящая перед Турціей — задача претворенія в жизнь *тюркизма*. Таким образом національный идеал турок имѣет три ступени: тюркизм, огузианизм (пантюркизм) и туранизм (пантуранизм).

Зия Гек Альп знает что Туранская Федерация или Туранская Имперія есть не больше не меньше, как «красное

яблоко*»), висящее на таком деревѣ, которое существует лишь в мирѣ фантазіи. Но он знает также и то, что «сегодняшняя дѣйствительность есть плод вчерашних мечтаній» и что «велика сила идеалов, если даже они навсегда остаются идеалами». Зія знает, что нельзя образовать единую націю (как он ее понимает) из всѣх больших и малых туранских народностей Россіи, как бы всѣ они ни считались с научной точки зрѣнія турками. Он знает, что сѣверные татары (Волжскіе) стремятся к созданію собственнаго языка и культуры и что послѣдствіем этого рано или поздно явится то, что будет два народа: *турскій* и *татарскій*. Он знает, что к этому же стремятся и башкиры, киргизы, узбеки, «не говоря уже о якутах и алтайских тюрках».

Что же, пусть создают они свою собственную культуру и пусть называются своими особыми именами! Всѣ они, говорит Гек Альп, должны в концѣ концов войти в общую федерацію и образовать Великую Туранію. А потомки Огуза — турки и теркмены — будут жить, как единая нація и будут называться *турками*. *Огузистан есть Великая Турція ближайшаго будущаго*.

Таким образом турецкій вариант пантуранизма имѣет программу из двух частей: минимума и максимума. Программа — минимум турецкаго пантуранизма есть *огузизм* и ставит своей цѣлью объединеніе турок и туркменов. «Турція, Азербайджан и Персидскій Азербайджан, говорит Зія Гек Альп, должны составить завтрашній Огузистан».

*) «Красное Яблоко» — таково названіе одного из рассказов Гек Альпа, в котором он проводит в беллетристической формѣ свои пантюркскіи идеи.

VIII.

Т Ю Р К И З М.

Итак, тюркизм является основным и предварительным условіем к осуществленію турецкаго варианта пантуранизма.

Но что такое тюркизм и как его понимают турецкіе націоналисты?

«Турція только для турок», вот лозунг и вмѣстѣ с тѣм и программа тюркизма.

Для освобожденія своих единомышленников и объединенія их в одно государственное цѣлое, Турція должна обладать прежде всего достаточной моральной и матеріальной силою.

Но Оттоманская Имперія обезсилѣла и разложилась. Гдѣ же найти эту силу? Ее можно найти в тюркской массѣ, в народѣ, в «грубом» анатолийском крестьянинѣ. Надо обратиться к неисчерпаемому запасу его физических возможностей, к его безмѣрному трудолюбію, к сохранившимся у него традиціям и обычаям, к языку, на котором он говорит и по сей день и, в особенности, к его патриотизму и воинственному духу.

Но увы, не анатолийскіе турки составляют основу, на

которой построено здание Оттоманской Империи. Причина безсилія Турціи кроется в составѣ ея народонаселенія, и именно в том фактѣ, что оно не исключительно тюркское. Введенная в жизнь партией «Единеніе и Прогресс» конституція Митхата паши санкціонировала допущенную оттоманскими завоевателями досадную ошибку (не уничтоженіе посредством рѣзни или ассимиляціи инородческих элементов) и предоставила вѣковым «райям» равныя с турками права.

Христиане ли эти меньшинства или мусульмане, — дѣло не мѣняет. Раз они имѣют особую от турок культуру, особую исторію и противоположные интересы, то смѣшно и даже опасно ждать от них проявленія государственнаго патриотизма. Они, разсуждали тюркисты, не могут идти в ногу с нами, усвоить наши идеалы и служить нашим цѣлям. Для объединенія остается одно — чтобы мы, турки, пошли по их дорогѣ. Но это для нас, как для турок, равносильно смерти.

И в качествѣ выхода тюркисты указывали на одно единственное средство: Турція должна быть прежде всего отуречена.

Турецкая интеллигенція, говорили они, должна отуречить свой народ. Она должна к природному и инстинктивному національному чувству привить сознательный и подлинный тюркизм. А для этого она должна создать прежде всего національную культуру.

Правительство же Турціи обязано отуречить страну. Оно должно сдѣлать рѣшительный поворот в своей политикѣ, прекратить игру в оттоманизм, перестать смѣшивать мусульманина с турком. Оно должно опираться исключительно на турецкій элемент и только его поддерживать.

Остальныя народности не должны существовать, как особыя націи, они, как таковыя, не должны имѣть никаких прав. Перед ними должна стать альтернатива: либо сдѣлаться турками, либо уйти из Турціи. Нѣтъ «націи оттоманов», а есть и впредь в Турціи может быть только одна единственная нація — турецкая.

Вот что такое тюркизм.

Но как отуречить Турцію, как это осуществить в условіях современной дѣйствительности? С чего и как начать?

Начинать слѣдует с языка и с литературы. Надо прежде всего реформировать турецкій язык, освободить его от иностраннаго вліянія, сдѣлать его подлинно турецким.

В Турціи существовали два языка: *оттоманскій* — разговорный язык высшаго служилаго сословія и интеллигенціи, вошедшій и в литературу, и *народный*, на котором говорит крестьянская масса в Малой Азии и который пренебрежительно назывался *турецким языком*.

До реформ Абдул Меджида, до знаменитаго «Танзимата» оттоманская литература, как и вся общественная жизнь, находились под сильным вліяніем арабской этики и персидской эстетики. Тогдашняя литература — Касид и Газель — всецѣло была посвящена Аллаху, Халифу, Пророку, женщинѣ и вину. Извѣстный тюркскій поэт Фюзули был ярким представителем этого *восточнаго періода*.

Второй період, начинающійся с «Танзимата» и называющійся *западным*, носит на себе печать вліянія европейскаго и, в частности, французскаго. Сперва это вліяніе дало благоприятные результаты, но позже — и в особенности в эпоху Абдул Гаида, оно в корнѣ исказило оттоманскій

язык, введя в него множество французских слов и выражений, заимствованных из западно-европейских языков.

По определению тюркистов «оттоманский язык» был языком *турецкой цивилизации*, а народный турецкий — языком *национальной культуры*.

«Культура, говорит Зия Гек Алып, национальна, между тем цивилизация — всегда интернациональна»... «Наш господствующий класс постоянно навязывал турецкому народу свой невыносимый космополитизм». Надо вырвать турецкую культуру из когтей интернациональной цивилизации.

Мы видели, что еще до тюркистов, дѣлались попытки освободить оттоманский язык от арабских и персидских слов и создать таким образом литературу на чисто турецком языкѣ. Но любопытно, что тюркисты придали этому чисто политической характер. Кружок «Ени Лиса» предлагал вернуть турецкому языку его былую простоту и гибкость, приблизив его к тому нарѣчію, на котором говорили туранские кочевники. Предлагалось в соответствии с этим внести изменения в грамматику и впредь при словообразовании придерживаться законов и духа турецкого языка. Тюркисты предлагали отказаться от литературного наследия западного периода, с его преобладанием французского влияния, и писать на тюркских темы, в частности предлагалось в поэзии употреблять средневековый туркменский разнѣр. Словом, говорили они, *надо писать так, чтобы было понятно всем тюркским народам*.

Были сдѣланы попытки замѣнить арабский шрифт латинским, а нѣкоторые предлагали возстановить старый

«сириакский» алфавит, который был в употреблении в Туранѣ до XV столѣтія.

Для постоянной работы в области развития турецкого языка и национальной культуры была основана «Академія Наук» («Тюрк Билги Дернеи»). Это учреждение имѣло полуофициальный характер и работало при Центральном Комитетѣ партіи «Единение и Прогресс» на средства, отпущенныя из государственной казны. Академія состояла из нѣскольких отдѣлений, самым важным из которых было *отдѣление тюркизма* («тюркчюлюк»). Она издавала специальный орган — «Билги Мечмуас», толстый ежемесячник, посвященный научной разработкѣ вопросов, касающихся национального языка, культуры и т. д.

Одновременно продолжалось и издание другого ежемесячника: «Тюрк Юрду», бывшего органом квалифицированных тюркистов. В нем печатались статьи о бытѣ, нравах и обычаях тюркских народов, говорилось о «величии турецкого прошлаго», о «великом национальном идеалѣ» и пр.

Вопрос о турецком языкѣ не потерял своей актуальности и по сей день. Отчасти разрешенный в духѣ требованій тюркистов в самой Турціи, он продолжает быть предметом споров в смыслѣ его повсѣмѣстнаго примѣненія во всем туранском мірѣ. Еще недавно русский татарин Исхакъ выступил в турецкой прессѣ с рядом статей, в которых он защищал идею единого языка для всѣх тюрко-татарских народов, причем в качествѣ такового он предлагал *турецкий язык*. На этой точкѣ зрѣнія стоят азербайджанскіе и другіе пантуранисты. В этом требованіи искусственного навязыванія народу языка, который не является его родным языком

и на котором он не говорит, нельзя, конечно, не усмотреть политических целей.

Важное место в программѣ тюркистов занимало и требование — *обращение к народу* («Халк догру»). Интеллигенція, говорили они, должна пойти в народ, чтобы «дать ему цивилизацию и получить от него культуру». Надо изучить язык, словесность, музыку, быт, нравы и обычаи народа. Надо воскресить и усвоить образ мышления и чувствования народа, так как лишь таким путем станет возможным создание национальной «elite» — избранного класса нации.

Эти требования тюркистов позже получили свое выражение в политикѣ Мустафа Кемала, в его заявлениях о «суверенитетѣ народа», об «обращенности к азиатскому крестьянину» и пр. Характерно, что и единственно существующая в Турціи партия диктатора носит претенціозное название «Народ» («Халк»).

Но тюркисты были и «западниками», хотя весьма своеобразными. В их программѣ был еще лозунг — «к западу» («гарба догру»). Они говорили, что настало время для Турціи произвести большія перемѣны на подобіе тѣх, какія сдѣлала Японія. Примѣр последней показал, что народ может заимствовать западную цивилизацию, отнюдь не жертвуя своей религіей, культурой и національными идеалами. Для осуществления этой части своей программы, тюркисты знакомили турецкое общество с литературой и научными завоеваніями западно-европейских народов. От Европы они брали то, что могло пригодиться для их национальных целей, руководствуясь афоризмом: «Европа кафале, тюрк-кадиле» («С европейской головой, но с турецким сердцем»).*

*) «Тюрк Юрду», Март, 1912 г. стр. 326-327.

Из европейских ученых получили признаніе у тюркистов лишь тѣ, кто хвалил турок. А всѣ тѣ, кто порицал их и их исторических героев, считались невѣждами («эриф») Прославленный во время «Танзимата» девиз французской революціи: «свобода, равенство и братство» перестал им нравиться; тюркисты восторгались теперь девизом: «Deutschland uber Alles» («Германія превыше всего»), благодаря которому, говорили они, создалось величіе и единеніе нѣмецкаго народа.

Это величіе было и у турок, но было оно только в историческом прошлом. Надо воскресить в памяти народа это славное прошлое, всѣ легенды и традиции Турана. Они-то именно и являются тѣми образцами, по которым нація возсоздают и оформляют свою индивидуальность. Из героев историческаго прошлаго Турана тюркисты особенно восторгались легендарной фигурой Чингизхана, этого «бога силы» и «грознаго Императора». Они с негодованіем отвергали приписываемое ему варварство, считая это «выдумкой» покоренных им народов. Особенно негодовали они против Фирдуси, воспѣвавшего в «Шахнамэ» борьбу Ирана с Тураном.

В прошлом тюркисты находили не только «грозных императоров», но и знаменитых ученых, «героев науки», как они любили выражаться. Зія Гек Алып, в своей поэмѣ «Тюркчюлюк», обращаясь к «врагам тюркского народа», сознательно отрицающим заслуги турок перед наукой, патетически вопрошал: знают ли эти враги, кѣм были Фараби,*) Улуг-бек**), Ибн и Сина***) и др.

*) Эбу Наср Магомет Ибн и Тархан Эль Фараби (870-950) — знаменитый мусульманскій философ, прозванный «преемником Аристотеля», родился в

Чтобы понять все значение начатой туркистами пропаганды, надо иметь в виду, что прежде турки вообще не имели никакого представления о своем туранском прошлом и о его дьятелях. Они интересовались только историей *ислама* и теми событиями и героями, которые были связаны с этой историей. Турецкий народ не знал никакой национальной истории, он читал только Коран и знал только историю Магомета и его халифов, большинство которых были, как известно, не-турки. Пантуркисты первые сделали попытку обратить турок с юга, с Мекки, к востоку, к Алтаю. Они воодушевляли народ рассказами не о походах Пророка и последующих халифов, а о подвигах Аттилы, Чингизхана, Алп Аслана, Тамерлана, Огуз-хана и других героев Турана, некоторые из которых *не были даже магометанами*.

Туркизм, вообще, противопоставлял себя панисламизму, хотя иногда и шел рядом с ним. Но это последнее обстоятельство объясняется тем, что почти весь тюрко-татары исповедывали магометанство; благодаря этому туркисты могли в своей пропаганде подчеркивать как религиозный, так и национальный моменты. Но в общем пантуранисты были враждебно настроены по отношению к панисламизму. Они, в особенности, возставали против того принципа маго-

Турнестанъ, но образование получил в Багдадѣ. Оставил ряд трудов по медицинѣ, математикѣ и философи.

**) Улуг-бек (1394-1449) — внук Тамерлана, был астрономом и создателем обсерватории в Самаркандѣ. Он открыл 24 новых и указал месторасположение 992 известных наукъ звезд.

***) Эбу Али эль Гусейн Ибн Абдуллах Ибн и Сина (Ависенна) (980-1037) — «арабский» философ, родившийся в Бахарѣ. Мать его была родом из Туркестана, а отец был перс.

метанства, согласно которому все мусульмане считались братьями и из которого магометанство стремилось вывести свой идеал «Имамета» — вселенской демократической теократии.

Туркисты, при попытках проведения в жизнь своей национальной программы, столкнулись в первую очередь с этим именно принципом магометанства и решили первые удары направить против него.

Туранцы вообще никогда не отличались религиозностью. «Туркмен заиф юлиман» («У туркмена слабая вера») гласила арабская пословица. Известно, что сельджуки в продолжение двух столетий три раза меняли религию. Что же касается турок, то характерно, что они не имели ни одной религиозной войны, хотя история их и была полна военными авантюрами. Во всех войнах, на протяжении многих столетий, турками руководили исключительно завоевательные цели или стремление к грабежу. Благодаря отчасти этой черте, туркистам легко удалось снять с собственного пути и те препятствия, которые существовали благодаря магометанской религии и панисламизму.

Свою антирелигиозную борьбу начали они с агитации против религиозных предрассудков, желая, таким образом, придать ей характер борьбы за религиозную реформацию. Далее они выставили требование замнить употребление арабского языка турецкими при исполнении религиозных молитв и обрядов. Этим они хотели показать, что борются не против магометанства, а только за национализацию религии. Психология турок, говорили они, отличается от психологии арабов. Турки, монгольского происхождения и настроены эпикурейски, между тем арабы, как семиты,

имѣют склонность к аскетизму. Бог арабов, подобно Богу евреев — Бог страха («Мегафет уллах»), тогда как Бог турок — Бог любви («Мегапет уллах»). Из этого различія они выводили необходимость различных религій для каждаго из двухъ народов.

Тюркисты в особенности были весьма непримиримо настроены в отношеніи шитскаго вѣроисповѣданія, которое исповѣдывали татары Закавказья и Сѣверной Персін. Шитизм былъ серьезнымъ препятствіемъ къ объединенію этихъ татар с турками, принадлежащими, какъ извѣстно, къ суннитскому вѣроученію*).

Наконецъ, послѣднимъ пунктомъ в программѣ тюркизма была борьба противъ *оттоманизма*, о которой мы подробно говорили в предыдущихъ главахъ.

Многіе, незнакомые с исторіей турецкаго общественнаго движенія за послѣднія десятилѣтія, удивляются реформамъ Кемаля паши и в особенности той поразительной легкости, с которой онѣ были проведены в жизнь турецкимъ диктаторомъ. Вышеизложенное, мы полагаемъ, разъясняетъ эту загадку. Кемаль паша никакихъ звѣздъ с неба не хватал; онъ,

*) Чтобы дать понятіе о громадныхъ результатахъ, достигнутыхъ тюркистами в дѣлѣ борьбы с пріоритетомъ и вліяніемъ религіи, достаточно противопоставить два историческихъ факта: в 1909 г. в Константинополь была закрыта газета «Ени Газета» за то, что в день рожденія Магомета («Мевлуд») она не помѣстила авшлагомъ на первой страницѣ хвалебныхъ молитвъ Пророку; но послѣ войны другая газета «Иттихатъ» уже осмѣливалась печатать рядъ статей подъ такимъ заголовкомъ: «Были ли Магометъ лунатикомъ», не подвергаясь за это никакимъ правительственнымъ карамъ.

осуществилъ только программу тюркистовъ, опираясь на чувство того общественнаго мнѣнія, которое было подготовлено турецкими пантुरанистами в продолженіе послѣдняго десятилѣтія.

Но осуществляя до послѣдняго пункта программу тюркистовъ, Кемаль нераздѣльно связалъ свое имя с пантुरанистскимъ движеніемъ...

IX.

ПАНТУРАНИЗМ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Пантуранистское движение было направлено главным образом против России, так как «туранская ирредента» находилась почти целиком под ее игом. По этой причине против России же была направлена яростная пантюркистская пропаганда, полная ненависти к «московам», к этим «варварам и исконным поработителям народов».

Накануне мировой войны антирусское настроение особенно усилилось среди турок, в связи с проектами тех реформ, которые предполагалось ввести в восточных вилаях (Арменія) Турции по требованию великих держав. Главным зачинщиком этих реформ турки считали Россию, которая подготовляла, думали они, новый — после балканской войны — удар для Турции. По мнѣнию политических руководителей Турции весь, так называемый, армянский вопрос был ни больше и ни меньше, как направленной против Турции русской интригой, преследующей двойную — оборонительно-наступательную — цель. Армянские же революционеры, «главарь которых происходили из кавказских армян», были просто русскими агентами.

Создавая из восточных вилаях Турции автономную Арменію, Россия, разсуждали турки, ставит себя слѣдующія цели:

1) Воспрепятствовать созданию однородного и сильного турецкаго государства, к чему стремятся тюркисты.

2) Забить клин в единый тюркскій мир, чтобы отрѣзать турок от туранских народов России и разрушить таким образом все планы пантюркизма.

3) Подготовить выход к теплым водам, к Средиземному морю и к Архипелагу.

Этой «махинации» России турки могли помѣшать лишь вступленіем в войну на стороне ее врагов и одержаніем над нею побѣды, в чем, кстати, они никогда не сомнѣвались.

Таким образом военные цели Турции ясно опредѣлились задолго до вступленія ее в мировую войну.

Онѣ сводились к слѣдующему:

1) Турки стремились отмѣнить капитуляціи и раз навсегда освободиться от вмѣшательства держав во внутреннюю дѣла Турции.

2) Отуречить Турцію, разрубив по методу Александра Великаго гордые узел національных меньшинств, т. е. «очистив» страну от не-турецких и, главным образом, христіанских элементов.

3) Устранить препятствіе, лежащее на пути объединенія двух половин тюркского народа, посредством прямого уничтоженія и физическаго истребленія клином врѣзавшагося в турецкое море армянскаго населенія как Турции так и Закавказья.

4) И, наконец, в случаѣ пораженія России, воспользоваться ее временным ослабленіем и, взорвав ее изнутри,

освободить ея тюрко-татарских подданных и объединить их с Турціей.

К этой программѣ нѣкоторыя турецкія группы прибавляли и дополнительный пункт: освобождение всѣх мусульманских народов и заключение военнаго союза между ними. Это панисламистское добавленіе было сдѣлано из тактических соображеній, чтобы привлечь на свою сторону такія мусульманскія страны, как Персія, Афганистан и пр. Отчасти же оно было результатом того, что панисламистскія стремленія были еще не совсѣм изжиты в нѣкоторых турецких кругах, считавших нужным использовать в военных дѣлах вмѣстѣ с національным и религиозное чувство народов*).

«Объединенная и независимая Туранія, говорили тюркисты, должна стать центром тяготѣнія для всего магометанскаго міра. Аравія, Египет, Марокко, Алжирія, Тунис,

*) По этому вопросу существовали разногласія между Энвером и Халилом. Энвер паша склонен был цѣной ряда политических уступок привлечь к Турціи омпатіи мусульманских народов и с их помощью осуществить потом идеалы пантуранизма.

Халил паша, наоборот, считал, что нельзя питать никакого довѣрія к мусульманам не-туркам. Его взоры были обращены на Кавказ и на Центральную Азію, захват которых он считал одной из ближайших задач турецкой арміи. Послѣ завоеванія этой колыбели туранских народов, Турція должна была, по мнѣнію Халила паши, приступить к организациі обширной Туранской Имперіи — великой и объединенной Тураніи. Во главѣ этой имперіи Халил мечтал видѣть своего внука, прозваннаго им по имени его «славнаго предка» Чингизом...

*) См. статьи Эрнста Парагина в «Берлинер Тагеblatt» за 19-24 января 1920 г. и еще Roger Labonne. La Crise Orientale. Le Correspondant. 1922, стр. 385 и слѣд.

Персія, Афганистан и т. д., сохраняя внутреннюю независимость перед внѣшним міром, должны всегда выступать единым фронтом. Магометанскій мір должен стать недѣлимой политической единицей*).

Но самым ярким документом, откровенно излагавшим пантуранистскіе планы Турціи, был циркуляр всеильнаго Младотурецкаго Центрального Комитета, разосланный всѣм отдѣлам партіи по случаю вступленія Турціи в войну.

Приводим нѣсколько выдержек из этого замѣчательнаго документа.

«Московы (русскіе), слѣдуя завѣтам Дали Петро**), поставили себѣ цѣлью уничтоженіе турецкой націи. Англія и Франція, до сих пор считавшіе существованіе Турціи отвѣчающим их интересам, теперь совмѣстно с Россіей стремятся к ея разрушенію, чтобы, затѣм, безпрепятственно поглотить Индію, Египет, Тунис, Алжирію, Марокко и пр.

«Но развѣ могли мы ничего не сдѣлать и оставаться спокойными тогда, когда наши естественные союзники находились в войнѣ с Россіей, заклятым, непримиримым вѣковым нашим врагом?».

Дальше идет формулировка цѣлей войны.

«Мы не должны забывать, говорится в циркулярѣ, что цѣлью нашего участія в мировой войнѣ для нас является не одно только спасеніе нашей страны от угрожающей ей гибели. Нпт, мы преследуем и болѣе непосредственную цѣль — осуществленіе нашего національнаго

*) Tekin Alp. Turkismus und Panturkismus. Weimar, 1915. Verlag Gustav Kiepenheuer.

**) Дали Петро — Сумасшедшій Петр, так называют турки Петра Великаго.

идеала, который требует, чтобы мы, разбив нашего московского врага, довели нашу Имперію до ея естественных грании, которыя охватили-бы и объединили всѣ наши соплеменные народы*).

Послѣдовавшія затѣм военныя событія, как напримѣр, поход Энвера-паши в Закавказье и на Дагестан, его планы овладѣть Туркестаном и Средней Азіей показали, что Турція окончательно вступила на путь пантуранизма и что задачей ея военных дѣйствій является полное осуществленіе программы пантюркистов.

Затѣм, немедленно по вступленіи в войну Турція приступила к выполненію отдѣльных требованій этой программы, причем два пункта послѣдней Турціи удалось осуществить в первый же період войны. Она отбѣнила *капитуляцію* и, поголовным истребленіем турецких армян, сняла *преграды, лежащія на путях ея к Турану*. «Для ликвидаціи армянскаго вопроса я в три мѣсяца сдѣлал больше, чѣм Абдул Гамид за тридцать лѣтъ», цинично заявил Талаат паша, говоря, увы, полную правду.

Этим, однако, успѣхи турок и ограничились. Война приняла для них неудачный оборот; «каграман мемедчик»** отступал перед русскими «чудо-богатырями», и анатолійскія области, одна за другой, переходили в руки «московов». Турки вмѣсто того, чтобы приближаться к Турану, все

*) Tekin Alp. Turkismus und Panturkismus, стр. 50-55.

***) «Каграман Мемедчик» — герой Мемед, так называли турки своих солдат.

болѣе и болѣе отдалялись от него. Пантуранистскія мечты разсѣивались и турок охватывало отчаяніе.

Но... свершилось чудо: в Россіи вспыхнула революція и всѣ событія пошли по иному...

* * *

Русская революція 1917 г. дала передышку туркам и оживила в них надежду на окончательное спасеніе. Но она же накопчила розовыми надеждами и сердца російских тюрко-татар.

С самаго начала возникновенія войны между Россіей и Турціей сочувствіе татар было на сторонѣ турок. Непосредственно перед войной между представителями кавказских татар и турецкими дѣятелями было заключено даже нѣчто вродѣ военнаго соглашенія. В 1913 г. в пограничном с Россіей городѣ Баязетѣ состоялось пантюрокское совѣщаніе, с участіем делегатов от Турціи и Азербайджана, на котором было постановлено направить всѣ усилія к скорѣйшему осуществленію объединенія восточных и западных турок, с каковой цѣлью и было заключено соотвѣтствующее соглашеніе на случай войны.*)

Но военные успѣхи Россіи и твердый курс русскаго правительства дѣлали невозможным какое бы то ни было антироссійское выступленіе и російскіе тюрко-татары на первое время держали себя лояльно.**)

*) От Азербайджана на этой конференціи участвовали Ахмед Агаев, Разул Заде и Топчибашев.

***) Для иллюстраціи истиннаго настроенія мусульманскаго населенія Россіи не лишне будет указать на событія в Аджаріи. Стоило турецкой арміи приблизиться в 1915 г. к границам Аджаріи, как там вспыхнуло востаніе, жестоко потом подавленное русскими войсками.

Россіи интриговали только эмигранты пантуранисты. Так, напримѣр, в 1916 г. группа російских татарских дѣятелей посылает президенту Вильсону обращеніе, одобренное «Конференціей Народностей» в Лозаннѣ, в котором от имени російских татар, башкиров, киргизов, сартов, казаков, туркмен и горцев — «численностью в 25 миллионов» — просит «притти на помощь и спасти эти народы от окончательнаго истребленія». Обращеніе это было подписано знакомыми лидерами російских пантуранистов: Кази Абдурашид Ибрагимом, Ахмедом Агаевым, Юсуфом-Акчурой и Али Гуссеинзаде*). На той же Лозанской конференціи представители различных групп російских тюрко-татар требовали самостоятельности, для своих народов и полной независимости для Хивы и Бухары. Затѣм всѣ делегаты единогласно высказали пожеланіе об объединеніи с Турціей федеративными узлами.**)

Русская революція, как мы сказали, открыла надеждами в числѣ других національностей и російских тюрко-татар. Она дала им возможность сорганизоваться, как національным группам, и легально формулировать свои національныя требованія. В продолженіе всего 1917 г. имѣл мѣсто ряд общемусульманских съѣздов, на которых выносились резолюціи о желательном, с точки зрѣнія руководителей тюрко-татар, устройствѣ жизни этих народов. В этих официальных резолюціях вначалѣ вопрос о немедленном отдѣленіи от Россіи не ставился, или точнѣе откладывался

*) Revue du Monde Musulman. Dec. 1922. vol. LII, стр. 6-7, и Dec. 1923. vol. LVI. стр. 146-147.
**) L'Islam et la politique des Allies. Dr. Enrico Insabato. 1920, стр. 220.

на будущее время. Тюрко-татары хотѣли бы, по образному выраженію Расул Заде, имѣть лишь «собственную комнату в общероссійском домѣ». На общемусульманском съѣздѣ, состоявшемся в Москвѣ 1/14 мая 1917 г. Расул Заде выступает с требованіем автономіи для каждой тюрко-татарской группы, откладывая вопрос об их объединеніи на будущее время. «Рѣка cadaго народа, говорил он, должна протекать по собственному руслу. Но придет день, когда всѣ тюркскія рѣки сольются в одно общее, великое тюркское море».

Состоявшійся осенью 1917 г. в Казани второй мусульманскій съѣзд уже нарушает границы лояльности по отношенію к Временному Правительству. Он принимает постановленіе «не ожидая созыва Учредительнаго Собранія, немедленно приступить к осуществленію права самоопредѣленія народов» и в этих цѣлях поручает военному мусульманскому конгрессу приступить к организациі отдѣльной мусульманской арміи. На случай же если русское правительство не разрѣшит организациі національной арміи, съѣзд постановляет «не подчиняться ему, в виду крайней необходимости для мусульман имѣть свою военную силу»*).

Однако, все-же в общем позицію російских тюрко-татар в період управленія Временнаго Правительства нужно характеризовать как позицію внѣшне-лояльную и выжидательную. С другой стороны лояльность эта была обратно пропорціональна силѣ и авторитетности государственной власти. По мѣрѣ внутренняго ослабленія этой власти и тюрко-татарскія группы становились все болѣе и болѣе

*) Die Kongresse der Mahammedaner Russlands in Kazan. Von H. Altdorffer. Der Neue Orient, Band II. Nummer I. Oct. 1917.

откровенными, а их требования и поведение — неприкровоенно антиросійскими и туркофильскими. Ярче всего это проявилось *послѣ большевицкаго переворота* и в особенности на сосѣднем с Турціей Кавказѣ.

*
* *

«Большевики совершили революцію, захватили власть и стали танцевать в церквах», такова была редакция официальной турецкой телеграммы, сообщавшей об октябрьском переворотѣ в Россіи. Да, Россія съума сошла и передала власть над страной одержимым людям, — иначе не могли объяснить турки смысл происшедших и происходивших там событий. Но туркам это «бѣснованіе» «московов» пришлось как раз кстати.

Послѣ октябрьскаго переворота побѣдоносная русская армія, державшая в своих руках $\frac{1}{2}$ территории Турціи, покинула эти области и направилась домой. Кавказскій фронт был оголен и перед турками открылись широкія и заманчивыя перспективы. В продолженіе короткаго времени они вернули себѣ всѣ завоеванныя области и подошли вплотную к русским границам на Кавказѣ.

Заклученный затѣм в Брест-Литовскѣ с «танцующими в церквах» большевиками мир возвратил им и занятыя Россіей в 1879 г. Карскую, Ардаганскую и Батумскую области. Турція получила больше, тѣм она могла бы рассчитывать и, казалось, что ея игра на кавказском фронтѣ должна быть кончена, тѣм болѣе, что на других фронтах (Мессопотамскій и Сирійскій) дѣла ея шли очень скверно. Но турки, вопреки настойчивым требованиям главнаго

германскаго штаба — прекратить военныя дѣйствія на Кавказѣ и перебросить восточную армію против англичан, — продолжали свои передвиженія вглубь Закавказья, усиливая свою армію новыми галлиполійскими дивизіями.

Чѣм объясняется такое, противорѣчащее логикѣ вещей, поведение турок? — Тѣми цѣлями, которыя поставили себѣ турки, вступая в войну. А главной из этих цѣлей, как мы видѣли, было освобожденіе тюрко-татарскаго населенія Россіи и объединеніе его с Турціей. Перед этой основной цѣлью отступали всѣ другія задачи и разные стратегическіе разсчеты, и турки, даже цѣной разрыва с Германией, продолжали свои военныя дѣйствія на Кавказѣ, послушные зову тѣх миллионов россійских тюрко-татар, которые молили их о своем «освобожденіи».

И первыми в числѣ этих миллионов сбросили свои маски азербайджанскіе татары.

С момента начавшагося отхода разложившейся кавкасской арміи вся дѣятельность азербайджанских татар была строго сообразована с военными задачами турецкой арміи, направленными, как мы указали, к захвату, в первую очередь, Закавказья. Комбинированныя дѣйствія турок и татар были направлены против армян и армянских военных сил, ставших на смѣну русских частей и взявших в свои слабыя руки защиту кавказскаго фронта от турок и тыла — от татар. *Самым интересным в поведеніи закавказских татар было то, что они руководились стремленіем не к независимости от Россіи, а к отдачѣ себя и всего Закавказья под власть турок.* Этого они добились очень быстро, сломив сопротивление армян и пользуясь нейтралитетом грузин. Зимой 1918 г., когда уже русских войск больше не было

в Закавказье (за исключением Баку), Азербайджан стал турецкой провинцией. Такой он остался и после формального провозглашения в мае того же года своей независимости.

«Азербайджан наконец достиг своей цели, — говорил в елисаветпольской мечети глава азербайджанского правительства Хан-Хойский, обратившись к главнокомандующему турецкой армией Нури-паша, — и наконец осуществился вѣковой идеал всех турок — объединение их под знаменем султана. И с трепетом сердца ждут теперь турецкую армию, несущую им освобождение, горцы Кавказа, татары Поволжья, сарты Закаспия, узбеки и киргизы, хивинцы и бухарцы Центральной Азии». Эту знаменательную речь Хан-Хойский кончает возгласом: «Да здравствует турецкая армия, да здравствует объединение всех тюрков!».

И на завершение дела объединения всех турок шла армия Нури-паши. В начале сентября она «освободила» Баку, вырвав 30 тысяч мирного армянского населения, а в конце того же месяца уже дралась под Петровском, идя на «освобождение» горцев Кавказа. С действительным трепетом сердечным ее ждали пантуранисты Туркестана и Поволжья, куда и направлял свою армию Энвер-паша, как вдруг случилось второе чудо, разрушившее на этот раз уже планы самих пантуранистов: война кончилась поражением союзников Турции и добравшаяся до преддверья Турана ее армия должна была отказаться от своей дальнейшей миссии и повернуть свое лицо обратно к Анатолии, к своим прежним государственным границам...

Так кончилась на полпути одна и наиболее яркая фаза пантуранистского движения.

Х.

ПАНТУРАНИЗМ ВО ВРЕМЯ КЕМАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

Первым крупным последствием военного поражения Турции было падение кабинета Талаата паши. Это было не обычной смѣной правительства, а началом настоящего переворота, ибо вмѣстѣ с отставкой младотурецких министров произошла и самоликвидация непрерывно господствовавшей с 1908 г. всеильной партии «Единение и Прогресс» и переход власти в другие руки. Младотурецкие лидеры и все министры, занимавшие свои посты в течении войны, боясь репрессий союзников, бѣжали из Турции, и с этого момента партия «Иттихат» сошла окончательно с политической сцены, прекратив навсегда свое существование.

Все это произошло однако не вследствие изменившихся в странах политических настроений, а исключительно под давлением внешней силы — союзников. Турецкое общество — и в особенности военная молодежь — осталась вѣрным тѣм идеям, которые руководили политикой младотурок, доказав это тѣм, что огромное большинство депутатов, посланных в созданный после войны парламент, оказалось принадлежащим к младотурецкому течению.

Союзныя державы на сѣгну кабинета Талаата папи призвали к власти представителей так называемых старотурок и членов англофильской партіи «Иттилаф», людей, не пользовавшихся никаким вліяніем в Турціи. Опираясь не на добріе турецких политических кругов, а исключительно на силу союзных штыков, это новое правительство возбудило против себя непримиримо настроенную Анатолию. Возникший, таким образом, конфликт, между константинопольским правительством и цѣлым рядом восточных провинцій, привел эти послѣднія к открытому неповиновенію султанскому правительству. Основная причина этого разрыва заключалась главным образом в различном подходѣ отдѣльных групп турецкаго общества к тѣм планам союзников, которые существовали у них по отношенію к Оттоманской Имперіи. Эти планы были извѣстны туркам; о них говорили открыто послѣ перемирія почти всѣ государственные дѣятели Европы и Америки, и турки отлично понимали, что на предстоящей мирной конференціи вопрос о Турціи станет, как вопрос о самом существованіи Оттоманской Имперіи.

Как-же надлежало отнестись к этим планам, грозившим, в случаѣ своего осуществленія, уничтожить независимость Турціи и отдать цѣлыя турецкія области под власть держав побѣдительниц или покровительствуемых ими народов?

Вокруг этого основного вопроса и шли разногласія между отдѣльными политическими и военными группами турок.

Султанское правительство и близко к нему стоящіе константинопольскіе круги, находясь под непосредственным давленіем союзнической военной силы, в концѣ концов

рѣшили покориться волѣ побѣдителей, пойти на мирную конференцію и постараться, путем дипломатических переговоров, спасти то, что можно еще было спасти. Они находили, что дѣло пантуранизма окончательно проиграно, что думать о великом національном идеалѣ, при создавшихся условіях, невозможно и что турки, ради собственнаго спасенія, должны отказаться не только от своих завоеваній на Кавказѣ, но и от тѣх территорій Оттоманской Имперіи, которыя были населены не-турецкими элементами.

Иначе думали тѣ націоналистически настроенные слои населенія, которые находились в Малой Азіи, в рядах оставшейся там арміи. Будучи внѣ предѣлов досягаемости союзническаго оружія, эти круги были свободны и от того паническаго настроенія, которым было охвачено турецкое общество в самом Константинополѣ. Офицерство и высшіе руководители побѣдоносной кавказской арміи не хотѣли признавать своего пораженія, не хотѣли отказаться от того національнаго идеала, для осуществленія котораго, они, принесли столько жертв, дошли до Баку и до Дагестана.

Надлежало во что бы то ни стало спасти Турцію от окончательнаго раздѣла и сохранить ее, как независимое и сильное государство. И это не только во имя чести и интересов анатолійских турок, но и во имя той великой миссіи, которую исторія возложила на Турцію. Правда, Турція теперь побѣждена и принуждена отказаться на время от выполненія этой миссіи, но завтра, когда обстоятельства измѣнятся, она вновь возьмет в свои руки дѣло освобожденія туранских народов. Вот приблизительно то настроеніе, которым была охвачена в Анатолиі военная и гражданская молодежь, положившая начало національному движенію,

получившему в дальнѣйшем названіе кемалистскаго, но имени своего вождя Мустафы Кемаль-паша.

Это національное движеніе открыло новую эру в исторіи Турціи, послужив началом глубоких внутренних премѣн в странѣ. Оно в дальнѣйшем своем развитіи привело не только к измѣненію формы правленія (республика), но и — что гораздо существеннѣе, — к измѣненію самаго типа государства. Кемалисты шли под лозунгом отказа от типа имперіи, с многонациональным составом населенія, и вступили на путь созданія однороднаго *турецкаго* государства. Продолжая дѣло младотурок, — «вычистивших» восточные вилайеты от армянскаго населенія, — кемалисты вырѣзали или выгнали из Малой Азіи другое значительное національное меньшинство — греков и заняты теперь третьей группой — курдами. *Тюркистскій* лозунг: «Турція только для турок», подхваченный кемалистами, близок, таким образом, к осуществленію в современной турецкой республикѣ.

Второе — и не менѣе важное измѣненіе — произошло в области политическаго руководства турецким государством. На смѣну младотуркам, как мы сказали выше, пришло к власти *новое* поколѣніе — *турецкіе націоналисты* или как их обычно называют *кемалисты*. И хотя в их ряды вступило много младотурок, хотя многое из программы и идеологіи «Единенія и Прогресса» перешло к кемализму, все же кемализм не был лишь новым изданіем «иттихатизма» (младотуркизма).

Он был выкристаллизовавшимся стопроцентным тюркизмом и к нему примкнули как раз тѣ из младотурок, которые больше всѣх были заражены шовинизмом и пантюранизмом. Конечно, и кемализм имѣл свою эволюцію. Вна-

чалъ он не был тѣм, чѣм стал позже. В условіях разра- зившейся военной катастрофы, когда требовалась величай- шая осторожность, кемалисты принуждены были выступать со свернутыми знаменами. Дальнѣйшіе их успѣхи дали им возможность до нѣкоторой степени развернуть эти знамена. И хотя онѣ так и остались полуразвернутыми до наших дней, но опытному глазу не трудно видѣть, что знамена, под ко- торыми шли на борьбу кемалисты, были знаменами пан- тюркизма и пантюранизма.

При всем своем энтузіазмѣ, граничившим с авантюриз- мом, турецкіе націоналисты, идя на борьбу с державами побѣдительницами, хорошо сознавали, что всего спасти им не удастся. И они шли спасать хотя бы часть того, что по проекту союзников должно было быть отнято у Турціи.

Но какую часть?

По соглашеніям, заключенным между союзниками во время войны и по проектам, всплывшим послѣ перемирія, от Оттоманской Имперіи должны были отойти всѣ арабскія земли (Сирія, Мессопотамія, Аравія), южное и восточное побережья Малоазіатскаго полуострова, Фракія и Армянскія области. И вот перед лицом всѣх этих территоріальных по- терь, турецкіе націоналисты первѣйшим лозунгом своей борьбы выставили лозунг удержанія армянских областей и воспрепятствованіе созданію армянскаго государства.

Чѣмъ это объяснить? В чем было важное для Турціи значеніе голаго армянскаго плоскогорья?

Только в одном: имѣя под своей властью армянскія области, Турція входила в непосредственную территоріаль- ную связь с Азербейджаном и с другими туранскими народа- ми Центральной Азіи, т. е. сохраняла в своих руках воз-

возможности осуществления в будущем своих пантуранистских планов. И этот центральный пункт программы национального движения, как известно, туркам в конце концов удалось отстоять в полной мере.

Соглашаясь под тем или иным видом на откол Западной Фракии, Сирии и Месопотамии и на образование новых арабских государств, турецкие националисты настаивали на сохранении за будущей Турцией такой территории, которая дала бы ей возможность существовать как достаточно сильному государству.

Наконец третьим их требованием было предоставление Турции полной независимости и отмены всех ограничений, поражающих ее суверенитет.

Осуществление всех этих требований, сформулированных в «национальном пакте», обеспечило бы за Турцией положение сильного и независимого туранского государства и дало бы ей возможность стать в будущем таким политическим центром, к которому были бы обращены взоры всех остальных малых туранских народов.

Таким образом, программа национального движения Турции («Национальный пакт») выходила из предельных «защиты прав Анатолии и Западной Фракии», — что якобы являлось существенной целью турецких националистов, — и включала в себя более широкие — пантуранистские задачи.

На что рассчитывали турецкие националисты, объявив войну всесильной Антанте? На три фактора:

1) На силу собственного оружия, 2) на поддержку тюрко-татарских и вообще мусульманских народов всего

мира и 3) на благоприятно сложившуюся для них международную обстановку.

30 октября 1918 г. османским правительством подписывается с союзниками «Мудросское перемирие», по которому союзники, между прочим, получают право занимать своими войсками любой пункт Турции. Но союзники не только никакого «пункта Турции» не занимают, но даже не добиваются разоружения турецкой армии. Об этом, оказывается, английский адмирал *забывает* включить специальный пункт в условия договора о перемирии... Союзники, имея возможность в любой момент занять столицу Турции и припудить константинопольское правительство к нужным для них уступкам, упускают из виду значение Анатолии и стоявшей там вооруженной турецкой армии.

Результаты этого ошибочного расчета не заставили себя долго ждать. Сейчас же после заключения перемирия возникает общество под названием «Национальная Защита» («Мюдафайэ Миллие»), которое ставит себя целью удержать за Турцией Восточную Анатолию и, как об этом заявил Реуф-паша, «воспрепятствовать присоединению восточных вилаетов к Армении»). Двоятели этого общества объявили, что «Население Восточной Анатолии готово бороться до конца против создания армянского государства».

В начале 1919 г. образовывается ряд других национальных групп, главным образом из военных начальников анатолийской армии, и все они ставят себя целью *силою оружия отстоять национальные права Турции и бороться против чрезмерных требований держав победительниц*.

*) Jean Schlicklin, L'Aube de la Turquie Nouvelle. 1919-1922, стр. 19.

Через нѣсколько мѣсяцев, а именно лѣтом 1919 г. всѣ эти группы, в цѣлях координаціи своих дѣйствій, собираются на конференцію в Эрзерумѣ (10 июля - 7 августа 1919 г.) гдѣ впервые и формулируются основныя программныя положенія національнаго движенія, получившія название «*Турецкаго Национальнаго Пакта*». 15 июля Эрзерумскій конгресс обращается с телеграммой к султану и сообщает ему содержаніе «Национальнаго Пакта». Эта телеграмма кончалась слѣдующей угрозой по адресу союзников: «мы покажем міру, говорят турецкіе націоналисты, что может сдѣлать воля и храбрость турок и оттоманов».

9 сентября того же года собирается в Сивазѣ второй конгресс націоналистов, на котором председательствует приглашенный возглавлять движеніе Кемаль-паша. Сивазскій конгресс единогласно принимает всѣ статьи «Национальнаго Пакта», порываетъ связь с константинопольским правительством и выбирает так называемый «Представительный Комитет» («Хіати-и-Темсиліе»), которому и вручает управление захваченными національным движеніем анатолійскими властями.

Конгресс особо обсуждает и главный пункт программы націоналистов — вопрос об Арменіи и по этому вопросу принимает соответствующую резолюцію, в которой турецкіи націоналисты заявляют, что «будут вести рѣшительную борьбу против всякаго движенія, поставившаго себѣ цѣлью созданіе во вред Турціи независимой Арменіи». Вообще Сивазскій конгресс принимает явно пантуранистскій характер, что показывает, между прочим, и нѣсколько своеобразный состав его. На нем кромѣ турок присутствовали, напри-

мѣр, делегаты и от тюрко-татарскаго населенія Кавказа, Сѣверной Персіи, Туркестана и пр.

Дальше событія развиваются в такой последовательности. 12-го января 1920 г. в Константинополь открывается парламент новаго созыва, в состав котораго входит большинство участников конгрессов — лидеры національнаго движенія. 28-го января они вносят в парламент «Национальный Пакт», который принимается большинством голосов. Опасаясь, что дальнѣйшая дѣятельность націоналистически настроеннаго парламента создаст непосредственную угрозу для положенія союзников в Турціи, послѣдніе разгоняют этот парламент, арестовываютъ часть депутатов и занимаютъ Константинополь.

Часть депутатов разогнаннаго парламента бѣжит в Анатолію, гдѣ они объединяются в так называемой «Группѣ защиты прав Анатоліи и Западной Фракіи». Под руководством этого объединенія 23 апрѣля 1920 г. в Ангорѣ открывается Великое Национальное Собраніе, выдѣлившее из своей среды правительство — Совѣтъ Исполнительныхъ Комиссаров — в вѣденіе котораго и передается руководство отдѣльными отраслями государственной жизни.

На этомъ заканчивается процесс организаціи сил турецкаго національнаго движенія. Опираясь на них кемалисты, как извѣстно, доводитъ свою борьбу до благополучнаго конца, с одной стороны захвативъ в свои руки государственную власть надъ всей территоріей Турціи и с другой — вырвавъ в Лозаннѣ от союзниковъ мир, на благопріятныхъ для Турціи условіяхъ.

Первенствующую роль в побѣдѣ турецкихъ націоналистовъ сыграла ихъ всѣруженная сила. Учитывая все ея значеніе и

удѣля ей главное свое вниманіе, они, однако, не забывали и о других средствах, могущих оказать давленіе на союзников и, в особенности, на Англию. Одним из таких средств была угроза поднять против Англии весь туранскій и даже мусульманскій мір. Эта угроза, тогда была гораздо реальнѣе, чѣм до и во время войны и это потому, что лозунг освобожденія народов, ставшій таким популярным по окончаніи войны, коснулся и сознания туранских и вообще восточных мусульманских народов, пробудив в них чувство національнаго самосознанія. Первым его выраженіем было подчеркнутое высказываніе с их стороны симпатій к Турціи и к турецкому національному движенію. Кемалисты не преминули воспользоваться и этим орудіем, обращаясь главным образом к услугам орудовавших в Берлинѣ и в Москвѣ младотурок.

И, наконец, послѣднее, чѣм воспользовались турецкіе націоналисты, была сложившаяся послѣ войны международная обстановка и, в частности, начавшійся разногласія между союзниками с одной стороны и появленіе в Россіи большевистской власти — с другой.

С пораженіем Германіи прекратились тѣ особыя отношенія, которыя издавна существовали между нею и Турціей. Младотурки, как извѣстно, строили всю свою внѣшнюю политику на исключительной ориентаціи на Германію. Эта политика под конец привела Турцію к вассальному подчиненію Германіи. Турецкіе націоналисты всегда были против такой односторонней ориентаціи, а в послѣдній період войны, они даже открыто выступали с выраженіем неудовольствія против возрастающаго вліянія Германіи в Турціи и в Азій, видя в нем препятствія к осуществленію своих пантуранист-

ских планов. Послѣ перемирія турецкіе націоналисты от-вернулись от потерпѣвшей пораженія Германіи, обращая свое вниманіе на тѣ новыя международныя взаимоотношенія, которыя так выгодно для Турціи сложились послѣ мировой войны. Россія, вчерашняя союзница Англии и враг Турціи, сегодня стала заядлым врагом Британской Имперіи и другом національной Турціи, которая не только освобождалась — по крайней мѣрѣ на время — от вѣчно угрожавшаго ей русскаго империализма, но и в лицѣ Совѣтов приобрѣтала вѣрную против Англии союзницу. Но в борьбѣ с Англией, — как вскорѣ это обнаружилось — кемалисты могли рассчитывать не только на Россію, но и на самих союзников Англии — на Италію и Францію. Существующія между союзниками разногласія по восточному вопросу привели к тому, что сперва Италія, а потом и Франція начали тайно, а иногда и открыто оказывать всяческую помощь Турціи в ея борьбѣ с Англией и греками. Италія по линіи Адалія-Конія снабжала кемалистов оружіем, Франція в самый разгар борьбы бросила Киликію туркам, оставив им огромное количество военного снаряженія и пр. Но самую большую помощь кемалисты получили от русских большевистско-кемалистских взаимоотношеніях, мы можем смѣло утверждать, что Совѣтская Россія сыграла рѣшающую роль в торжествѣ кемалистскаго оружія и что если Турція существует сегодня, как самостоятельное государство, то оно этим обязано главным образом русским большевикам.

Весьма любопытна исторія взаимоотношеній между турецкими націоналистами и русскими большевиками. Она возникает при самом началѣ турецкаго національнаго

движенія и развивается по двум направлєніям: через младотурок и через кемалистов.

Послѣ бѣгства из Константинополя, младотурецкіе лидеры во главѣ с Талаат-пашою, собрались в Берлинѣ гдѣ и приступили к новой «дипломатической» дѣятельности, стараясь завязать связи с политическими кругами и общественными организаціями Европы, освѣдомлять их о положеніи вещей в Турціи, оказывая через них давленіе на официальные круги союзников, склонить послѣдних к болѣе уступчивой политикѣ в турецком вопросѣ. С этой цѣлью Талаат-паша имѣл ряд свиданій с представителями союзных держав и добрался даже до секретаря Соціалистическаго Интернаціонала.

Но вскорѣ они убѣдились, что однѣми просьбами и обращеніями они добьются не многого, что союзники будут с ними считаться лишь тогда, когда они будут представлять какую нибудь реальную силу. И вот, не имѣя этой силы, младотурецкіе лидеры рѣшили прибѣгнуть к шантажу, угрожая союзникам возстаніем мусульманских народов. Они считали, что такая угроза окажет давленіе в особенности на Англію и заставит ее отказаться от своих весьма агрессивных по отношенію к Турціи планов.

Не находя никакого сочувствія своим планам в Германіи, младотурки обратились к русским большевикам, тогда метавшим так много грома и молній по адресу империалистической Антанты. Через находившагося в Берлинѣ Радека они обратились в Москву, гдѣ и нашли полное сочувствіе своим авантюристическим планам. Русскіе большевики дали согласіе всячески поддержать дѣятельность Энвера и Талаата, при условіи, однако, чтобы турецкая агитація среди

мусульман не была направлена против Совѣтскаго Союза. В реальность возстанія не вѣрила, повидимому, ни та ни другая сторона, но оба союзника знали, что в тѣ смутныя времена их шантаж не может не оказать извѣстнаго воздѣйствія на союзников.

Послѣ формально заключеннаго соглашенія ряд младотурецких лидеров переселяется в Москву, гдѣ в 1919 г. основывает «Лигу Освобожденія Ислама» при Мусульманской Секціи Восточнаго Отдѣла Наркоминдѣла. Эта Лига должна была имѣть еще два отдѣла, один в Берлинѣ, а другой — в Анатолиі.

В январѣ 1920 г. в Берлинѣ была созвана под председательством Талаат-паши конференція западнаго отдѣла Лиги, на которой присутствовали: Гусеин Рашид бей (от Московскаго Центра), Кючук Талаат (от «Единенія и Прогресса»), Нури Бедри бей (от анатолійских курдов), Бехджед Рійят (как представитель афганцев), Гусеин эн Нонсинги (от націоналистов Египта), Гази заде (от Персидскаго Азербайджана), Аганур (от персидских націоналистов в Хамаданѣ) и др.

С докладом о дѣятельности Московскаго центра выступает Гусеин Рашид, который указывает, что работа Лиги, благодаря мощной поддержкѣ Совѣтскаго правительства, развивается весьма успѣшно и что воззваніе Лиги нашло отклики во всѣх мусульманских странах, начиная от Туркестана и кончая Малой Азіей. Конференція сочла необходимым установленіе тѣсной связи с организаціей анатолійских націоналистов (кемалистов), с мусульmano-большевицкими группами («Единеніе и Прогресс») и с пангерманистами. Коснувшись вопроса об Арменіи, на которую

собирались наступать Кемаль-паша, собрание подчеркнуло необходимость скорѣйшаго уничтоженія этой «плотины», выросшей между двумя вѣтвями единого тюркского народа. *)

Во всей этой *истории*, как мы указали выше, было много политическаго шантажа. Младотурки и не думали поднимать Индію или Египет против Англии, великолѣпно сознавая, что это сдѣлать не в состояніи. Главный пландарм их дѣятельности была и осталась до конца Россія и главным образом Туркестан с Закавказьем. Развѣзжая на совѣтскія деньги по этим странам, они готовили мусульманскіе народы СССР к оказанію помощи Турціи, ведшей в то время неравную борьбу против союзников. Ими был придуман даже такой проект: в случаѣ неудачи національнаго движенія Кемалья, организованная младотурками из російских тюрко-татар армія врывается в предѣлы Турціи и объявляет ее совѣтской страной. Этим они рассчитывали спасти Турцію от окончательнаго раздѣла между союзниками. Большевики были в курсѣ этого «запаснаго» проекта и, поддерживая младотурок, они были увѣрены, что в концѣ концов логика вещей приведет турок именно к этому. С своей стороны, большевики вели свою особую работу на «совѣтизацію» Закавказья и Турціи, для каковой цѣли спѣшно организовывали из военно-плѣнных турок кадры компартіи Турціи.

Но успѣшное развитіе анатолійскаго движенія, выход из борьбы Италіи и Франціи и нейтралитет Англии быстро убѣдили Кемаль-пашу в том, что Турція легко справится с оставшимся в единственном числѣ врагом — греками и что

*) Bolschevism and the Turks. Quarterly Review, vol. 239. Jan.-April. 1923.

ей не нужно будет прибѣгать к помощи «запаснаго проекта» младотурок и большевиков. Придя к такому заключенію, Кемаль-паша перестал пользоваться и услугами младотурок, видя в них опасных для себя конкурентов. Разрыв его с младотурками поставил послѣдних в весьма затруднительное и ложное положеніе. Турція, та самая реально существующая Турція, от имени которой они выступали до сих пор, теперь объявляет, что она в них больше не нуждается и впредь хочет вести свою внѣшнюю политику *без посредников*, притом даже в той специальной области — в области взаимоотношеній с Совѣтами, — гдѣ, казалось, младотурки были незамѣнимы. Такое отношеніе Кемаль-паши лишило политику младотурок какой бы то ни было почвы. Младотурки постепенно исчезают с политической арены. Главные их лидеры: Талаат-паша, Бухаэддин Шакир и Джемаль паша были убиты армянскими террористами за учиненные ими погромы армян во время войны, остальные вернулись в Турцію работать с кемалистами, а оставшаяся в предѣлах СССР группа во главѣ с «коммунистом» Энвер-пашой, раскрыла свои панисламистскія карты и подняла против самих Совѣтов, организовав на совѣтскія деньги и предназначенная для борьбы с Англійей, мусульманскія массы Центральной Азіи. Но в одном из боев Энвер был убит и на этом прервалась полная авантюра дѣятельность младотурков СССР.

Гораздо серіезнѣе были — по своему содержанію и послѣдствіям — тѣ взаимоотношенія, которыя возникли уже между турецкими националистами (кемалистами) и русскими большевиками, приведшія, как извѣстно, к знаменитому договору дружбы, заключенному между ними в 1921 г.

В началѣ 1919 г. Кемаль-паша еще в Константинополѣ завязал сношенія с большевиками. Посредником был нѣмецкій полковник Шварц, который устроил свиданіе между ним и проживавшим в Константинополѣ большевиком агентом, нѣким Кацом. Послѣ этого свиданія, Кемаль, с согласія Москвы, послал туда журналиста Джелала Нури, который был принят там с большим почетом и имѣл аудіенцію даже у самаго Ленина. Глава русских коммунистов снабдил турецкаго журналиста большими деньгами, которых он должен был употребить на коммунистическую пропаганду в Турціи. Джелал Нури вернулся через Баку в Эрзерум и деньги эти полностью передал турецким націоналистам.

Послѣ этого между кемалистами и русскими большевиками установились тѣсныя взаимоотношенія, перешедшія скорѣ в прямое сотрудничество, о чем они и заключили осенью 1919 г. в Самсунѣ соответствующее соглашеніе.

На Сивазском конгрессѣ, имѣвшем мѣсто уже по заключеніи этого соглашения, мы видим в числѣ других делегатов и представителя Мусульманской Секціи Восточнаго Отдѣла Наркоминдѣла, нѣкогого Агапара Махмудова (русскаго татарина). Выступая от имени Совѣтской власти этот «делегат» увѣрял турок, что большевикское правительство является «другом и защитником ислама» и в частности «борющейся против империализма революціонной Турціи». Затѣм от имени своего правительства он признал турецкій «Национальный Пакт» и обѣщал оказывать всяческую поддержку туркам в дѣлѣ осуществленія принципов этого «Национальнаго Пакта».

Таким образом в тот момент, когда турецкіе націоналисты еще находились в стадіи организациі своих сил, когда

они имѣли против себя не только державы Антанты, но и само константинопольское правительство — объявившее Кемаль-пашу мятежником — совѣтское правительство безоговорочно и открыто встало на сторону турецких націоналистов, обѣщая им всяческую поддержку.

В чем тут было дѣло и какіе такіе общіе интересы связывали большевиков и кемалистов?

Когда возникло національное движеніе в Турціи, эта послѣдняя не имѣла уже *общих границ* с Россіей и *тѣх російскія территоріи (Закавказье), с которыми были связаны пантуранистскіе интересы турок, находились внѣ предѣлов Совѣтской власти.* Там распоряжалась теперь не Россія, а союзники, отнявшіе у турок не только «освобожденную» ими часть территоріи Турана (Азербайджан, Дагестан), но и своими проектами созданія великой Арменіи прозившіе раз на всегда похоронить идею пантуранизма. Вот почему в условіях тогдашняго времени борьба за Туран означала борьбу не против Россіи, а против союзников и главным образом против Англии. Но Англию и вообще державы Антанты ненавидѣли и русскіе большевики, ненавидѣли, имѣя на то свои особыя соображенія. Вот эта общая ненависть и привела кемалистов и русских большевиков к соглашенію и к союзу.

Заключая союз с Совѣтами, турки руководились исключительно своими національными интересами. Их положеніе тогда было таково, что этот союз принес бы им неизмѣримую пользу даже в том случаѣ, если бы его результаты сводились исключительно к соблюденію нейтралитета со стороны Россіи. Вообразите на миг, что стало бы с Турціей, если бы она имѣла тогда в своем сосѣдствѣ не то что враждеб-

ную, но хотя-бы только недоброжелательно настроенную Россию! Тогда ее не спасло бы ничего! И вот вместо этого турки приобретают в лице России союзницу, которая оказывает им моральную, дипломатическую и материальную помощь и, главное, не требуя ничего взамен! Ведь единственное, что требовали большевики от турецких националистов, это — продолжение борьбы против союзников до удовлетворения ими требований «Национального Пакта», что турки дѣлали и без того.

Эту безкорыстную дружбу большевиков турки использовали в полной мѣрѣ и не только в борьбѣ против чрезмерных домогательств союзников. Они ее использовали и в борьбѣ за свои «добавочныя», связанные с пантюранистскими вождѣльнями, цѣли. Успѣхом этой борьбы, разыгравшейся в предѣлах Закавказья (Арменія) и кончившейся захватом Турціей части территоріи бывшей Россійской Имперіи, кемалисты в значительной мѣрѣ обязаны опять таки русским большим якам.

Мы выше указали, что кемалистское движеніе было по существу не только національно-турецким, но пантюркистским или пантюранистским движеніем. Это в полной мѣрѣ доказывается и тѣми задачами, которыя оно поставило перед собою на своем восточном фронтѣ. Эти задачи, на худой конец, свелись бы к требованію восстановления на востокѣ границ 1914 г., если бы турецкіе націоналисты ограничились осуществленіем только своих національных цѣлей, вытекающих из непосредственных интересов анатолийских турок. Но мы знаем, что кемалисты, слѣдуя примѣру младотурок, домогались большаго. Они хотѣли на своем востокѣ создать по крайней мѣрѣ такое положеніе вещей, при котором путь

к Турану оставался бы открытым перед ними. Вот это-то обстоятельство и породило ту особую по отношенію к Закавказью политику, которую кемалисты проводили с таким рвеніем и послѣдовательностью.

Первой задачей, продиктованной этой политикой, было уничтоженіе армянскаго клина (независимая республика Арменія) и установленія территоріальной связи с Азербайджаном. На осуществленіе этой задачи и посвятили кемалисты всѣ свои силы.

В первый період послѣ перемирія, когда еще было сильно вліяніе союзников в Закавказьи, кемалисты не дѣлали открытых выступленій против Армянской Республики, у них была тогда другая забота: помѣшать присоединенію к этой республикѣ армянских областей Турціи. С этой цѣлью заключается 15 апрѣля 1920 г. военное соглашеніе между турецкими націоналистами и Азербайджанским правительством, в пунктѣ 7-м котораго сказано слѣдующее: «Комитет Защиты прав Анатолиі и Румелии дает категорическое обѣщаніе, что в случаѣ, если Арменія нападет на Азербайджан, и Азербайджанское правительство с своей стороны дает такое же категорическое обѣщаніе, что в случаѣ, если восточныя вилаеты Турціи будут отданы и присоединены к Арменіи — в обоих этих случаях заключившія соглашеніе стороны взаимно обязуются защищать свои интересы и дѣйствовать какъ единая армія».

Защищать права Турціи на эти армянскія области обязуется и совѣтская Россія, торжественно присоединившись на Сивазском конгрессѣ к турецкому «Национальному Пакту». Пятый пункт вышеупомянутаго турецко-азербайджанскаго договора предусматривает заключеніе чего то

в родѣ тройственнаго (Турція, Азербайджан, Совѣтская Россія) соглашения, направленаго против проектов созданія объединенной Арменіи. Он гласит так: «*Правительство Азербайджана обѣщаетъ продолжать способствовать сближенію между Совѣтской Россіей и «Комитетомъ Защиты прав Анатолиі и Румелии»* В случаѣ необходимости и оно само присоединяется къ этому согласію» Договор этотъ былъ подписанъ въ Эрзерумѣ товарищемъ военнаго министра Азербайджана Али Ага Шихлинскимъ и командующимъ 15-ой турецкой арміей Карабекиромъ Кязум-пашою. Вотъ что пишеть этотъ послѣдній по поводу договора в одномъ своемъ письмѣ: «*На основаніи условій договора, заключеннаго между нами, Азербайджаномъ и большевиками большое количество нашихъ офицеровъ, врачей и служащихъ потѣхло въ Азербайджан. Большевики предложили намъ немедленно открыть противъ армянъ военныя дѣйствія на границахъ Арменіи и противъ французовъ в Киликии. Организованная въ Дагестанѣ зеленая армія. *) подъ руководствомъ Энвера, Нури и Халила, должна пытаться в началѣ апрѣля войти въ Баку. Азербайджанскія войска должны оказать имъ мнимое сопротивленіе, чтобы оправдаться потомъ передъ союзниками. Объединившись съ зеленою арміей, азербайджанскія войска должны искать поводъ къ столкновенію съ Арменіей и одновременно съ находящейся в Анатоліи турецкой арміей ворваться въ предѣлы Арменіи и начать военныя дѣйствія противъ Армянской Республики».*

За этимъ подготовительнымъ періодомъ переговоровъ и военныхъ соглашеній слѣдуетъ періодъ открытыхъ дѣйствій. Онъ

*) Зеленая армія, т. е. мусульманская армія. Такъ называется она по зеленому цвѣту знамени Магомета.

наступаетъ тогда, когда союзническія арміи, передъ угрозой столкновенія съ спускавшейся съ Сѣвера красной арміей, оставляютъ Закавказье.

Но уходъ союзниковъ изъ Закавказья открываетъ не только его южныя границы передъ турками, но и сѣверныя — передъ большевиками. Наступаетъ весьма деликатный моментъ въ турецко-большевицкихъ отношеніяхъ. Экономическіе интересы Совѣтской Россіи (бакинская нефть) сталкиваются съ политическими интересами національной Турціи (пантуранизм). Конфликтъ этотъ разрѣшается, однако, безъ употребленія оружія другъ противъ друга и на компромиссныхъ началахъ.

Кемалисты в полной увѣренности, что турецкой Азербайджанъ при всякихъ условіяхъ останется вѣрнымъ Турціи, даютъ свое согласіе на вводъ туда большевицкихъ войскъ. Это произошло тогда, когда турецкіе пашы пользовались большимъ почетомъ у большевиковъ, когда всевозможныя «кампаніи» по организаціи красно-зелено-русско-татарскихъ армій были в полномъ разгарѣ. Эти арміи, какъ думали кемалисты, и должны были занять Баку, такъ что съ совѣтизаціей Азербайджана тамъ особыхъ измѣненій не могло бы произойти. Вотъ какъ объ этой любопытной исторіи рассказываетъ Кемаль-паша въ своей рѣчи, произнесенной на засѣданіи Турецкаго Национальнаго Собранія: «*Большевики, говоритъ Кемаль-паша, в цѣляхъ осуществленія своихъ плановъ и оцѣнивая ту пользу, которую представляетъ турецкій народъ для нихъ, обратились къ нашей поддержкѣ. Первымъ ихъ шагомъ была посылка 10-ой и 11-ой арміи на кавказскій фронтъ. Эти арміи довольно легко прошли черезъ Сѣверный Кавказъ и вошли въ Азербайджанъ, благодаря нашему содѣйствію и руководительству. Азербайджанцы встрѣтили эти войска съ большимъ удоволь-*

ствием. Эти армии предприняли нужные шаги с одной стороны против Армении и с другой — против Грузии».

Но «жертвуя» Азербайджаном, турки требовали себе компенсацию в вопросе об Армении. Они хотели уничтожить Армянскую Республику и захватить армянские земли, но для этого им нужна была помощь Советов. Эта помощь не замедлила прийти. На второй же день советизации Азербайджана его новое правительство совместно с командованием 11-ой красной армии*) начали бомбардировать правительство Армении ультиматумами, которые все кончались угрозами «осуществить свои требования силами красной армии РСФСР». Возложенную на советский Азербайджан задачу *занимать* Армению впредь до окончания Турцией своих военных приготовлений, они выполнили блестяще. Об этом свидетельствует и Исмет-паша в своем письме от 1 августа 1920, отправленном на имя Карабекера Кязум-паши. «*Мало вероятно, пишет Исмет-паша, чтобы Армения, так занятая нашими союзником Азербайджаном, была в состоянии напасть на ваши области***). *Халил-паша, который находится в командном составе тюрко-азербайджано-русских сил, успокаивает нас из Москвы, уверяя, что в случае нападения Армении на наши границы, она встрѣтит грозную силу у себя в тылу****)».

Осенью 1920 г. турки были уже окончательно готовы

*) Об этой армии Карабекер Кязум-паша так рассказывает в одном из своих писем: «... Кроме того, 11-ая *исламская* армия (большевицкая) пришла нам на помощь. Она перешла *нашу* кавказскую (он хочет сказать Азербайджанскую) границу».

***) Все восточные вилаеты Турции (армянские области) были выбраны тогда Карабекиру Кязум-паше.

***) Сводка Развед. Отд. Штаба Ком. Войсками Армении, 3 сент. 1920 г. N 21.

как в военном так и в дипломатическом отношении. Четрые анатолийских дивизии и турецко-курдские иррегулярные части были стянуты к границам Армении. Было обеспечено, как мы видели содействием и помощью азербайджано-большевицких сил. Оставалось выяснить вопрос о позиции Грузии. И вот по настоянию Кемаль-паши бывш. Ангорский министр земледелия Юсуф Кемаль выѣзжает из Баку (где он находился в числе других турок в качестве делегата на большевицком конгрессе восточных народов) в Тифлис, где на слѣдующий же день имѣет свидание с председателем Грузинского правительства Н. Н. Жордания и министром иностранных дел Е. П. Гегечкори. Это свидание кончилось... обѣдом в честь Юсуф Кемалья, что свидетельствовало о том, что миссия турок прошла благополучно. Через два дня Юсуф Кемаль, повидавшись с советским полпредом в Грузии Кировым, выѣхал в Анатолию.*)

Военные действия между Кемалистами и Арменией начались...

Азербайджано-большевицкие части, поддерживая турок, наступали с востока, со стороны Нахичевани и Казаха. Карабекер Кязум-паша шел с запада Армении и скоро занял Саракамышь и Карс. Армения была побѣждена и ей были предъявлены весьма тяжелые условия мира со стороны турок. Улучшив удобный психологический момент, советский представитель в Армении Лигран 30 ноября 1920 г. предъявил ультиматум от имени ЦК Компартии правительству Армении, потребовав передачи власти большевикам над той армянской территорией, которая не была еще занята турками. Армян-

*) Письмо Ангорского Корреспондента в «Журналь д-Ориан» от 15 октября 1920 г.

ское правительство, чтобы спасти остаток своего народа от турецкого ножа, пошло на это, и раздѣл Арменіи между Турціей и Совѣтами стал совершившимся фактом.

Турецко-большевицкія отношенія завершились заключеніем Московскаго договора «дружбы и братства» 16 марта 1921 г. По этому договору к Турціи переходили из территорій Закавказья: Карская, Ардаганская области и Сумалинскій уѣзд. Грузія, Азербайджан и часть Арменіи входили в состав СССР, как самостоятельныя національно-совѣтскія республики. В цѣлях сохраненія территориальной смежности с тюркским Азербайджаном, Турція ввела в договор отдѣльный пункт (третій), по которому находящійся между новыми турецкими владѣніями (Сурмалинскій уѣзд, Эрив. губерніи) и Азербайджаном Нахичеванскій район изымается из под власти Арменіи и передается под протекторат Азербайджана.

Московским договором кончается «бурный» період совѣтско-турецких отношеній, которыя послѣ этого стабилизируются, принявъ форму «дружбы и братства».

Естественно возникает вопрос: каковы его итоги?

Какія цѣли поставили себѣ большевики, входя в сношенія с младотурками и с кемалистами, и чего добились они?

Максимальная цѣль большевиков, как надо предполагать, была совѣтизація Турціи. Потратив на это не мало человеческих жизней, людской энергіи и народных денег, большевики, как извѣстно, этой своей цѣли *не достигли*.

Вторая их задача — по нисходящей градаціи — была поддержаніе в Турціи «революціонной ситуаціи» до тѣх пор, пока это будет выгодно совѣтам в их антиантантских цѣлях. Самое основное в этой политикѣ было: помѣщать Турцію вести самостоятельную международную политику

и, в особенности, установить мирныя взаимоотношенія с державами согласія. Лозанскій мирный договор доказывает, что большевики и этой своей цѣли *не достигли*.

И, наконец, третья цѣль: мирное урегулированіе вопроса о Закавказьи. Когда начались турецко-большевицкія сношенія турки были выгнаны из Закавказья и брест-литовскій договор, по которому к старой Турціи переходили нѣкоторыя Закавказскія области, был отмѣнен. Далѣе как международное так и внутреннее положеніе Турціи было таково, что она и мечтать не смѣла не то что о Закавказьи, но и о сохраненіи своих восточных вилаѣтов. Совѣтская Россія — и лишь она одна — создала ту силу, с которой ей-же пришлось потом считаться при урегулированіи вопроса о Закавказьи. Если большевицкая политика по отношенію к закавказским республикам шла с самаго начала по линіи их захвата, то и тут можно было бы обойтись без помощи Турціи. Самую сильную из этих республик — Грузію большевики захватили своими силами и приходится удивляться что для захвата самой слабой — Арменіи им нужна была помощь кемалистов!

Резюмируя, мы должны констатировать, что в совѣтско-кемалистских отношеніях большевики оказались стороною, которая до конца поступала согласно завѣтам Христа: давала, не ожидая компенсаціи и давала не скупясь...

Что получили кемалисты? Прежде всего *сильное* и *независимое* государство и притом исключительно благодаря помощи русских большевиков. Чтобы как слѣдует оцѣнить все значеніе этой помощи, надо вспомнить, что в началѣ турецкаго національнаго движенія положеніе было так безнадежно, что даже нѣкоторые кемалисты (Бекир Сами и

др.) видѣли единственный выход в отказѣ от независимости и в испрошеніи американскаго мандата над Турціей.

Что же касается интересующаго нас вопроса — пантуранизма, то в этой области Московскій договор дал туркам многое, но не все. Турки не осуществили своего національнаго идеала — созданія объединенной Тураніи, великой имперіи всѣх тюрко-татарских племен. Но они, благодаря своимъ взаимоотношеніямъ с большевиками, спасли идею пантуранизма от окончательной гибели. Закрѣпив за собою армянскія области в Турціи, захвативъ нѣкоторыя части в Закавказьѣ и установивъ такимъ образомъ территоріальную смежность с Азербайджаномъ, — гдѣ до сих поръ господствуетъ ихъ вліяніе, — кемалисты создали исходныя и весьма удобныя позиціи для практическаго осуществленія своихъ пантуранистскихъ плановъ в будущемъ.

«Дружба и братство», укрѣпленные Московскимъ договоромъ между Совѣтской Россіей и Турціей дали кемалистамъ и другое: они сдѣлали необходимымъ для большевиковъ продолженіе своей «восточной политики» в СССР, в результатѣ чего пантуранистскія идеи стали пышно расцвѣтать среди тѣхъ тюрко-татаръ Россіи, которые были вызваны большевиками к національно-государственной жизни чуть-ли не мѣрами принужденія.

Сохраненіе большевистскаго режима в Россіи, его дальнѣйшее существованіе и укрѣпленіе, пантуранизмъ считаетъ в высшей степени благоприятнымъ для своего будущаго...

XI.

ПАНТУРАНИЗМЪ ВЪ НАШИ ДНИ.

Жива ли идея пантуранизма в современной Турціи, или же она, сыгравъ свою роль в жизни турокъ, отошла в область исторіи, другими словами, каково отношеніе Ангоры къ пантуранизму?

Ангора в настоящее время находится в «дружбѣ и братствѣ» с Россіей. С другой стороны, какъ мы видѣли, противъ этой же Россіи направлено пантуранистское движеніе, осуществленіе конечной цѣли котораго — созданіе Объединенной и Независимой Тураніи — связано с распадомъ и разваломъ русскаго государства.

Это обстоятельство создаетъ весьма *деликатное* положеніе для сторонниковъ пантуранизма в Турціи и в особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые занимаютъ высшіе государственныя посты...

Вотъ почему Мустафа Кемаль паша, вслѣдъ за заключеніемъ русско-турскаго договора, вынужденъ былъ *официально* осудить с кафедры Великаго Национальнаго Собранія пантуранизмъ, смѣшавъ его почему-то с панисламизмомъ.

«Одной изъ причинъ нашихъ нынѣшнихъ бѣдъ», сказалъ

оп, являются неосуществимые программы и планы наших бывших руководителей. Они захотѣли создать обширную имперію, объединив в ней все мусульманскія и туранскія племена. Отсюда и возник панисламизм и пантуранизм. Вот именно эти мечты и толкнули партію «Единеніе и Прогресс» къ участию в великой войнѣ. Но эти идеалы слишком эфемерны. Будем же мы в нашей политикѣ болѣе скромны и реалистичны! Вот как я лично понимаю панисламизм: как народ мусульманскій, мы в высшей степени заинтересованы в судьбѣ наших братьев, находящихся в других странах. Мы хотим видѣть их в счастіи и в благоденствіи и в особенности желаем, чтобы они обезпечили себѣ независимость... Но положить в основу нашей дѣятельности эти наши чувства и вести панисламистскую политику, значило-бы повредить нашему дѣлу и подвергнуть опасности нашу страну. Мы сочувствуем их дѣлу, но бороться за него не можем. Мы не мечтатели, не панисламисты и не пантуранисты. Наша цѣль — обезпеченіе собственной независимости и ни за что другое крови мы проливать не будем*).

Эти слова успокоили бы многих, тревожащихся за мир на Ближнем Востоцѣ, являясь лучшим доказательством происшедшей в умах турецких государственных дѣятелей перемѣны... если бы они были искренни.

Но, к сожалѣнію, дипломатическія заявленія, как говорит архи-дипломат Бисмарк, предназначены для того, чтобы скрывать, а не выражать мысли и намѣренія их автора. Таковы и заявленія Мустафа Кемаль-паши. И это понятно, потому что тогда, глава турецкаго національнаго движенія

*) M-me B. G. Gaulis: Angora, Constantinople. Londres. 1922.

дѣлал эти свои заявленія, Турція вела еще борьбу за свое существованіе и в этой борьбѣ единственную помощь она получала от Совѣтской Россіи.

Приблизительно также объясняет выступленіе Мустафа Кемаль-паши один из его сподвижников, председатель «Турецких Очагов» — Амдулла Субхи. В своей бесѣдѣ с той же M-me Gaulis, Субхи, рассказывая довольно подробно и вдохновенно о цѣлях и задачах турецких націоналистов. прибавляет, что все это (т. е. пантуранистскіе планы) — его собственные, а отнюдь не Мустафа Кемалья мысли и что в этом вопросѣ они не всегда и не во всем созвучны с Кемаль-пашой, перед которым, как перед государственным дѣятелем стоят всегда конкретныя и из требованій настоящаго момента вытекающія задачи. Сам же он является, мол, только обыкновенным интеллигентом.*)

Из этих туманных объясненій бывшаго министра Кемалья не трудно заключить, что если и существуют между диктатором и его приближенными разногласія по вопросу о будущих цѣлях Турціи, то они во всяком случаѣ носят не принципиальный и скорѣе тактический характер. Кемаль, как отвѣтственное лицо и как болѣе осторожный человек, держится того мнѣнія, что время для открытых высказываній по вопросу о пантуранизмѣ еще не пришло, а Субхи и иже с ним — «простые интеллигенты» — ни с какими такими соображеніями считаться не желают.

Что же касается существа заявленія Кемаль-паши, то тут мы должны признать, что в одном своем утвержденіи —

*) M-me Berthe. Georges-Gaulis. Angora, Constantinople. Londres. 1922 стр. 4-6.

и лишь в этом — он прав: Кемаль и его сторонники действительно не являются панисламистами.

Правда, Кемаль не затруднился для своего политического *шантажа* обратиться и к помощи панисламизма. Так, например, всем памятна Сивазская конференция, где заседали видные представители всех *магометанских* стран — и не только суннитских но и шитских. Пригласив к себе «всю Азию и Африку», Кемаль использовал их присутствие для запугивания Европы*) и отчасти ему это удалось. Не будь этой большой демонстрации, не будь союза с Афганистаном и Персией и соглашения с индийскими националистами и вообще не будь давления, оказанного всем *мусульманским миром* на Англию и Францию, Кемаль-паша навёрно не удалось бы выиграть свою борьбу и склонить союзников к Лозанской капитуляции.

Однако все таки верно то, что исламская политика Кемаль-паши отнюдь не есть панисламизм Абдул Гамида или «Единения и Прогресса». Прежде всего в ней не было того завоевательно-империалистического элемента, который так отталкивал и пугал всех магометан не-турок. Национальная Турция решила не давать никаких поводов к подозрениям на этот счет. И она, действительно, не таит никакого стремления создать мусульманскую империю под своим главенством. Ея идеал — не *панисламизм*, а *национализм*, как неоднократно заявлял Кемаль-паша, сущность политики которого сводится к использованию того братского чувства, которое на самом деле питают друг к другу мусульманские народы. Кемаль-паша хочет выступать перед

*) *Islamic. Neus.* 27 Jan. 1920.

нотальными мусульманскими народами не в качестве грозного повелителя, а любящего друга и брата, сочувствующаго делу их национального освобождения.

Национальная Турция была убеждена, что эта новая политика принесет ей больше пользы, чем старомодный панисламизм. И в доказательство искренности этого своего убеждения, она отказалась от прерогатив религиознаго верховенства, упразднив в 1924 г. халифат. Этим своим актом Турция выиграла многое, ничего не потеряв. Туркисты давно уже поняли и заявляли о банкротстве панисламизма, и великая война подтвердила правильность их точки зрения. Несмотря на объявление священной войны ни одна из мусульманских стран, подвластных державам Антанты, не поднялась против них, напротив, начиная от Алжира до Калькуты, все мусульмане вошли в ряды армий союзников и дрались против Турции и центральных держав. Не смотря на многолетнюю пропаганду, мусульманский мир продолжал не признавать верховнаго суверенитета Стамбула. В пятничной «хуббе» (молитва) марокканцы продолжали поминать Мулла - Юсуфа, Афганцы — кабульского эмира, Арабы — Гусейна; шиты Персии, Ирака и Индии продолжали оставаться верными вѣроучению Али, Сеидисты Йемена — Иمامу Яхйя, Вагабиты — Ибн Сеуду, друзья — Хакиму и т. д.

Таким образом халифат оттоманских султанов, который вообще говоря не имѣл в прошлом серьёзной исторической основы, оказался и в настоящем лишенным всякаго реального значенія.

Но вмѣстѣ с тѣм вопрос о халифатѣ в продолженіи ряда столѣтій отравлял арабо-турецкія отношенія. В глазах арабов турки были узурпаторами, ибо они не имѣли никакого

права называться преемниками Пророка, когда в Аравии существовали шерифы, — в чьих жилах текла Курейшская кровь.

И практические пантуранисты во имя своих племенно-национальных целей отказались от этого яблока раздора, чьм и приобрели дружественный нейтралитет арабов. Мусульманский мир, за исключением двух-трех индийских вождей, не осудил этого шага Ангоры и простил ей, как семья прощает шалости своего блудного, но преуспевающего сына.

Свой престиж у мусульманских народов Новая Турция сохраняет не как центр халифата, а как независимая и победоносная страна. А в глазах национальной молодежи этих стран, она окружена ореолом передовой и неимпериалистической нации.

Что же касается пантуранизма, то нет никакого сомнения в том, что идея объединения всех тюрко-татарских народов и в настоящее время является национальным идеалом турок. И правительство Кемаль-паши, не только разрешает открытую и свободную пропаганду этой идеи у себя в стране, но и оказывает ей всякое покровительство, а иногда и само навязывает ее населению силою своего авторитета.

Еще на заре кемалистского движения активная часть турецкого общества заявила себя сторонницей пантуранизма и стала открыто пропагандировать идею объединения турок России и Малой Азии. Так например, в январе 1920 г., когда столица Турции находилась еще под властью союзных держав, в ней состоялся грандиозный митинг, на котором в защиту пантуранизма выступили такие видные вожди его, как Юсуф Акчура, Амдулла Субхи, Халиде Эдиб Ханум и др. Видная националистская писательница Халиде Ханум

выдвинула в своей речи требование распространения господства Турции на Кавказ и Туркестан. Другой оратор, Юсуф Акчура, превознося память дарданелльских бойцов, павших за свободу всех угнетенных тюрков, указал, что жертвы эти не прошли даром, ибо благодаря им возник независимый Азербайджан. Далге Акчура говорил о необходимости «уничтожить Армению, эту плотину, которую союзники хотят воздвигнуть между двумя тюркскими народами: малоазиатскими и кавказскими.»

«Турция, потерпевшая ныне военное поражение в политическом отношении — закончил Акчура, — оказалась победительницей именно благодаря пантуранизму»*).

Это настроение явилось доминирующим и в турецком национальном движении, все видные руководители которого, — они же создатели Кемалистской Турции — были одновременно и руководителями пантуранистского движения. Они и сейчас составляют окружение турецкого диктатора. Юсуф Акчура, Ахмед Агаев, Али Гусейнзаде (все три русские татары), Зия Гек Альп (недавно умерший), Фуад Копрюльзаде, Мехмед Эмин, Амдуллах Субхи, Али Гайдар, Халиде Эдибханум (поссорившаяся теперь с Кемалем), Джелал Нури, Зия Нур, Якуб Кадри, Юнус Нади, Румен Эшраф, Фалих Рефке и др., вот имена тех пантюркистов, кто руководит в настоящее время всей внешней и внутренней политикой Турции, состоя членами правительства, Национального Собрания и различных общественных союзов и организаций («Тюркские Очаги»).

«В Турции Божий меч находится в руках народа, а Божье перо — в руках тюркистов», говорит Зия Гек Альп. И это по-

*) R. Pinon. L'offensive de l'Asie. Revue des Deux Mondes, Paris, 15 avril, 1920.

нятно. Кемалистская «Революція», совершив в странѣ идейный и бытовой переворот, должна была опираться и на новых людей, шедших на смѣну младотуркам. Этими новыми людьми оказались как раз *пантюркисты*, идеи которых противопоставлялись идеологии партіи «Единеніе и Прогресс». Вот как пишет об этих двух идеологиях Фалих Рефке в «Хакимете и Миллие». «Вопрос о Мустафѣ Кемаль, пишет он по поводу раскрытаго покушенія на диктатора, начинается не с 1919 г., а с первых дней конституціи... тогда существовали двѣ взаимноборющіяся идеологии: одна — «Единенія и Прогресса», другая — Мустафы Кемалья». Послеъ всего того, что мы говорили о борьбѣ между идеологиями «*оттоманизма*» и «*пантюркизма*», младотурецкой и націоналистской, не трудно заключить, что идеология Мустафа Кемалья, которая противопоставляется идеологии младотурок, есть ничто иное, как *пантюркизм*. Что это так, свидѣтельствует такой авторитет в вопросах пантюркизма, как Зія Гек Алып. «Можно сказать, говорит он, что «*Национальный Пакт*» вышел из программы тюркизма». Далѣе, чтобы подчеркнуть всю важность личной роли диктатора в осуществленіи этой программы, Зія говорит, что ему одному принадлежат лавры побѣды, ибо «мечтать и программы сочинять не трудно; трудно их осуществлять»...

И Кемаль-паша, дѣйствительно, претворил в жизнь то, что многим казалось лишь мечтой. Всѣ его дѣла — как военного так и мирнаго времени, — носят неизгладимую печать символа вѣры пантюркизма. Всѣ его столь прославленные реформы являются осуществленіем пункт за пунктом программы пантуранистов, формулированной ими еще задолго до появленія на политической сценѣ Турціи Кемалья.

Возьмем самую основную из этих «реформ» — преобразование турецкаго государства по признаку однородности его населенія. Как об этом мы уже упоминали выше, Кемаль-паша в этом отношеніи был лишь продолжителем дѣла младотурок, которые, во время войны, придя к убѣжденію в правильности этого требованія тюркистов, взялись за его осуществленіе, вырѣзав поголовно одно из національных меньшинств — армян. Кемаль-паша продолжая это жестокое и варварское дѣло, успѣл покончить с другим меньшинством — с греками. В настоящее время, как мы опять таки указывали, он занят «вычищеніем» курдов, примѣняя к ним тѣ же методы, что были примѣнены к армянам и грекам. И, наконец, в отличіе от младотурок и в полном соотвѣтствіи с программными требованіями тюркистов, Кемаль-паша рѣшил не шадить и тѣ меньшинства, которыя до сих пор, будучи связаны вѣроисповѣдными узами с турками, были всегда вѣрны турецкой государственности. Таковы, например, черкезы, лазы, тѣ же курды и др. Кемаль не довѣряет и им. Взавшись за послѣдовательное осуществленіе лозунга тюркизма: «Турція — только для турок», кемалистское правительство издало ряд законов и административных распоряженій, цѣлью которых является распыленіе и разбѣяніе по Турціи этих меньшинственных обществ и облегченіе, таким образом, их быстрой ассимиляціи. Перед всѣми, уже составляющими *quantité negligible*, національными меньшинствами Турціи, поставлена правительством Кемалья грозная альтернатива: «или ассимилироваться, стать турками — или уйти из Турціи».

Таковы и остальные реформы.

Реформа турецкаго языка: очищеніе его от иностранных

элементов (главным образом арабских и персидских) и уничтожение арабского шрифта; обращенность к народу и к западной цивилизации; борьба против халифата, как естественный вывод противопоставления пантуранизма панисламизму; преследование старых турок, носителей идей оттоманизма и т. д. и т. д. все это является отнюдь не плодом «генія» Кемала, а программными пунктами пантюркизма.

И, наконец, знаменитый «Национальный Пакт», в котором формулированы требования, во имя осуществления которых велась борьба турецкими националистами. Мы уже знаем об этом «Пакт» мнение Зия Гек Альпа. Чтобы убедиться в том, что действительно «Национальный Пакт» кемалистов есть передоженіе программы пантюркистов, возьмем хотя бы его первую статью, определяющую территориальныя границы Турціи, которых добивались кемалисты.

«Тѣ территории — безотносительно к тому находятся ли онѣ в предѣлах определенных перемиріем границ или внѣ их — которыя населены турецко-мусульманским большинством и которыя с точки зрѣнія религіи, этническаго происхождения и стремлений представляют одно компактное цѣлое, не должны быть расчленены». Ясно, что в основѣ этого требованія лежит знаменитая пантуранистская формула: «Ил, дил, дин ве дилек бирліи», т. е. единеніе племен, языка, религіи и стремлений.

Что, действительно, кемалисты так и понимают границы Турціи, формулированныя в «Национальном Пактѣ», видно еще из слѣдующаго, разыгравшагося между двумя турецкими журналистами маленькаго инцидента. Когда года три тому назад проживающій в Константинополѣ лидер Азербайджанской партіи «Мусават» Расул Заде был назван в

одной из турецких газет эмигрантом, то вся турецкая печать подняла настоящій вой. «Ни один азербайджанскій тюрк, писала газета «Вакит»*), в Турціи не является эмигрантом, потому что для всякаго турка, понимающаго значеніе границ, определенных в «Национальном Пактѣ», всѣ территориальныя части (земли) Турціи одинаковы».

Таким образом Азербайджан объявляется нераздѣльной частью Турціи и это при существованіи договора «дружбы и братства» между Турціей и СССР. Заявленія и разсужденія в таком духѣ, очень часто исходящія от самых отвѣтственных людей, можно встрѣтить чуть не каждый день в турецкой печати. Вот, напримѣр, разсужденія Ахмеда Агаева — правой руки Мустафы Кемала — о сущности турецкаго национализма. «Ангора националистическая, — говорит Агаев — в том смыслѣ, что она отказавшись от претензій старой Оттоманской Имперіи, стремится создать тюркскій очаг, в своих этнографических границах... «Она польщена тѣм, что готова свою независимость посвятить дѣлу возсозданія этого тюркскаго очага**). Если вспомнить как тот же Агаев определяет этнографическія границы тюркской территории, тогда будет ясно, что его «тюркскій очаг», к возстановленію котораго, по его словам стремится Ангора, есть ничто иное, как тот же Туран, о котором так поэтично выражается другой пантуранист Мехмед Эмин, говоря в одном из своих стихотвореній, что «как для всѣх пчел есть один улей, такой же должен быть для всѣх турок Туран».

Пантуранистское лицо современной Турціи, в своих ярких и ясных очертаніях, встает и перед каждым иностран-

*) «Вакит». 24 января, 1926 г.
**) Georges-Gaulis. La Nouvelle Turquie.

ным посѣтителем кемалистской Турціи, если он ѣдет туда не для исполненія «соціального заказа» заинтересованных держав или общественно-политических групп, а в цѣлях объективнаго наблюденія и объективнаго воспроизведенія дѣйствительности, какой она есть.

Вот что пишетъ одна изъ такихъ путешественниц — Mme Gaulis в уже нами цитированной своей книгѣ.*)

«...Но что именно обезпечило его (Мустафа Кемаль-паши) успѣхъ, это вѣрность тюрко-монгольскаго міра. Пионеры пантуранизма, Амдулла Субхи, Агаев и др., когда пробивали дорогу, когда устанавливали связь между разными азіатскими группами народов, говорящими на тюркском языкѣ, и не думали, что так быстро пойдет распространеніе их пропаганды...

Без тѣх соплеменных групп, которыя от Кавказа до Афганистана и до границы Китая составляютъ длинную цѣпь родственныхъ народностей, как напримѣр: татары Крыма, магометане Кавказа, республики Бухары, Хивы и Самарканда, народности Туркестана и Ферганы — Мустафа Кемаль не былъ бы в состояніи пріобрѣсти ни того политическаго обаянія, ни того авторитета, благодаря которым он смогъ свести свои счеты не только с Англійей, но и с Россіей.

Еще в 1920 г., еле утвердившись в Ангорѣ, в этомъ узловомъ центрѣ ведущихъ к Азіи дорог, Мустафа Кемаль выступалъ в роли их защитника; он посылалъ им лучшихъ своихъ офицеровъ и оказывалъ большія почести ихъ делегаціямъ**)

*) M-me Berthe Georges-Gaulis, *La Nouvelle Turquie*, 1924. Paris, стр. 273.

***) См. также L. V. S. Blacker. (собр.). *On Secret Patrol in Hight Asia*. London. 1922.

Далѣе, переходя къ значенію для Турціи Малой Азіи, Mme Gaulis пишетъ:

«Вот, вѣдь всякаго сомнѣнія, тотъ подлинный плацдармъ турецкаго движенія, от котораго турки ни за что не откажутся и который дастъ им, несомнѣнно, возможность возсоздать Имперію, географически и этнографически отличную отъ старой Оттоманской Имперіи. Вотъ это и составляетъ ихъ наиболѣе секретную и любимую цѣль. Лишь потому, что они в каждую минуту думаютъ об этомъ, они рѣшили сохранить Ангору, какъ жизненный центръ своей дѣятельности. Это великая тюрко-татарская и тюрко-монгольская федерація, которую вся турецкая интеллигенція и большинство военныхъ руководителей считаютъ необходимымъ завершеніемъ своей побѣды, означаетъ возобновленіе открытой войны противъ великой сосѣдки — Россіи. Эта послѣдняя еще далека отъ возстановленія своей былой мощи. А пока это будетъ сдѣлано, много утечетъ воды изъ подъ мостовъ Кавказа и другихъ азіатскихъ областей. Если — говорятъ между собою турки — мы сумѣли устоять противъ Славянѣнъ в то время, когда наше существованіе висѣло на волоскѣ, то мы не можемъ не имѣть удачи тогда, когда в тѣхъ странахъ, — которыя уже являются нашими — мы будемъ имѣть организаціи подобной той, благодаря которой мы вновь завоевали Малую Азію (Анатолию). У насъ нѣтъ недостатка ни в солдатахъ, ни в генералахъ»*)

Не пустыя ли слова разговоры турокъ «между собою» на счетъ ихъ дѣйствительнаго вліянія среди російскихъ тюрко-татар и не являются ли неимѣющими никакого основанія

*) См. также: Le Baron L. de Contenson. *La question turque vue de l'Asie*. Le Correspondant Jan. 1925. стр. 90.

A. Poidebard: «*Voyages. Au carrefour des routes des Perse*». Paris. 1923.

бахвальством их заявленія о том, что всѣ эти страны «являются уже нашими»? Отнюдь нѣтъ! Пантуранистская пропаганда и сейчас ведется среди російских тюрко-татар и ведется с большим успѣхом. Турція является подлинной политической Меккой для них всѣх, а Мустафа Кемаль — истинным Пророком. Его портреты висят в каждом тюрском домѣ и личность турецкаго диктатора является предметом такого культа, что совѣтская власть вынуждена была прибѣгнуть к специальным мѣрам для его прекращенія. Вереницами идут в Турцію разныя делегации от тюрко-татар Поволжья, Средней Азіи и даже Китайскаго Туркестана. Все больше и больше растет число тѣх молодых людей, которые ѣдут из СССР в Константинополь для полученія «высшаго образованія». Не мало учеников из Россіи и в лицеях Ангоры, Смирны, Трапезунда и других городов.

С другой стороны сотни турецких учителей являются преподавателями в совѣтско-тюрских школах Азербайджана, Дагестана, Туркестана, Поволжья, Крыма и т. д., причем преподаваніе ведется не только на турецком языкѣ, но и по турецким учебникам, напечатанным в Константинополѣ. Тюрко-татарская молодежь Россіи питается турецкой литературой, проникнутой явно пантуранистскими идеями. Совѣтская власть, будучи в «дружбѣ и братствѣ» с Турціей, до сих пор считала неудобным говорить о том, как этот «друг и брат» подготавливает внутренний взрыв СССР. Но в послѣднее время, видно чаша терпѣнія даже у большевиков переполнилась и они стали печатать статьи с разоблаченіями происков пантуранистов. В прошлом году напечатал об этом длинную статью в «Правдѣ» секретарь Азербайджанской компартіи Караев. В началѣ этого года (1929 г.) мы находим

любопытную корреспонденцію в «Комсомольской Правдѣ», гдѣ между прочимъ рассказано слѣдующее: «Выводы произведеннаго в Туркестанской республикѣ в 1928 году школьнаго обследованія прямо констатируют: основной кадр учительства в туркменских школах состоит из болѣе или менѣе явных пантюркистов. Пантюркисты проводят свое вліяніе, главным образом через педагогов — турок и азербайджанцев.

Географію, литературу, обществовѣдѣніе, даже чуть ли не математику, — ребятам преподносят под совершенно особым углом зрѣнія.

Географія превращается в науку о Турціи, и только о Турціи.

Из всей міровой литературы достойны вниманія оказываются исключительно турецкіе писатели. Буржуазная Турція расцвѣчивается на разнообразныя лады и преподносится, как нѣкая страна чудес, страна-сказка.

В книгѣ «Исторія Тюркизма», представляющей собою нѣчто в родѣ платформы пантюркистов, сказано так:

«Идеологія тюркистов состоит в том, чтобы угузов, татар, киргизов, узбеков и якутов, объединенных под именем туранцев, объединить в языкѣ и в культурѣ».

Скрытая цѣль пантюркистов — создать единое государство, в котореое вошли бы разрозненные племя тюркскія народности. Под чьей же рукой должно объединиться это новое огромное государство? Конечно... Турціи».

Вот что показывает произведенное в Туркестанѣ школьное обследованіе.

Все это очень любопытно, но еще больше любопытнаго рассказали бы нам большевики, если бы опубликовали

данныя, добытыя военными штабами красной арміи Кавказской, Туркестанской и др...

Есть много оснований думать, что даже у русских большевиков раскрылись глаза перед той опасностью, которую представляет пантуранизм. И это понятно, так как слишком откровенный характер приняла за последнее время дѣятельность пантуранистов и в особенности тѣх эмигрантов из російских тюрко-татар, которые послѣ нѣкоторых скитаній по разным европейским странам, теперь окончательно обосновались в Турціи, учредив в Константинополѣ и в Ангорѣ свои главные штабы.

Всѣ эти тюрко-татарскіе вожди, принадлежавшіе раньше к различным политическим теченіям, теперь объединились на платформѣ, включающей в себѣ слѣдующіе основные принципы: признаніе необходимости культурнаго и политическаго единенія всѣх тюрко-татар Россіи и Турціи; признаніе исключительной роли за *новой* Турціей и в частности за ея вождем Кемаль-пашою в осуществленіи этой великой національной миссіи и, наконец, отказ от старых «иллюзій» насчет возможности добиться удовлетворенія своих національных требованій при помощи русской демократіи и в случаѣ перехода власти к ней. Характерно, что в настоящее время в лагерь Акчуры и Агаева перешли и тѣ немногочисленные представители лѣвой тюрко-татарской интеллигенціи, которые до послѣдняго времени держались так называемой російской оріентаціи, дѣлая ставку на побѣду русской демократіи.

Какія задачи ставит перед собою этот единый и объединенный фронт эмигрантов-пантуранистов? В отличіе от своих предшественников — Гусейнаде, Акчура и др.,

новое поколѣніе пантуранистов занимается в Турціи не столько пропагандой своих идей — в чем современная Турція больше не нуждается — сколько обсужденіем совместно с турецкими собратьями, тѣх практических вопросов, которые связаны с будущим устройством единаго и объединеннаго Туранскаго государства. К числу таких вопросов принадлежит, напримѣр, вопрос о формѣ объединенія западных и восточных турок и в частности вопрос о том, должна ли эта связь носить форму федеративнаго или простаго объединенія.

Среди дѣятелей восточных турок (азербайджанцы) преобладает точка зрѣнія федеративнаго объединенія с Турціей, между тѣм большинство турецких дѣятелей настаивает на том, чтобы объединеніе по крайней мѣрѣ с огузіанами было без всяких условій и оговорок («Илтihak била кайд у шарт»). Конечно и в Турціи есть теченія, признающія принцип всетюркской федераціи, как и среди російских тюрко-татар есть нѣкоторыя группы, которыя защищают точку зрѣнія вхожденія в состав Турціи без всяких условій*), но и там и тут эти теченія составляют меньшинство. Таким образом демаркаціонная линія проходит между турками, находящимися в Турціи и внѣ ея предѣлов. Первые в своем большинствѣ являются сторонниками «Меркеза Вахдети (Централистскаго Объединенія), а вторые — «Адем и Меркез Вахдети» (Децентралистскаго Объединенія). Это послѣднее теченіе так раздражает иногда нѣкоторых представителей «Меркез Вахдети», что они не останавливаются перед обви-

*) В Азербейджанѣ на этой точкѣ зрѣнія стоит возникшая в 1917 г. партія «Безюк Тюркіа ве Иттихадэ Ислам».

нениями децентралистов в стремлениях к *независимости от Турции в сепаратизмъ*, что, конечно, с протестом возмущения отвергается послѣдними...

Не лишне будет познакомиться с возникшей нѣсколько лѣт тому назад на страницах турецкой газеты «Вакит» полемикой между сторонниками этих двух точек зрѣнія. Она так характерна для иллюстраціи умонастроения современных пантуранистов, как российских так и турецких. Полемика эта возникла между видным турецким публицистом Али Гайдар Эмир-беем с одной стороны и двумя не менѣе видными представителями российского пантуранизма А. Исхаковым и Расул Заде — с другой. Поводом к полемикѣ была напечатанная в турецком журналѣ «Тюрк Юрду» статья А. Исхакова, в которой этот послѣдній весьма остроумно говорит о необходимости *культурнаго* объединения всѣх тюрков и лишь в заключеніи прибавляет нѣсколько слов о необходимости объединения *политическаго*. «Надо объединить всѣ тюркскія нарѣчія, пишет А. Исхаков. Надо перенести центр тюркизма в Ангору, в Сиваз или в Эрзерум, т. е. в болѣе близкое к Азербайджану и к Туркестану мѣсто.

Турція должна взять в свои руки защиту интересов всѣх тюрков и защищать против опасностей, откуда бы онѣ ни шли».

Эти заключительныя слова А. Исхакова дали повод турецкому публицисту Али Гайдар беему обратиться к «представителю сѣверных тюрков» с рядом провокаціонных вопросов. Вот на эти вопросы и отвѣчает А. Исхаков в своей длинной статьѣ, напечатанной в константинопольской газетѣ «Вакит», от 1926 г. 23 января. Приведем нѣсколько характерных выдержек из этой статьи. А. Исхаков, обра-

щаясь к Гайдар-беему, свой отвѣтъ начинает с прокламирования своей вѣрности идеѣ пантюркизма и с указанія своих личных заслуг в дѣлѣ пропаганды идей пантуранизма. «Еще в долгій період своей жизни в Россіи, говорит А. Исхаков, я, вопреки непрекращающимся преслѣдованіям русскаго правительства, пропагандировал эту мысль (необходимость объединения всѣх тюрков.З.). К этой своей идеѣ тюркскаго объединения я смог приучить не только своих читателей, но, в нѣкоторой мѣрѣ, даже и царское правительство. И я отнюдь не считаю неумѣстным возбудить здѣсь еще раз этот вопрос, который я пропагандировал в продолженіе многих лѣт своими газетными статьями, своими рѣчами и выступленіями на публичных собраніях. Вѣрнѣе я бы хотѣл публично указать на результаты той идейной борьбы, которой посвятил я свои силы в продолженіе многих лѣт.»

«Как вы правильно указываете, говорит он Гайдар-беему, и я был увѣрен в том, что среди просвѣщенных дѣятелей турецкой республики не найдется ни одного человѣка, который был бы против тюркизма», но, к сожалѣнію, он, должен все же констатировать единичныя выступленія, свидѣтельствующія о том, что оттоманское мировоззрѣніе еще не окончательно изжило свой вѣкъ.

«Вот такія явленія (т. е. антипантуранистскія выступленія нѣкоторых сторонников оттоманизма. З.), — продолжает А. Исхаков, — которыя мнѣ, привыкшему к полемикѣ и борьбѣ человѣку могли бы казаться естественными, страшно огорчают большинство наших зарубежных (внѣ Турціи находящихся. З.) тюрков, незнакомых с тонкой дипломатіей. И я знаю, что благодаря им во многих тюркских домах на Сѣверѣ льются слезы и рушатся надежды».

Что же касается его личного отношения к идее «тюркского объединения» и в частности отношения северных (поволжских) тюрко-татар к Турции, то это, по словам А. Исхакова, так очевидно, что не нуждается ни в каких доказательствах. И все же указывая на некоторые факты, доказывающие привязанность всех северных татар к Турции, А. Исхаков продолжает:

«На нашем Севере не меньше было читателей старого «Тюрк Юрду»*), чем в самой Турции. И у нас на Севере турецкий военный марш был священным национальным произведением».

...«Я лично свой литературный вкус развил на чтениях произведений на турецком языке и чтобы читать книги на османском, азербайджанском, узбекском и крымском наречиях мне не нужно было брать у когонибудь уроков турецкого языка.»

...«19-ти лет, когда я поступил в школу учиться русскому языку, мы там всегда читали константинопольские журналы, одновременно следя за парижским «Мешверетом», болгарским «Мизаном», египетским «Тюрком» и за другими изданиями в Кипре и в других местах.»

...«Провозглашение конституции в Турции во всех тюркских странах было встречено, как большой праздник. Наши северные писатели, общественные деятели, купцы, учителя и студенты стали целыми караванами отправляться в Турцию, чтобы от нея получить новую пищу, воспринять новый дух».

Но вскоре в России изменились политические условия,

*) Пантюранистский орган, издававшийся в Турции

наступила «ужасная, угнетающая реакция Столыпина», которая и стеснила свободное развитие национального движения татар. «В дни свобод, — объясняет А. Исхаков, — наши российские тюрко-татары положили начало большому национальному движению, направленному против русских, а потому и теперь мы стали бельмом на глазу царского правительства», которое начало чинить всевозможные препятствия этому движению. Вот, говорит А. Исхаков, благодаря этим гонениям — а вовсе не от отсутствия чувств привязанности к Турции, как пытается объяснить Гайдар-бей, мы, российские тюрко-татары и не могли по отношению к тюркизму сделать то, что от нас требовалось.

«Скажите, — обращается он к Гайдар-бею, — что мы могли при таких условиях сделать для дела тюркизма, мы неопытные руководители движения, имевшего всего 5-10 летнюю давность? Что ожидалось от нас? «То-то» сделали против нас, «того-то» не сделали для нас. — говорят нам некоторые турки, не считаясь с тем политическим и экономическим положением, в котором находились мы в России».

Но что бы там ни говорили, одно несомненно. Это то, говорит А. Исхаков, что «среди зарубежных тюрков никогда не было движения, стремившегося к отдельному от Турции объединению. Никогда не стремились «свить свое гнездо»: Север — вокруг Казани, Туркестан — вокруг Бухары, Крым — вокруг Бахчисарая и Азербайджан — вокруг Баку. Эти центры в своей деятельности всегда исходили из сознания, что являются лишь ветвями великого тюркского дерева, что тот воздух, которым все они дышат, есть турецкий воздух».

Что же касается обвинения русских татар в том, что они

какбы не поддержали турок, когда они были в войнѣ с Россіей, то и оно лишено основанія. говорит А. Исхаков, ибо «во время войны турки Россіи поднимали нѣсколько раз возстанія и большинство офицеров и солдат тюркскаго происхожденія, которыхъ русский военный штабъ подозрѣвая в тюркизмѣ, перевелъ с Кавказскаго на Австро-Венгерскій и Германскій фронт, весьма сознательно сдавалось в плѣн. Другая же часть ихъ пошла на защиту Анатоли и пала за Турцію на берегахъ Тигра и Ефрата».

И какъ можно послѣ всего этого обвинять российскихъ тюрко-татар в недостатокѣ... турецкаго патриотизма. А. Исхаков, какъ одинъ изъ такихъ патриотовъ, протестуетъ противъ этихъ обвиненій, неоснованныхъ ни на какихъ фактахъ и в своей статьѣ блестяще доказываетъ всю ошибочность утвержденій Али Гайдар Эмин-бея...

Столь же любопытна и полемика Расул Заде съ тѣмъ же Гайдар-беемъ.

В газетѣ «Ваки́т» (31 дек. 1925 г.) Гайдар-бей написалъ нѣсколько горькихъ словъ по адресу азербайджанцевъ, обвиняя ихъ в томъ, что они, мол, в свое время не захотѣли войти в составъ Турціи, потому и ихъ независимость была «поглощена в крови».

В отвѣтъ на эти обвиненія, лидеръ Азербайджанской партіи «Мусаватъ» Расул Заде выступилъ съ двумя статьями в той же газетѣ «Ваки́т» (от 7 и 8 февр. 1926 г.), в которыхъ доказывалъ, что «лозунгъ независимости Азербайджана направленъ не противъ Турціи, а противъ Россіи, что само собой «подразумѣвается» и что партія «Мусаватъ» всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія объединенія всѣхъ тюрковъ, но она это объеди-

неніе мыслит в формѣ федераціи, потому она и называется тюркской федералистской партіей.

Эти объясненія лидера «Мусавата» не удовлетворяютъ Али Гайдар Эмин бей и онъ выступаетъ съ двумя новыми статьями, в которыхъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ принципы федераціи и независимости и требуетъ признанія безоговорочнаго присоединенія Азербайджана къ Турціи.

Принципъ федераціи является весьма «неопредѣленнымъ и растяжимымъ понятіемъ», говоритъ Гайдар бей. «Какъ еще вчера Азербайджанъ, «заключивъ союзъ» съ грузинами и армянами, выставилъ противъ насъ чудовище Закавказской Федераціи, такъ и завтра онъ можетъ «заключить союзъ» съ бѣлыми русскими или персами и все это во имя вѣрности своему принципу федераціи»...

«Федерація, но съ кѣмъ, вопрошаетъ Гайдар-бей, съ грузинами-меньшевиками и съ армянами-дошваками?... «Вѣдь еще не высохла кровь 110 тысячъ турокъ, убитыхъ в теченіе трехъ мѣсяцевъ в Баку, в Эривани и в Карсѣ? Такъ какъ же мы можемъ послѣ этого войти в союзъ съ армянами?»...*)

В другой своей статьѣ Гайдар-бей ставитъ Расул Заде нѣсколько каверзныхъ вопросовъ. «Допустимъ, что дѣйствительно Азербайджано-Армяно-Грузинская Федерація направлена противъ русскаго господства, но каково должна быть позиція Азербайджана при вѣроятномъ туренко-грузинскомъ или турецко-армянскомъ столкновеніи?... Какова должна быть передъ тюркскимъ миромъ позиція Азербайджана, связаннаго федеративными узами съ врагомъ турокъ — Армeній?»**).

*) «Ваки́т» 26 января, 1926 г.

***) «Ваки́т» 31 января, 1926 г.

Требуя от Расул Заде яснаго и опредѣленнаго отвѣта на эти свои вопросы, Гайдар бей переходит к второму пункту разногласія — к вопросу о независимости Азербайджана.

Если лозунг независимости, выставленный азербайджанцами, надо понимать, — говорит Гайдар бей, — как независимость от Россіи, но отнюдь не от Турціи, то почему его не формулировать так: «Отдѣленіе от Россіи и присоединеніе к Турціи?».

«Вы хотите, говорит Гайдар-бей, обращаясь к Расул Заде, чтобы сперва Азербайджан стал независимым государством, с своей арміей, флотом, министерствами финансов и вѣдѣніи, с своим трехцвѣтным знаменем, а потом вошел в союз с Турціей, но это вѣдь не то, чего требуют турецкіе тюркисты. Конечно, когда они (т. е. турецкіе тюркисты) говорят: «давайте объединимся», то они вовсе не подразумевают под этим, что всѣ девять тюркских народов забудут сразу свое прошлое и, уничтожая раздѣляющія их пространства, объединятся в одно государство». Но они не хотят также создать рядом с собою территориально смежныя тюркскія государства, чтобы потом с ними жить лишь как союзники... Нашим девизом является: «дил бирліги, ил бирліги», т. е. единеніе языка — единеніе территоріи.*)

Приняв вызов турецкаго публициста, Расул Заде в пространной статьѣ доказывает, что Гайдар бей находится в заблужденіи, что ёго толкованіе значенія защищаемых «Мусаватом» принципов федераціи и независимости являются произвольным и, в частности, ни на чем не основаны страхи

*) «Вакит», 26 января, 1926 г.

Гайдар бей перед тѣм, что, мол, Закавказская Федерация или независимость Азербайджана могут помѣшать осуществленію того всетюркскаго объединенія, к которому стремится наравнѣ с другими тюркскими организаціями и Азербайджанская тюркская партія «Мусават». Наоборот, как конфедерация, так и независимость мыслятся азербайджанцами, как средства, способствующія наилучшему осуществленію объединенія Азербайджана с Турціей.

«Да, Гайдар бей, — говорит Расул Заде, — чтобы уничтожить русское господство на Кавказѣ, чтобы воспрепятствовать его вторичному появленію там в какой бы то ни было формѣ, журнал «Ени Кавказ», редактором котораго являюсь я, защищает идею Кавказской федераціи, видя в ней средство, обезпечивающее сотрудничество Азербайджана и остальных кавказских народностей в борьбѣ против русскаго империализма.

В этой организаціи, которая вызвана к жизни, чтобы быть против Россіи, естественно, не имѣют мѣста руссофильскіе элементы, даже если они являются кавказцами. Нельзя и в мыслях допустить, что такая организація может быть вообще против Турціи. Наоборот при таком положеніи вещей тюркскій элемент пріобрѣтает весьма важное значеніе, что и является гарантіей для Турціи против всякой опасности. Доказательство этому можно найти в нашей новѣйшей исторіи. Таким образом, неправильное представленіе о том, что якобы кавказская конфедерация безусловно является препятствіем всетюркскому объединенію.*)

Для дальнѣйшаго развитія и разъясненія своей мысли,

*) «Вакит» 17 февраля 1926 г.

Расул Заде приводит слѣдующую цитату из своей же статьи, написанной послѣ Лозаннской конференціи:*) «В эти дни, когда мы видим, как то там, то тут так сильно бьет ключем тюркская національная жизнь, мы все больше убѣждаемся, что не смотря ни на какія временныя препятствія, придет естественным ходом исторіи день, когда всѣ эти ручки, слившись, составят одну могучую рѣку федераціи. И перед нами невольно встает мысль о том, как в результатъ объединения в 1871 г. разрозненных нѣмецких государств, германская нація достигла такой силы и величія в области культуры, науки, торговли и военнаго дѣла.

Тюркскій мір, чтобы достичь этого счастливаго идеала, должен пройти много этапов. Вот одним из этих этапов и является объединеніе кавкааских народов против русскаго владычества**).

Приведа эти свои черезчур ясныя слова, Расул Заде заключает свою мысль слѣдующими словами: «мы говорим Али Гайдар-бею тѣ слова, которыя можно говорить при нынѣшних наших условіях и мы еще раз повторяем, что осознавпій свою тюркскую сущность, Азербайджан через свой лозунг независимости идет к національному объединенію»...

Резюмируя эту чрезвычайно любопытную полемику, можно придти к таким выводам. Как турецкіе, так и азербайджанскіе пантюранисты признают необходимость политическаго и культурнаго объединенія всѣх тюркских народов; и тѣ и другіе согласны с тѣм, что центром этого объеди-

ненія должна стать Турція. Что же касается формы этого объединенія, то тут уже возникаютъ нѣкоторыя разногласія. Азербайджанцы, болѣе реально оцѣнивающіе опасность представляемую русскими для осуществленія пантюранистскихъ планов, предлагают к конечной цѣли пойти не сразу, а «этапами». По хитроумному плану Расул Заде прежде чѣм приступить к этому объединенію, надо сперва выступить с лозунгом независимости кавказскихъ народностей и их федераціи.

Этот лозунг, гдѣ так мало сказано о Турціи и так много — против Россіи, даст возможность объединить всѣ кавказскіе народы (кромѣ тѣх, которые являются явными врагами турок, т. е. кромѣ армян) в борьбѣ против русскаго господства. Когда эта борьба будет благополучно окончена и русскіе будут изгнаны с Кавказа, тогда и «Мусават» перейдет к второму пункту своей программы, т. е. к федераціи и ея толкованію. Этот пункт программы «Мусавата», послѣ вышеприведенныхъ удивительныхъ объясненій Расул Заде, означает, как мы видим, не только федерацію между кавказскими народами, но и этих послѣднихъ с Турціей. Опираясь на это послѣднее толкованіе, «Мусават» еще раз попросит Турцію притти на Кавказ и «федерировать» его *весь* с собою. Вот сущность плана Расул Заде.

Гайдар-бей же возражает против этого плана главным образом потому, что он слишкомъ «хитроумный». К чему всѣ эти «окольные пути», как бы говорит он; Турція должна взять и присоединить к себѣ Азербайджан, как населенную тюрками страну. И азербайджанцы, если они сочувствуют идеалам пантюркизма, должны сами добровольно пойти на

*) «Ени Кавказія», 26 сентября, 1923 г.

**) «Вакиф» 17 февраля 1925 г.

это, без всяких претензій на «собственную армию, собственныя министерства» и пр.

Как ни интересна и ни характерна эта полемика, однако не слѣдует преувеличивать ея значенія. В главном — в поставленной перед своей дѣятельностью цѣли все пантунранисты солидарны и едины. И что важнѣе всего — *едина сейчас направляющая эту дѣятельность воля...* Воля эта есть воля Мустафы Кемала, т. е. лица, к которому обращены сейчас полные благоговѣнія взоры всех турецких націоналистов — как анатолійских так и, в особенности, російских...

